

1-1457379

— ee

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЭПОСА

0
13

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
им. А. М. ГОРЬКОГО

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОЕ
ИЗУЧЕНИЕ
ЭПОСА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1971

О Т В Е Т С Т В Е Н Н Ы Е Р Е Д А К Т О Р Ы :

В. М. ГАЦАК, А. А. ПЕТРОСЯН

7-2-2
137-71(II)

ОТ РЕДАКЦИИ

За последние годы заметно расширилась и активизировалась работа по изданию и изучению народного эпоса. Многие эпические памятники народов нашей страны впервые вводятся в научный обиход. Другие, известные и раньше, получают более полное и верное освещение.

Достижения советского эпосоведения очевидны и бесспорны. Но они были бы еще значительнее, если бы методика и практика ведущейся работы не страдали порой серьезными недостатками. Из таких недостатков следует выделить два.

Первый состоит в том, что научное толкование эпических произведений носит подчас чрезвычайно общий и суммарный характер. Улавливаются лишь самые приблизительные контуры произведения, самые общие признаки его содержания и формы. Вне рассмотрения остается реальная фактура народного эпоса во всей ее художественной конкретности.

Другим серьезным недостатком является низкий научный уровень некоторых публикаций эпоса. Приходится констатировать, что традиции скрупулезной филологической работы с эпическими памятниками осваиваются еще не во всей полноте, а иногда явно утрачиваются. Некритическое отношение к источникам, любительский подход к подготовке изданий, операции, совершаемые без необходимого обоснования, изживаются медленно. А это значит, что имеются изъяны в самой документальной основе эпосоведения.

В обеих указанных ситуациях проявляется недостаточно серьезная и недостаточно тщательная работа с текстами народного эпоса. И нужны немалые усилия, чтобы добиться здесь желаемых перемен.

В данной книге особое внимание уделено исследованию эпического повествования, его компонентам, сказительскому воплощению; с другой стороны, здесь представлены работы специальной текстологической тематики. Такое расширенное понимание текстологического изучения следует считать не только оправданным, но и очень важным на современном этапе науки о народном творчестве. Плодотворно начатое специалистами по русскому фольклору

лору¹ текстологическое изучение, не ограничивающееся вопросами эдиционного порядка, теперь распространяется на материал ряда других народов.

Рассматриваемые вопросы не являются узко локальными. Авторы статей на конкретном материале разрабатывают проблемы общего характера, важные для понимания эпических памятников и эдиционной практики.

В статьях первого раздела такими проблемами являются: сказительский вариант и его эволюция во времени; звучание традиционных формул в эпическом контексте; единство эпического повествования и факторы, его определяющие.

В статьях второго раздела ставятся проблемы критического анализа собирательской и издательской работы; выбора основного текста; методических аспектов и норм научного редактирования; фиксации мелодий эпоса. Рассматриваются также типы изданий эпоса на русском языке и дается оценка некоторых зарубежных публикаций эпоса народов СССР.

Включенные в книгу статьи используют опыт работы над серией «Эпос народов СССР», в значительной части опираются на архивные документы и неопубликованный фольклорный материал.

¹ «Принципы текстологического изучения фольклора». М.—Л., «Наука», 1966.

ЭПИЧЕСКИЙ ПЕВЕЦ И ЕГО ТЕКСТ

В. М. ГАЦАК

Нашей отечественной фольклористике, дореволюционной и советской, принадлежит неоспоримый научный приоритет в постановке и развернутом изучении на основе богатейшей многонациональной традиции проблемы эпического певца. Усилиями П. Н. Рыбникова, А. Ф. Гильфердинга, позднее Б. М. и Ю. М. Соколовых, А. М. Астаховой, В. И. Чичерова и др. — по русским былинам, В. В. Радлова и многих других ученых XIX—XX вв. — по эпосу других народов страны накоплен и в ряде случаев фундаментально исследован ценнейший материал, характеризующий репертуар народных певцов, их творческую одаренность и мастерство, школы и династии исполнителей, отношение сказителей различного типа к унаследованной традиции и параметры ее обновления в новых исторических условиях. Были развеяны или по крайней мере сильно поколеблены представления о «безличности» народного эпического искусства в его бытовании и передаче из поколения в поколение. Работы в данной области получили у нас широкий размах в довоенный период¹ и нашли выражение в ряде изданий, вышедших тогда же или в послевоенные годы². Они имели

¹ Следует прежде всего упомянуть экспедиции Гос. академии художественных наук в Москве, 1926—1928 гг. («По следам Рыбникова и Гильфердинга»), Гос. института истории искусств в Ленинграде, 1926—1929 гг., и дальнейшие обследования северных областей бытования русского эпоса (Заонежье, Зимний берег Белого моря, Пудожский край, Нижняя Печора и др.). Подробнее см.: А. М. Астахова. Былины. Итоги и проблемы изучения. М.—Л., «Наука», 1966, стр. 199 и сл. И в других республиках Советского Союза еще до войны активно проводились записи от выдающихся исполнителей народного эпоса.

² Выделим «Былины Севера» А. М. Астаховой (М.—Л., Изд-во АН СССР, т. I — 1938; т. II — 1951. Далее: Аст., I, II) и ее монографию «Русский былинный эпос на Севере» (Петрозаводск, 1948), «Онежские былины» Ю. М. Соколова и В. И. Чичерова (М., 1948. Далее: Сок.—Чич.) с исследованием В. И. Чичерова («Сказители Онего-Каргопольщины и их былины»), частично отражающим содержание его уникальной диссертации «Школы сказителей Заонежья» (1941), «Былины Пудожского края» Г. Н. Париловой и А. Д. Соймонова (Петрозаводск, 1941). Ценный цикл составили спе-

не только научное, но и общественное значение и снискали международное признание. Положительная их оценка и ныне сохраняет свою силу. Однако это не мешает видеть допускавшиеся крайности³ — вспомним те случаи, когда индивидуальные поновления и импровизации принимались за развитие жанра героического эпоса в целом. (Между прочим и зарубежная наука в лице некоторых известных авторов не избежала подобной аберрации, но только в другой связи — при недостаточно осторожном моделировании средневековых или даже античных процессов на основе изучения современных исполнителей эпоса. К сожалению, эта сторона как-то выпадает из поля зрения, и в печати встречаем лишь отзывы о сугубо аналитическом опыте.)

50-е и особенно 60-е годы ознаменовались — после некоторого (правда, не повсеместного) спада и даже элементов кризиса — вновь возросшим научным интересом к эпическому певцу в нашей стране и за рубежом.

Очень важно, что наблюдается не только значительное расширение поднимаемого материала, но и обогащение проблематики. Об этом свидетельствуют работы В. М. Жирмунского (оценивающего и теоретические споры⁴) и начатые еще в 40-х годах⁵ плодотворные разыскания в ряде советских республик⁶, а также в за-

циальные сборники, воспроизводящие репертуар отдельных сказителей в записях 30-х годов: «Былины М. С. Крюковой» Э. Г. Бородиной и Р. С. Липец (М., т. I—II, 1939—1941), «Былины П. И. Рябинина-Андреева» В. Г. Базанова (Петрозаводск, 1940), «Сказитель Ф. А. Конашков» А. М. Линевского (Петрозаводск, 1948). Далее: Кон.) и др.

Ср. самокритичное заключение крупнейшего специалиста А. М. Астаховой: «Полемичность исследования (речь идет о критике «концепции затухания эпоса в среде крестьянства уже в XVIII—XIX вв.» — В. Г.) приводила иногда к некоторым преувеличениям, к известному затушевыванию явлений эпигонства и деградации» (А. М. Астахова. Былины. Итоги и проблемы изучения, стр. 257—258).

⁴ В. Жирмунский. Народный героический эпос. М.—Л., 1962 (гл. IV — «Среднеазиатские народные сказители»); он же. Среднеазиатские народные сказители (Традиция и творческая импровизация). VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М., 1964; он же. К вопросу об устной традиции эпоса (предисловие к статье Рамона Менендеса Пидала «Югославские народные певцы и устный эпос в Западной Европе»). — «Изв. АН СССР. Серия литературы и языка», 1966, т. XXV, вып. 2.

⁵ Например, в 1942 г. во Фрунзе выходит книга К. А. Рахматуллина «Манасчылар» (ср. недавно опубликованную в сокращении диссертацию 40-х годов, принадлежащую тому же автору: «Творчество манасчи». — В сб.: «Манас — героический эпос киргизского народа». Фрунзе, 1968); см. также: В. М. Жирмунский, Х. Т. Зарифов. Узбекский народный героический эпос. М., 1947 (гл. 1 — «Народные сказители»); В. Я. Евсев. Певец руи Архип Перттунен. — «Избранные руны Архипа Перттунена». Петрозаводск, 1948.

⁶ И. В. Пухов. Исполнение олонхо. — «Доклады на Второй научной сессии Якутского филиала АН СССР». Якутск, 1951; Ф. И. Лавров. Кобзар Остап Вересай. Киев, 1955; Е. Исаилов. Акыны. Алма-Ата, 1957; Ф. И. Лавров. Творцы и исполнители украинского эпоса. — «Основные проблемы эпоса восточных славян». М., Изд-во АН СССР, 1958;

рубежных странах — например, в Болгарии, где уже в начале 50-х годов выходят работы, характерные творческим преломлением некоторых идей советских авторов⁷.

Умножаются исследуемые аспекты, это проявляется в постановке оригинальных историко-фольклорных, историко-литературных и собственно текстологических задач. Достаточно сослаться на труды П. Д. Ухова, посвященные «общим местам» как средству паспортизации былин⁸, или на работы ряда зарубежных ученых, которые занимались наблюдениями над современным исполнительством для раскрытия устных стилевых основ античных и средневековых памятников и для истолкования процессов создания и воспроизведения эпических произведений (см., например, монографию Альберта Б. Лорда «Эпический певец», в которой обобщены югославские экспедиции и эксперименты автора книги и его учителя М. Парри, последние выступления Р. Менендеса Пидала, завершившие его полувековые занятия западнороманским эпосом, и т. д.)⁹.

Особое значение имеет тот факт, что вносятся известные коррективы в понимание роли певца. Показательно, в частности, выдвигавшееся еще в 40-е годы, а в последний период выражаемое с новой силой возражение против реальных, но также и мнимых преувеличений индивидуального начала (см. полемику в «Русском фольклоре» и «Вопросах литературы», а за границей — критику Менендесом Пидалем монографии Лорда). С другой стороны, примечательна внешне более локальная критическая оценка представлений о полной неизменяемости «общих мест» в работе Б. Н. Путилова «Искусство былинного певца»¹⁰.

М. Т. Рильский, Ф. И. Лавров. Кобзар Егор Мовчан. Киев, 1958; В. Я. Евсеев. Исторические основы карело-финского эпоса, кн. 2. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1960 (раздел: «Роль рунопевцев в развитии эпической поэзии»); М. О. Аузов. Мысли разных лет. Алма-Ата, 1961 (раздел: «Киргизский героический эпос «Манас». Сказители эпоса»); И. Т. Сагитов. Каракалпакский героический эпос. Ташкент, 1962 (раздел: «Народные сказители»); Б. П. Кирдан. Украинские народные думы. М., Изд-во АН СССР, 1962 (раздел: «Творцы и исполнители украинских народных дум»); Каллы Аимбетов. Каракалпакские народные сказители. Ташкент, 1965; Р. З. Кыдырбая. К проблеме традиционного и индивидуального в эпосе «Манас». Фрунзе, 1967; «Великий певец «Джангары» Эзлян Овла и джангароведение». Элиста, 1969; Р. А. Шерхунаев. Сказитель Неохон Петров. «Иркутск», 1969, и др.

⁷ Цв. Вранска. Дядо Мано — автор и исполнитель на народни песни от с. Маслово, Софийско. — «Изв. на етнографския ин-т с музей», кн. 1. София, 1953, стр. 146; Г. Керемидчиев. Народният певец дядо Вичо Бончев. София, 1954, стр. 26 (ср. П. Динеков. Български фолклор, т. I. София, 1959, стр. 209—211).

⁸ П. Д. Ухов. Атрибуции русских былин. М., 1970.

⁹ См. также монографию Е. М. Мелетисского «Эдда» и ранние формы эпоса» (М., «Наука», 1968, раздел: «Народно-поэтические элементы эдди-ческого стиля»).

¹⁰ Б. Н. Путилов. Искусство былинного певца (из текстологических наблюдений над былинами). — «Принципы текстологического изучения фольклора». М.—Л., «Наука», 1966.

На фоне активизирующихся изысканий явственно выступают пробелы. В частности, не изучался систематически в прошлом¹¹ и недостаточно освещен до сих пор вопрос о соотношении разновременных текстов одного певца, хотя неоднократно отмечалось наличие всех оснований для такого изучения: «...нередко бывает так, что один и тот же певец в разное время пропоет былину по-разному: то вставит новые подробности, то соединит в одну былину две, некогда разных, как бы сольет их, то пропустит кой-что или по забывчивости, или сознательно, то перенесет одного богатыря из быльны в другую»¹².

Этот вопрос имеет немалое самостоятельное значение, но его разработка крайне важна и для изучения коллективного и личного в передаче эпоса, которое ведется начиная с известной статьи А. Ф. Гильфердинга об олонецких народных рапсодах.

Необходимый фактический материал собран и собирается ныне по эпосу ряда народов. Особенно показательны сборники русских былин: репертуар большого числа сказителей фиксировался многократно, через самые различные промежутки времени. В обобщающем труде об итогах и проблемах изучения былин А. М. Астахова выделяет ряд крупнейших сказителей, от которых имеются повторные записи (И. С. Богданова, Ф. А. Конашков, М. Д. Кривополенова, А. М. и М. С. Крюковы, А. М. Пашкова, Т. Г. и И. Т. Рябинины, И. Г. и Н. И. Рябинины-Андреевы, А. П. Сорокин, В. П. Щеголенок, Г. Я. Якупов и др.)¹³. Список легко увеличить. Материал повторных записей огромен, но освоен только в небольшой степени¹⁴. Отчасти это объясняется тем фактом, что исследователи 30—40-х годов писали о современных сказителях по дан-

¹¹ Едва ли не единственной специальной работой была статья Н. В. Васильева, выросшая из студенческого реферата в семинаре В. Ф. Миллера — «Из наблюдений над отражением личности сказителя в былинах». Н. В. Васильев выдигал в качестве необходимого направления «сличение былин одного и того же сказителя, петых в разные годы» («Изв. ОГРЯС ИАН», т. XII, кн. 2. СПб., 1907, стр. 172). В статье сопоставлялись записи различных собирателей от В. П. Щеголенка, известного сказителя-импровизатора. «Из предложенного разбора, — писал автор, — видно, насколько варианты разнятся между собою; их можно даже принять за былины, записанные от разных певцов» (там же, стр. 186). По его заключению, «переработка былин Щеголенка происходила, по-видимому, не при усвоении репертуара, а с течением времени при дальнейших исполнениях» (там же, стр. 194).

¹² Б. С о к о л о в. Сказители. М., 1924, стр. 69 (ср. В. М. Ж и р м у н с к и й, Х. Т. З а р и ф о в. Узбекский народный героический эпос, стр. 501 — «почти полном изменении текста» при новом исполнении Фазилом Юлдашевым).

¹³ А. М. А ст а х о в а. Былины. Итоги и проблемы изучения, стр. 254—255.

¹⁴ В капитальных «Былинах Севера» А. М. Астахова в примечаниях к одной былине в первом томе этого издания и 12 — во втором скжато определяет расхождения между записями разных лет. Таким путем проанализировано пять былин И. С. Богдановой в записях 1901, 1926, 1932 гг. (в четырех из этих случаев и в справках о большинстве других сказителей тексты экспедиции ГАХН при сличении еще не использованы).

ным собственных экспедиций и не располагали в полной мере записями других, в ту пору неопубликованными. И не исключено, что работа с единичными или даже единственными записями от изучаемых исполнителей в какой-то мере способствовала восприятию сказительского текста исследователями чуть ли не как окончательного, неизменного творческого документа,ющего безоговорочно сопоставляться с единственным же текстом учителя (оговорки на этот счет иной раз делались, но вне сличения текстов разного времени не были достаточными).

Мимо исключительного богатства повторных записей былин от певцов различных категорий не вправе пройти ни один автор, занимающийся проблемой сказительского текста. Поэтому и наши заметки мы начнем с наблюдений над былинными текстами.

Но прежде надо сказать о новом освещении, какое получает проблема сказительского текста в последнее время. Большое внимание уделено этой проблеме в книге А. Лорда «Эпический певец»¹⁵, определяемой автором как «исследование процесса композиции устной повествовательной поэзии» (стр. VII). Лорда более всего интересует, как происходит обучение певца, каким образом усваивается песня и как она заново сочиняется при каждом исполнении. Особое акцентирование последнего момента послужило для Менендеса Пидаля основанием упрекнуть Лорда в игнорировании коллективной традиции. По мнению испанского исследователя, Парри и Лорд, «ослепленные неожиданным блеском импровизации, пренебрегли исполнением эпоса по памяти»¹⁶, и тезис о том, будто не существует устной передачи, а есть лишь «устное сочинение, устное творчество» гусляра, является несостоятельным¹⁷.

Лорд считает, что гусляру служит руководством «поэтическая грамматика», которая «основывается и должна основываться на формуле» (т. е. «группе слов, которая постоянно используется в одних и тех же метрических условиях для того, чтобы выразить данную существенную идею» — стр. 4), это «грамматика паратаксиса и часто употребляющихся и полезных фраз» (стр. 65). Автор методически выясняет организующую, строительную роль форму-

¹⁵ A. Lord. *The Singer of Tales*. Cambridge — Massachusetts, 1960 (2 изд. — 1964) (A. B. Lord. *Der Sänger erzählt*. München, 1965). Ср., в частности: L. Renzi. *Canti narrativi tradizionali romeni*. Studio e testi. Firenze, 1969 (р. 27—53: «*Dettato formulistico*», букв.: «Формульная диктовка»). Применяя методику М. Парри и А. Лорда, Л. Ренци стремится раскрыть «лимитированность возможностей комбинирования» при исполнении восточноевропейских повествовательных песен. Имеются в виду известные особенности стиха (с глаголом в конце строки), устойчивость формул- обращений и отдельных «тем» (например, картины пира). Однако «надындивидуальное» при этом раскрывается лишь в некоторой своей части и чисто «внешнем» проявлении. В действительности оно, конечно, шире, так как традиционность объемлет не только стиль, но и содержание эпоса.

¹⁶ Р. Менендес Пидаль. Югославские эпические певцы и устный эпос в Западной Европе. — «Изв. АН СССР. Серия литературы и языка», 1966, т. ХХV, вып. 2, стр. 107.

¹⁷ Там же, стр. 110.

лы, «формульных выражений» (т. е. «строк или полустрок, создаваемых по образцу формул») и «тем» (т. е. «повторяющихся эпизодов и описательных «пассажей» – стр. 4).

Надо отдать должное исследователю — «технология» освоения и воссоздания конкретных частей песенного текста гуслерами при повторных исполнениях (1934–1951) раскрывается им с большой наглядностью. Но происходит это при известном отчуждении от содержания песни в его воспроизведимой целостности.

Как бы то ни было, существует важный аспект проблемы, не покрываемый анализом «поэтической грамматики»: соотношение разных текстов одного певца по содержанию, а не только с точки зрения того, как они всякий раз «делаются». «Каждое исполнение — творческий акт, рождающий текст как единое целое»¹⁸. И очень важно соотносить не только процесс сочинения в тех или иных его элементах (это делает Лорд), но и конечные содержательные итоги процесса. А соотношение текстовых содержательных целей — по-видимому, не просто «технологический», а скорее теоретико-текстологический вопрос. Причем он тесно связан с принципиальной специфичностью, свойственной воспроизведению эпоса. В этом отношении нам близка исходная мысль Б. П. Путилова о том, что есть существенное текстологическое различие между собственно песней, где налицо один «основной вариант» певца, и эпическим произведением, которое передается сказителем по-разному¹⁹.

А поскольку варианты в принципе равноправны²⁰, очень важно исследовать, в какой мере любой из них отражает то, что способен спеть сказитель в данном эпическом произведении. (Специфический аспект, который имеется здесь, может быть подчеркнут таким виафольклорным сравнением: в литературе «творческий залог» автора весь как бы материализуется в одном окончательном и итоговом тексте произведения).

Мы часто говорим о «непостоянстве» и «изменчивости» эпического произведения от одного исполнения к другому. Оба термина предполагают отход от чего-то, изменение его. Получается, что сказитель поет, имея в памяти текст, исполненный им прежде, и на ходу меняет его (точь-в-точь, как писатель, редактирующий свое сочинение), или, допустим, по необходимости восполняет те места, которые успел запамятовать. Но так ли это? Опирается ли эпический певец на текст, спетый в предыдущий раз, или он идет

¹⁸ С. Н. Азбелеев. Основные понятия текстологии в применении к фольклору. — «Принципы текстологического изучения фольклора». М.—Л., «Наука», 1966, стр. 281.

¹⁹ Б. Н. Путилов. Искусство былинного певца (из текстологических наблюдений над былинами), стр. 223 и сл. В статье Путилова на основе записей разных лет дается весьма показательный анализ варьируемых «подробностей повествования» и прослеживается эволюция былинной строки.

²⁰ См. К. В. Чистов. Современные проблемы текстологии русского фольклора. (Доклад на заседании эдакционно-текстологической комиссии V Международного съезда славистов). М., 1963, стр. 13.

от чего-то другого, служащего основой для всех исполнений? Чтобы выяснить это, необходимо обратиться к сопоставлению разновременных фиксаций эпических произведений. Предлагаемые наблюдения касаются лишь исполнителей-«передатчиков» (по терминологии А. М. Астаховой и Р. Менендеса Пидаля) и не распространяются на сказителей, творцов новых редакций, и сказителей-импровизаторов.

Прежде всего требуется подчеркнуть, что воспроизведение певцом эпической поэмы, ее повествовательной линии в пределах традиции не сводится к одному-единственному, раз навсегда принятому решению. Практически собиратели и исследователи убеждались в этом не раз. Но принципиальная значимость данного обстоятельства не была уяснена в полной мере: индивидуальный вклад усматривался и там, где уместнее говорить об одном из возможных возобновлений традиции.

Обратимся к былинам знаменитого олонецкого сказителя Т. Г. Рябинина (1791—1885). В 1860 г. П. Н. Рыбников первым констатировал несовпадение текстов былин, исполненных Рябининым дважды. Для нескольких былин («Илья и Соловей-разбойник», «Илья Муромец и дочь», «Вольга и Микула») собиратель дает отрывки, первоначально пропущенные сказителем или изложенные иначе. Значительные различия имеются между текстами, записанными Рыбниковым, и теми, что были пропеты Рябининым Гильфердингу десятилетием позже. Причем надо добавить, что в бумагах Гильфердинга сохранились дополнения и вариации, зафиксированные собирателем сразу же, во время работы со сказителем летом 1871 г., и в дни пребывания Рябинина в Петербурге в конце того же года. Они опубликованы и прокомментированы А. И. Никифоровым.

В былине «Илья и Соловей-разбойник» богатырь подъезжает к «гнездышку Соловьеву» с Соловьем-разбойником, привязанным к стремени. Соловей велит своим зятям-дочерям угостить и одарить Илью Муромца. В первой записи Рыбникова²¹ далее следуют две строки, которые прерывают данную сцену и сразу переносят действие в Киев:

Не поехал в гнездышко Соловьеве,
А поехал он ко городу ко Киеву.

(Рыбн., I, стр. 18—19, ст. 116—117)

Здесь явное сокращение; резюмирующая антитеза — не поехал в гости, а поехал в Киев — замещает жесты и действия, которые могли быть предметом последовательного детального описания (ожидаемый ответ на приглашение, исход встречи с «зятевьями»

²¹ «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым». Изд. 2. Под ред. А. Е. Грузинского, т. I. М., 1909, № 4 (далее: Рыбн., I).

Соловья и т. д.). Но неверно думать, будто это сокращение совсем случайное и составляет специфический момент только одного исполнения. Спустя десять лет, воспроизводя былину Гильфердингу²², Рябинин применил такой же ускоренный переход, хотя и выраженный другими словами:

А й зовут-то мужика да й деревенщина
Во то гнездышко да Соловыное.
Да й мужик-от деревенщина не слушатся,
А он едет-то по славному чисту полю,
Прямоезжею дорожкой во стольнёй Киев-град.

(Гильф., II, стр. 13—14, ст. 131—135)

И все же мы бы ошиблись, если бы заключили, что вообще Рябинин знал только краткий, сжатый переход и не передавал данное место иначе. Еще Рыбников при повторном прослушивании «Ильи и Соловья-разбойника» записал от Рябинина развернутое описание, заменяющее приведенное двустишие:

Старый казак Илья Муромец
Подъехал ко гнездышку Соловьеву.
Его добрый конь богатырский
Перескочил в ворота Соловьевыя
И ударил головушкой в задний тын.
Тут его большая дочь Невеюшка
Отдернула каточки над воротами,
И спустила железный брус в девяносто пуд,
И не могла угодить в буйну голову.
Тут Илья соходил с добра коня,
Порастрепал гнездо Соловьевое,
Пораздернул дочерей Соловьевых,
Показнил зятей Соловьевых,
Соловья повез в столен Киев-град.

(Рыбн., I, стр. 19, сн.)

Объяснить эту сцену вольной импровизацией Рябинина не приходится. Былине «Илья Муромец и Соловей-разбойник» издавна известны оба перехода: краткий²³ и развернутый²⁴. Это два воз-

²² «Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г.», т. II. Изд. 4. М.—Л., 1950, № 74 (далее: Гильф., II).

²³ См. в рукописи середины XVIII в.: «Но Илья Муромец хлеба и соли их не кушает, а поворачивает своим добрым конем прямо на большу *к* Киеву дорогу» («Былины в записях и пересказах XVII—XVIII веков». Издание подготовили А. М. Астахова, В. В. Митрофанова, М. О. Скрипиль. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1960, стр. 106. Сходно: стр. 80, 82, 86, 94, 98, 102).

²⁴ См. в рукописи конца XVIII в.: «И по прозбе зятей поворотил в дом, не видя их злобы, что большая дочь подняла железную на чепьях подьворотню, чтоб его прибить. Но Илья усмокнул на воротах, ударил копилем и вшиб до смерти» (там же, стр. 112. Сходно: стр. 114, 117, 120, 122, 124).

можных решения, и оба они применялись Рябининым, хотя в двух известных нам случаях он предпочел более короткое развитие. Но примечательно, что у позднейших представителей сказительской династии Рябининых прослеживаются оба типа рассматриваемого места: сокращенный и развернутый. 15 июля 1926 г. внук Т. Г. Рябинина — Кирик Гаврилович Рябинин — применил ускоренный переход, без сцены коварного нападения на Илью:

Старый козак Илья Муромец
На это не соглásен был,
Пустился вперёд дороженькой в стольне-Киев-град.
(Аст., II, стр. 267, ст. 106—108)

И все же он держал в памяти и мотив нападения, что косвенно отразилось в тексте, записанном от него неделю спустя — 21 июля 1926 г.:

Тут удаленький дорбней доброй мёлодець
Меж собой-то он да ѹ пораздумался:
•Как пойти на честнб да ѹ перовáницё,—
Да убют меня да ѹ добра мёлодца,
Да и бросят тут да ѹ под ракитов куст!
А що бил-то он коня да ѹ не жолухою,
• • • • •

Подъежжает он ко гóроду, в стольний Киев-град.
(Сок.— Чич., стр. 471, ст. 186—197)

Зато у П. И. Рябинина-Андреева, «наследника по прямой линии в четвертом поколении былинной традиции... Трофима Григорьевича Рябинина»²⁵, находим подробную передачу сцены, опускаемой при кратком переходе. Правда, в другом изложении. Зятья Соловья пытаются вести Илью Муромца к себе «за ручки за белые», но богатырь обнажает саблю и, изрубив зятьев, «роет» их серым волкам и черным воронам²⁶. Астахова считает, что здесь в былине «вводится расправа Ильи Муромца с детьми (в тексте — зетевья, зятьевья. — В.Г.) Соловья-разбойника». Она даже отнесла этот момент к числу «существенных изменений, касающих самого сюжета» и внесенных кем-то из потомков Г. Т. Рябинина, так как в

127, 130, 132, 135). См. также у пудожского певца А. Савинова:

Ударила его, Илью Муромца, в буйну голову
Той подворотней девяноста пуд:
Только раздразнила удала добра молодца,
И прибил он, не оставил ни единого.

(Рыбн., II, стр. 480. Ср.: Рыбн., I, стр. 435 и Гильф., II, стр. 238—два различных варианта А. Сарафанова из д. Гарница)

²⁵ Аст., II стр. 159.

²⁶ Сок.— Чич., стр. 424, ст. 189—199 (запись от 9.VII 1926 г.; при исполнении осенью того же года опущен один и добавлено два новых стиха); Аст., II, стр. 177, ст. 158—167 (запись от 20.VIII 1932 г.).

записи Гильфердинга от Т. Г. мотива расправы нет²⁷. Здесь необходима поправка: нет у Гильфердинга, но есть в приведенном выше дополнении, которое записал от Рябинина Рыбников. И, кроме того, есть у современников Т. Г. Рябинина. Иначе говоря, вопрос о привнесении мотива расправы потомками Рябинина приходится снять. Другое дело, что Рябинин-Андреев дает сцену по-иному; в частности, утрачен мотив коварного нападения (обрушиваемые ворота).

Приведенный пример свидетельствует о существовании несовпадающих, альтернативных ходов в изложении былины одним и тем же певцом²⁸. Причем налицо несомненное соответствие обоих продолжений — редуцированного и развернутого — существующей традиции, точнее, тем тенденциям в исполнении былины, которые обнаруживают себя и в XIX и в XX вв. В подобных случаях роль певца фактически состояла не в открытии того или другого продолжения, а в выборе между ними. Очевидна их «заданность» знанием былины и усвоенным сказительским опытом. И здесь очень уместно напомнить проницательное замечание П. Н. Рыбникова: «... сказители знают часто одну и ту же былину от нескольких учителей», и «певец поет один раз по одному варианту, а другой раз по другому»²⁹.

Различия в содержании разновременных текстов одного исполнителя способны возникать и при отсутствии освоенных альтернативных ходов. Пожалуй, чаще всего они сказываются в меньшей или большей полноте текста или его отдельных частей, причем нередко варианты, сплетые в разное время, взаимно дополняют друг друга.

Оставим в стороне явные аномалии и диспропорции³⁰, случаи очевидного забвения песни (или, напротив, коренного улучшения

²⁷ Аст., II, стр. 763.

²⁸ Между прочим сходный случай зафиксировал А. И. Никифоров, сличив две киjsких и петербургскую редакции былины «Вольга и Микула», записанных от Рябинина Гильфердингом. Он обратил внимание, что первый раз былина спета без эпизода посылки дружины Вольги за сожкой Микулы (т. е. без стихов 80—153), с короткой заменой его восьмистишием. Причем Никифоров указывает, что «такая редакция былины о Вольге бытовала», и ссылается на текст № 131 у Гильфердинга. При втором и третьем исполнениях Рябинин воспроизвел указанную сцену (с некоторыми несоппадениями). — Гильф., II, стр. 780—781.

²⁹ Рыбн., I, стр. XCIV.

³⁰ Например, 15 июля 1926 г. от К. Г. Рябинина А. М. Астахова записала былину «Илья Муромец и Соловей-разбойник», которая оказалась явно неполной, почти вдвое короче текста, записанного через неделю от того же исполнителя экспедицией ГАХН. «Большая краткость нашего текста обусловлена, очевидно, тем, что К. Г. давно перед тем былины не исполнял, а, может быть, и усталостью сказителя (запись производилась в 11 часов вечера непосредственно после возвращения К. Г. с косьбы)», — объясняет собирательница (Аст., II, 764).

владения ю³¹) за время после первой записи. Остановимся на исполнении устойчивом, уверенном, «в пределах нормы», чтобы отметить одно примечательное явление, прослеживаемое в эпосе различных народов и связанное не столько с фактором памяти, сколько с темпом и инерцией повествования, с причинами чисто художественного порядка.

В качестве иллюстрации нам послужат записи былины «Илья Муромец и Калин-царь» от Е. Б. Сурикова из д. Конда в Карелии.

По тексту, зафиксированному 1—4.VII 1926 г., Калин-царь отправляет в Киев послов и дает им наказ:

Вы подите-ко, послы, от царя Кáлины
А ко стольному ко городу ко Киеву,
Вы ко ласкову ко князю ко Владимиру,
Чтобы он бы улицы опахивал,
²⁵ Чтобы он бы дворы бы да очищивал!

Вслед за этим описываются действия послов:

Тут пошли послы царя Кáлины
Ко стольному ко городу ко Киеву...
Что ко ласкову ко князю ко Владымеру,
У ворот не спросили приворотницьков,
³⁰ У дверей не спросили придверницьков,
Отворяли-то двери да на пяту,
Поклали конверты на те ли столы,
Пословесно ему выговаривали:
«Ай ты, солнышко князь стольно-киевской,
³⁵ А ты улицы-то да опахивал,
А дворы-то ты да очищивал,
А котлы бы ты да навешивал.
А ще жди ты царя Кáлины!»

(Сок.— Чич., стр. 572)

В идеале наказ и последующее его осуществление должны совпадать по всем пунктам. В данном случае совпадение непол-

³¹ Тексты Т. Г. Рябинина содержат замечательные образцы того, как певец со временем овладевал наилучшим способом передачи былины. Ограничимся одним примером. При исполнении «Ильи и Соловья-разбойника» Рыбникову Т. Г. Рябинин начал былину совсем неудачно:

Старый казак Илья Муромец
Поехал на добром коне
Мимо Чернигов град,— и т. д.
(Рыбн., I, стр. 15)

Разительно отличается своей классической законченностью вступление, которое позднее было от него записано Гильфердингом:

Из того ли-то из города из Муромля,
Из того села да с Карабирова,
Выезжал удаленькой дородный добрый молодец,— и т. д.

ное, 29—33 строки выходят за пределы наказа Калина-царя. Вероятно, в наказе имеется лакуна. Но в принципе структура изложения выдержана; оба звена — приказ и его исполнение — в тексте 1926 г. налицо.

Сравним теперь, как передано соответствующее место былины во время более позднего исполнения Е. Б. Сурикова — 10.1.1932 г. Калин-царь говорит:

Вы подите-ко, послы царя Кáлины,
Подите к столыному городу ко Кееву,
20 Ко ласкову князю Владимиру.
И у дверей вы не спросите предверницков,
У ворот вы не спросите преворотницков,
Отворяйте вы двери на пяту,
И положите камверты на золочен стол,
25 И пословесно ему и выговаривайте:
«Солнышко князь столыно-кеевской!
Уличи ты опахивай, дворы ты очищивай
И жди-ка царя, цáря Калину».

(Аст., II, стр. 11—12)

Здесь повеление царя изложено гораздо подробнее и полнее, чем в 1926 г. Мы узнаем в нем и те пункты (см. ст. 21—25), которые отсутствовали прежде в речи Калина-царя, но перечислялись при описании действий послов.

Можно ожидать, что дальше пойдет столь же обстоятельное изложение акции, предначертанной царем. Но этого не произошло. Больше того, сразу за наказом Калина-царя передается реакция Владимира, словно послы уже выполнили поручение царя:

Тут Владимир столынё-кеевской
30 По терему он побегеваёт,
Куньей шубой окрываётца:
«Охти мне, робята, на бяду попал,
Охти мне, робята, на великую!»

(Аст., II, стр. 12)

Таким образом, второе звено изложения — выполнение послами приказа — в 1932 г. целиком выпало. Но едва ли в этом недостаток исполнения. Перед нами — не испорченный текст, а вполне объяснимый вариант, по-своему очень выразительный. Сразу за речью Калина-царя, переданной со всеми деталями, рисуется страх и растерянность киевского князя.

То, что произошло в данном случае с текстом, можно условно назвать сказительской синкопой: исполнитель особо акцентировал и сблизил речь Калина-царя и ответную реакцию Владимира, опустив промежуточные стихи. Заметим, что и при исполнении эпических произведений других народов в таком же повествовании

тельном ряду (повеление — его исполнение — конечный эффект) второе звено тоже подчас выпадает.

В украинской думе «Невольничий плач» турецкий баша велит янычарам подвергнуть невольников истязанию:

Гей кажу, кажу я вам,
Слуги ви мої, турки-яничари,
Добре ви дбайте,
По три пучки колючої терпини
Та по чотири червоної таволги
У руки набирайте,
Із ряду до ряду заходжайте,
По тричі в однім місці
Бідного невольника затинайте,
Кров християнську на землю
Проливайте, гей! ³²

Это шестая поэтическая фраза взятого текста думы. А уже в седьмой избитые невольники проклинают вражескую землю.

Як стали бідні, іншасні невольники
На собі кров християнську зобачати,
Стали землю турецьку, віру бусурменську
Клясти, проклинати, гей, гей!

Исполнение янычарами приказа бashi опущено. Это подтверждается не только вариантами других исполнителей ³³, но и неопубликованной записью, сделанной от Мовчана в другой раз. В ней изображена сцена, которая в предыдущем случае отсутствовала:

Тоді-то турки-яничари
Теє добре зачували
Та недобре вони дбали,
По три пучки колючої терпини
Та по чотири червоної таволги
У руки набирали,
Із ряду до ряду заходжали,
По тричі в однім місці
Бідного невольника затинали,
Кров'ю християнською на землю
Безвинно про-проливали, гей! ³⁴

³² А. Правдюк. Кобзарь Егор Мовчан. М., 1966, стр. 28 (в книге — тексты 1950—1956 и 1961 гг., дату фиксации «Невольничего плача» Правдюк не выделяет).

³³ Б. П. Кирдан. Украинские народные думы. М., Изд-во АН СССР, 1962, стр. 74—75.

³⁴ Расшифровано по копии магнитофонной записи от 30.XI 1961 г., отобранный Б. П. Кирданом для публикации. Подлинник — в архиве Ин-та искусствоведения фольклора и этнографии им. М. Ф. Рыльского АН УССР.

Если в примере из былины отсутствие сцены прихода послов в Киев компенсировалось предельной детализацией предыдущего звена, то в данном случае такой компенсации в тексте нет. Но пропуск мог быть вызван эмоциональным состоянием певца, спешившего поведать аудитории о трагическом исходе. И он мог воспользоваться средствами мелодической, интонационной выразительности. А это значит, что проблема соотношения вариантов разных лет стоит не только перед исследователем-словесником; она требует всестороннего, комплексного освещения.

Зная о существовании «сказительской синкопы», мы можем по-новому взглянуть на некоторые тексты, даже если не располагаем повторными записями.

В эпической песне о Баду³⁵, которую исполнил в 1897 г. талантливый маловалашский лэутар Ион Стан Бэлуйкэ (с. Мэнэстирень, у. Вылча, на севере Олтении), имеется следующий эпизод. Некулче, брат героя, узнает, что к Баду нагрянули турки, схватили его и пытают. Некулче говорит жене Баду, которая прибежала звать его на помощь:

Ia-ți drumu, te du acasă,	Ты домой отправляйся,
Eu pe urmă c-oi veni,	Я следом приеду,
· · · · ·	· · · · ·
Din buzdugan azvîrlind,	Буздуган бросая,
Gardurile pologind.	Заборы ломая.
Turcii, măre, or auzi,	Турки, мэрэ ³⁶ , услышат,
Pe tine te-or ispiti.	Спрашивать станут <i>«кто это едет»</i> .
Și tu, măre, să le spui,	И ты им, мэрэ, скажи,
Că săn negustor de boi;	Что я скушник волов;
· · · · ·	· · · · ·
A baut de s-a-mbătat —	Шил, пока не напился,—
D-aia face larmă-n sat.	Потому и тревожит село.

(Точилеску, стр. 73—74, ст. 258—273)

Однако возвращения жены Баду домой, приближения Некулче, вопроса турок и ответа Бэдулясы в записанном тексте нет. Всё это замещено двумя стихами, идущими сразу за речью Некулче:

Ea așa că le spunea,	Она им так и ответила,
Dacă turcii mi-o întreba.	Когда турки спросили.

Все другие части песни изложены обстоятельно и искусно. В целом этот вариант — один из лучших. Следует предположить, что и рассмотренный эпизод Бэлуйкэ мог передавать во всей полноте. Пропуск, который пришелся как раз на записанный текст,

³⁵ Gr. G. Tocilescu. Materialuri folcloristice, vol. I, part. 1. București, 1900, p. 71—75 (далее: Точилеску). Перевод. см.: В. М. Гацак. Восточно-нороманский героический эпос. М., «Наука», 1967, стр. 349—358.

³⁶ Мэрэ (*мэждом*) — «стало быть», «понимаешь».

является случайным. Признаком принципиального, всегдашнего отказа от традиционного изложения песни служить он не может.

Но это положение не универсально. В эпической песне о Пенеше, записанной в послевоенные годы в с. Иванушка Рышканского района Молдавской ССР, герой, заключенный в темницу, говорит матери:

Ши те ду ла Судул Маре,
Ши зы: — Судул Маре,
Мэрия та,
Даць друмул фичорулуй,
Кэ-й время де ынсурат...
И иди в Великий Суд,
И скажи: — Великий Суд,
Ваше Величество,
Отпустите сына,
Настало время женить...

Ожидаемой сцены — мать идет в Великий Суд и произносит свою просьбу — в песне не находим. Немедленное продолжение таково:

Да Судул й-а күвүнтат:
«Ласэ, кэ ной л-ом ынсурал
Ын мижлокул кодрулуй,
Де вырвул копакулуй»³⁷.

А Суд ей сказал:
«Мы его сами женим
Посредине кодра,
На верхушке дерева».

Налицо уже знакомый нам пропуск повествовательного звена, но с тем отличием, что он вряд ли восполнялся певцом при другом исполнении. В тексте отмеченная синкопа — не единственная, весь он предельно сжатый (55 стихов) и по-своему очень интересен. Эта запись показывает, что на позднейшей стадии бытования эпоса синкопа становится органической: происходит сокращение повествования именно за счет промежуточных, повторяющихся слагаемых его. Но в то же время основные моменты еще сохраняются.

Мы старались показать, что в границах традиции, — во всяком случае, не выводя певца из ее русла, — оказываются возможными даже сюжетные различия между текстами, отстоящими друг от друга во времени. Если это так, то несовпадения еще скорее должны выражаться в элементах более детальных, и пройти мимо них мы не вправе. (Иной раз слишком акцентируется формульность, заученность слагаемых эпического повествования, что вызывает обоснованную критическую реакцию.)

Из трех записей былины «Дупай-сват» от Т. Г. Рябинина возьмем одно и то же место: обращение князя Владимира к гостям. Курсивом выделены несовпадающие строки, слова и части слов.

1860 *То вы знаете ль мне, братцы, супротивницу,
Чтобы лицюшком-то была супротив меня,*

³⁷ «Фолклор молдовенеск». Алкэтуирия ши ынгрижирия де М. Г. Савина ши И. Д. Чобану. Кишинэу, 1956, п. 13—14.

Очушки-то у ней ясных соколов,
Бровушки-то у ней черных соболей,
Походочка была бы лани белая,
Белая лани напольская,
Напольская лани златогория,
Чтобы было мне с кем жить да быть,
Жить да быть, век коротати...

(Рыбн., I, стр. 70, ст. 10—18)

3.VI *То вы знаете ль мне, братцы, супротивничку,*

1871 *Чтобы лицушком она да и супротив меня,*

Очушки у ней бы ясных соколов,
Бровушки у ней бы черных соболей,
А походочкой она бы лани белою,
Белою лани напольской,
Напольской лани златогория,
А чтобы было бы мне с ким жить да быть,

век коротати...

(Гильф., II стр. 97, ст. 13—20)

4.XII *Знаете ль мне, братцы, супротивничку,*

1871 *Супротивничку да мне хорошую,*

Чтоб станом ровна, личко беленько,
Лицушком она бы супротив меня,
Очушки у ней бы ясных соколов,
Бровушки у ней бы черных соболей,
Да походочкой она лани белою,
Белою лани напольской,
Напольской лани златогория,

Что было бы мне с ким жить,

век коротати...

(Гильф., II, стр. 755, ст. 29—38)

Строго говоря, дословно, во всех формах не совпадает ни один стих, хотя некоторые чрезвычайно близки (например, стихи про очушки и бровушки). Колеблется количество строк: 9, 8, 10. В тексте от 4.XII 1871 г. — дополнительные стихи: «Супротивничку да мне хорошую,// Чтоб станом ровна, личко беленько». Ограничимся пока этой констатацией, но возьмем на заметку, что при всех лексических, морфологических, фонетических различиях смысл речи, художественная структура ее в основном остались все же неизменными.

Еще один пример — из записей от пудожского сказителя Ф. А. Конашкова (1860—1941). Издатель его текстов А. М. Линевский заявляет: «сопоставление всех записей позволило установить, что текст Федор Андреевич помнил прочно и его не менял»³⁸.

³⁸ Кон., стр. 19.

Но как раз сличение текстов, — включая записи экспедиции ГАХН, которых еще не имел в своем распоряжении Линевский, — говорит о другом. 11 июля 1928 г. от Ф. А. Конашкова была записана Б. М. Соколовым, В. И. Чичеровым и В. И. Яковлевой былина «Илья Муромец» ³⁹. Когда Конашков допел ее, Соколов заметил: «Былина пелась полтора часа», а Конашков добавил: «Эта былина на десять верст». Большой объем былины — 865 строк — объясняется тем, что она соединяет в себе «сюжет Идолища с сюжетом Калина-царя». В статье «Сказители Онего-Каргопольщины и их былины» Чичеров тонко подметил естественность этого случая контаминации: «...начало определяет собой все дальнейшее действие (былина имеет как бы пролог)» ⁴⁰.

Но к 30-м годам Конашков от контаминации отказался. Он исполнял отдельно «Былину об Идолище» ⁴¹, завершив ее при одной из записей 1937 г. словами: «Тем былина наша и покончилася. Вот оно как было!» ⁴². Самостоятельно исполнялась им и былина «Илья Муромец и Калин-царь» ⁴³. Причем, если в тексте 1928 г. «сюжет Идолища» занимал 635 строк, то в двух записях 1937 г. «Былина об Идолище» содержит по 90. А 230 стихам второй части («сюжет Калина-царя») соответствуют 233 и 118 былины Конашкова «Илья Муромец и Калин-царь» в записях 30-х годов. Разделение текста 1928 г. и разительное отличие в объеме уже сами по себе доказывают, что текст Конашкова не оставался одним и тем же. Причем варианты 30-х годов отличаются не только от варианта 1928 г.; они различаются и между собой. Показательно, что Липевский, публикуя два текста былины «Илья Муромец и Калин-царь», сам подчеркнул их различие и назвал первый (1937) «подробным вариантом», а второй (1938) — «кратким вариантом» ⁴⁴.

Но и в тех частях текстов, где налицо совпадение содержания, словесное выражение далеко не идентично. Взять хотя бы восклицание побежденного Калина-царя в записях разных лет:

1928 А говорил ли собака тут Калин-царь:
«А закажу я дитям и внукам,
А ведь внукам и правнукам,
А не то что ежживать,
А на Руси думой не думывать!» ⁴⁵
(Сок.— Чич., стр. 362, ст. 849—853)

³⁹ Сок.— Чич., № 77.

⁴⁰ Там же, стр. 64.

⁴¹ Кон., № 2 и 2а.

⁴² Там же, стр. 84.

⁴³ Там же, № 3 и 3а.

⁴⁴ Кон., стр. 189.

⁴⁵ Сказитель добавил: «Натешись, довольно!»

1937 Да говорит тут Калин-царь:
«Как закажу я детям, внучатам,
Детям, внучатам да правнучатам
А и думу об этом не думати,
А не то, что ездить на Киев-град».
(Кон., стр. 90—91, ст. 225—229)

1938 Говорил-то тут вить Калин-царь:
«Закажу я дитям да внукам
А не то што на Русеюшку-то ездити,
А штобы думой более да не думати!»
(Кон., стр. 95, ст. 110—113)

Приведенные строки — не самые различные в текстах 1928, 1937 и 1938 гг. Напротив, они принадлежат к числу наиболее близких. Но как раз это и важно. Мы убеждаемся, что и в тех случаях, когда нет существенного «варьирования», эпический певец не держит в памяти некий канонический текст. Но в то же время он не утрачивает основную идею, узловые, опорные образы и стилистические фигуры (таково в данном случае сочетание «закажу... думать, а не то что ездить» с усилительным перечислением «детям, внучатам» и т. д.)⁴⁶. А на их основе и рождается заново текст.

Иначе говоря, главное в эпической памяти — не формула в точном и неизменном словесном выражении, а художественное содержание, поэтическая фактура повествования⁴⁷. Лексическое

⁴⁶ Насколько это важно, позволяет судить такой случай. От Е. Б. Сурикова дважды записана былина «Илья Муромец и Калин-царь». В исполнении 1926 г. (Сок.—Чич., № 143) у былины отсутствовал финал: оставалось неизвестным, чем кончилось выступление против Калина-царя. В 1932 г. сказитель добавил 12 строк, в том числе — два стиха о победе над Калином-царем:

Уж тут скачили все двенадцать богатырей
И победили царя, царя Калина.

(Аст., II, стр. 14, ст. 127—128)

Чувствуется, что сказитель стремился завершить повествование и знал о победе. Но конкретную фактуру, детальное развитие событий он так и не вспомнил, а сам их придумать не смог. Финальные строки явно липучи конкретной художественной опоры. И поэтому изложение свелось к сугубо конспективной фазе, даже если «формульный стих» в ней налицо. Вывод один: эпический текст в его реальной плоти не может воспроизводиться только на основе знания сюжета, определенного запаса формул и умения строить былинную строку. Все это важно, но недостаточно. Непременное условие — владение реальной, конкретной фактурой, деталями данного повествования. С их забвением текст становится невоспроизводимым.

⁴⁷ По-своему, но очень верно на это указал один из инициаторов изучения формульного стиля эпоса — Баура: формула «всегда что-то оставляет дополнить певцу» (С. М. Б о w г а. *Heroic poetry*. London, 1952, р. 230). «Нельзя допустить, чтобы формулы мешали нам видеть всю поэму», — пишет Менендес Пидаль, а затем добавляет: «...следует принимать в расчет всегда и прежде всего творческое, созидающее начало, привносимое вместе с формулой каждым, кто к ней обращается» (Рамон М е н е н д е с П и д а л ь. Избр. произв. М., 1961, стр. 246).

оформление песни в известной степени является текучим, неидентичным, при очевидной устойчивости смысла в его доскональных подробностях. Приведенные варианты передачи одних и тех же частей (речь Владимира, восклицание Калина-царя) по существу синонимичны. Больше того, мы вправе считать, что поэтическая синонимия составляет не только идеальную норму, но и основной закон соотношения текстов одного певца, записанных при равнозначных объективных и субъективных условиях. При отсутствии качественных расхождений единство выражается в первую очередь в общности смысла, а не конкретной лексики. Совпадения в словесном выражении — не условие, а скорее следствие такого единства.

Не менее показательны, чем былины, тексты болгарского певца Вичо Ил. Бончева (1868—1953), первым из народных мастеров, — подобно известным советским сказителям, — принятого в Союз писателей республики. В монографии об этом певце Г. Керемидчиев подчеркивает, что Бончев обладал «необычайным даром посителя, исполнителя и создателя народных поэтических произведений»⁴⁸. «При каждом исполнении он создавал новый вариант»⁴⁹. Публикации Г. Керемидчиева и Д. Осинина⁵⁰ воспроизводят исполнения, разделенные двумя годами.

Из песни «Хайдутская свадьба» выделим два момента: описательное изложение и прямую речь. В лесу — юнаци с Вылчаном-воеводой и знаменосцем Стайку. Вылчан обращается к соратникам.

1948 В турá юнаци ўстьнáхъ
При този Вълчан въйводъ,
При негу Стайку бъйръктар.
Вълчан мумчетъ думъши.
(Керем., стр. 183)

1950 В гора юнаци оствах,
Ай гиди Вълчан войвода
Със седемдесет момчета,
Със седемдесет и седем,
При него Стайко байрактар.
Де гиди Вълчан войвода,
Той на момчета думаше.
(Осинин, стр. 193)

Продолжение песни — обращение Вылчана-воеводы:

1948 Мумчетъ къту вълчетъ,
Сé сти гиргъоски лълётъ!
Къту цулету пучерня,

⁴⁸ Г. Керемидчиев. Народният певец дядо Вичо Бончев. София, 1954, стр. 14 (далее: Керем.).

⁴⁹ Керем., стр. 27—28.

⁵⁰ Вичо Ил. Бончев. Израсло дърво високо. Народни песни. Записал и редактирали Д. Осинин. София, 1950 (далее: Осинин).

Нъ лузя шумъ изгуря
И нъ гуратъ листать,
Къде щим, кърдаш, дъ ходим,
Къде хъйдутлук жъ правим?
Срешъ съ гура зилиней,
Къкъв щи кулаг дъ тръсим,
Дуде София дъ миним,
Срешнътъ гура дъ идим?

(Керем., стр. 183)

1950 Момчета, мои юнаци,
Се сте гергъовски лалета,
Като гората почерни,
Като полето погрозни,
Какво щем, кардаш, да правим,
Къде хайдути ша ходим?

(Осинин, стр. 193)

Легко заметить, что в записи 1950 г. у Бончева подробнее передано вводное описание, зато в записи 1948 г. пространнее и богаче речь Вылчана. В этом варианты, конечно, дополняют друг друга. Но по смыслу они все-таки не расходятся. Нельзя утверждать, будто в том или другом случае повествование резко отошло от другого варианта. Тем более, что добавления не произвольны. «С семьюдесятью парнями, //С семьюдесятью семью» — настолько привычное эпическое уточнение, что оно может подразумеваться, даже если не произнесено. В речи Вылчана (текст 1948 г.) повторение и добавление деталей лишь усиливает и оттеняет ту же мысль, что выражена и в записи 1950 г. Даже упоминание Софии, отсутствующее в соответствующих стихах 1950 г., — тоже не столь уж явная отличительная примета, так как и в тексте 1950 г. в дальнейшем тоже пойдет речь о Софии. Здесь налицо не добавление, а всего лишь перемещение, мутация в пределах текста. В итоге по «сумме информации» варианты все-таки во многом синонимичны, хотя, как известно, абсолютных синонимов не бывает.

Судьбу сказительского текста за более длительный период попытаемся выяснить на примере одной из былин Е. Б. Сурикова. У нас имеется три записи «Василия Буслаевича»: С. П. Бородина, Ю. А. Самарина и Ю. М. Соколова — 1926 г.⁵¹, М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпонкиной — 1932 г.⁵² и экспедиции Московского университета — 1956 г.⁵³.

⁵¹ Сок.— Чич., № 145.

⁵² Аст., II, № 102.

⁵³ «Заонежская экспедиция МГУ, 1956», тетрадь № 5 (д. Конда, Е. Б. Суриков). Записи Л. Гавриловой, В. Гацака, Н. Савушкиной, Г. Семара), текст № 15. Гос. лит. музей (М.), ед. вр. хр. № 24.

Сравнив текст 1932 г. с записью Гильфердинга от матери скантера, Д. В. Суриковой, А. М. Астахова пишет в своих примечаниях⁵⁴, что текст Сурикова чрезвычайно близок к своему источнику». Отмечены и расхождения: текст слегка сокращен — 225 стихов, у матери — 260. Дополним: в 1926 г. вариант Сурикова был более развернутым — 240 стихов, а к 1956 г. сократился до 190 стихов (видимо, сказался преклонный возраст исполнителя и недавняя болезнь).

На основе записи 1932 г. Астаховой выделены как «личные тенденции исполнителя» некоторые моменты. «Все сокращения касаются изобразительных, раскрашивающих деталей». Один из названных пропусков — «описания избитых мужиков» имеется и в записях 1926, 1956 гг., с двумя другими положение сложнее. Слов чернавушки «Знал загудки загадывать, //А не знаешь, как ныне отгадывать» (Гильф., 141, ст. 146—147) действительно нет в тексте 1932 г. Не было и в 1926 г. Но в 1956 г. сказитель по существу произнес их:

Вчера знал да пригадывать,
Не знаешь сегодня отгадывать.

Третий отмеченный пропуск 1932 г.: опущен образ «хватала под правую под пазуху». Однако вариант его все-таки присутствует в записи 1932 г.: «И хватила Васильушку под пазуху (ст. 173). В 1926 г. этот образ не только не был пропущен, но дан в более развернутом виде:

А хватила да свое цядо милое
Под свою под правую под пазушку.

(Сок.— Чич., стр. 580, ст. 191—192.
Сходно: стр. 577, ст. 28—29)

В 1956 г. образ упрощен, но все же не исчез: «Прибежала, схватила свое чадо милое».

Не означает ли это, что в двух случаях за личную тенденцию были приняты случайные ошибки памяти 1932 г.?

Но в то же время записи 1926 и 1956 гг. подтверждают устойчивость в текстах Сурикова некоторых специфических элементов, выявленных Астаховой при сравнении варианта 1932 г. с текстом Д. В. Суриковой у Гильфердинга. На этот раз исследовательница допускает, что они «тоже принадлежат источнику и лишь выпали во время исполнения». Осторожность оказывается особенно оправданной в применении к одному из приведенных примеров «усиления психологических и бытовых моментов»:

Он хмельным умом да пьяным разумом
Побиўся с нима о велик заклад.

⁵⁴ Аст., II, стр. 705—706.

Эти стихи завершают показ Василия Буслаевича на пиру у «новгородских мужиков». В соответствующей части записи от Д. В. Суриковой (после 99 стиха) они в самом деле отсутствуют. Но заметим, что Сурикова все же произнесла их. Они имеются в записи Гильфердинга на той же странице, в речи Потанюшки, который рассказывает матери Василия, что произошло на пиру:

Ён глупым умом, хмельным розумом,
Бился Василий о велик заклад.

(Гильф., II, стр. 432, ст. 113—114)

Стало быть, мы вправе говорить о перемещении этих стихов, но не об отсутствии их у Суриковой. Впрочем, у Е. Б. Сурикова они не повторены дословно. В первой строке — более естественное для этой распространенной формулы синонимическое повторение эпитетов: «хмельным», «пьяным» (вместо «глупым», «хмельным») О стабильности у Сурикова той формы двустишия, какая зафиксирована в 1932 г., свидетельствуют записи 1926, 1956 гг. Приведем стихи 1926 г., отмечая в скобках отличия последней записи. Третья, приводимая строка, о месте поединка с новгородцами, была у Д. В. Суриковой в рассказе Потанюшки о пире («Что итти с-утра на Волхово» — Гильф., II, стр. 432, ст. 115), в 1932 г. сыном Суриковой пропущена, но в двух других случаях произносилась им.

А он *⟨Он⟩* хмельным умом да пьяным разумом,
Он *⟨Да⟩* побился с ними да *⟨—⟩* о велик заклад,
Что завтра-то *⟨Завтра-то⟩* итти к реке Волховой.

Другие отличительные стихи, указанные Астаховой в примечаниях к тексту 1932 г., тоже прослеживаются во всех записях. Например:

- 1926 Не уйму Василья-то Буслаева,
Не простили вечер-то вы во той вине!
1932 Не уйму Васильюшка Буславьева,
Не простили вы вицор во той вине!
1956 А не уйму свое чадо милое,
Потому вы вчера не простили во той вине!

Первые два варианта, более близкие во времени, ближе и по своему воплощению. Несовпадение формы имени (Василий — Васильюшка)⁵⁵ не являются дифференцирующим признаком, потому что в обоих вариантах былины одинаково часто встречаются обе эти формы (только к 1965 г. сказитель как будто отказался от второй из них). Более приметны отличия 1956 г.: замена имени описательным выражением («свое чадо милое»), не чуждым, однако,

⁵⁵ Впрочем, ритмически «Василья-то» и «Васильюшка» равнозначны.

другим текстам, и прозаизирующие добавления «А я», «потому», связанные, в частности, с тем, что текст произносился без пения. По смыслу стихи 1956 г. до известной степени синонимичны более ранним. Прежняя структура еще пропадает в них, но очевидны и признаки ее разрушения (см. отмеченные добавления). Между прочим оно чувствуется в позднейшей передаче и двух других мест, которые были выделены А. М. Астаховой как специфические в тексте 1932 г.

Произнося первое из них, Суриков сократил стих, отошел от прежнего построения, но все же сумел сохранить некоторое равновесие — пришлось к месту добавленное разъяснение:

1926 А Василий матушке ответы-то не мог дать.
1932 Василий-то матушки ответу не мог подать.
1956 У Василия ответа нет,
 Не может головы поднять.

Но вот в другом случае «логическое подкрепление» показывает, что прежним художественным сочетанием исполнитель уже не владеет (или не доверяется ему), а полноценной замены ему не дает:

1932 Есть можно и дома богу помолитися.
1956 Можно ведь и дома богу помолиться.

Но естественные приметы разрушения текста не должны заслонять от нас тот факт, что в некоторых частях он дополняет обе предыдущие записи. Помимо слов чернавушки, о которых уже говорилось, детали, каких не было в текстах 1926 или 1932 гг., имеются в ответе мужиков матери Василия («Нам не надо дорогих подарочеков»⁵⁶), в передаче силы ее удара («Все мужики покатились»⁵⁷, с одобрительным попутным замечанием исполнителя: «Вот старуха была тоже») и в некоторых других случаях.

Только в 1926 г. были стихи: «А тут Василий сын Буслаевич// Заводил-то он да всё почестен пир» (Сок.—Чич., стр. 577, ст. 38—39), «Що ты спиши да все прокляждаешься, // Да великоей невзгодушки не знаешь ты»⁵⁸ (там же, стр. 580, ст. 163—164, в начале обращения девушки-чернавушки к Василию); «А кто нагим телом окупляется, // Тот и жив-то мало всё бывал» (предупреждение чернавушки, стр. 581, ст. 223—224)⁵⁹ и ряд других.

⁵⁶ Ср. у Д. В. Суриковой: «Мы не возьмем дороги подарочки» (Гильф., II, стр. 432, ст. 131). В записи 1932 г. отсутствует.

⁵⁷ У Д. В. Суриковой, а также в записях 1926, 1932 гг. от Е. Б. Сурикова отсутствует.

⁵⁸ В записанном тексте Д. В. Суриковой отсутствуют.

⁵⁹ Ср. у Д. В. Суриковой:

А кто купляется, тот жив не бывает.

(Гильф., II, стр. 435, ст. 234)

Среди стихов, присущих лишь тексту 1932 г., выделяется обращение Василия к матери до того, как он в последний раз просит отпустить его из дома:

Ай же ты, матушка родимая,
Я впорась пришоў да не поужинаў,
И севодни-то пошоў да не позавтракаў,
Дай хоть сёгодни пообедати ⁶⁰.
Ели оны дёсъти, пили дёпьяна.
Говорит Василий сын Буслаевиц.

(Аст., II, стр. 23, ст. 182—187)

Взаимная дополняемость трех текстов разных лет свидетельствует о том, что ни одно отдельно взятое исполнение не бывает до конца исчерпывающим. И знаменательно, что даже в девяностолетнем возрасте сказитель вспоминал детали, пропущенные во время более ранних исполнений. Естественно предположить, что при других его исполнениях звучали стихи, которые так и не были зафиксированы. Например, вовсе не исключено, что Суриков знал слова васильевой матери, не отпускающей сына «во Еросалимград», ответное восклицание Василия и стихи об отправлении в путь. В этой части повествования у Сурикова ощущается неполнота (мы бы сказали, что здесь синкопа). А у Д. В. Суриковой названные моменты воспроизведены, хотя и не во всем звучат традиционно:

Не спущу тебя, Василья, во Еросолим град,
Тебе мне-ка-ва больше жива не видать.
«Ай же ты матушка родимая!
Спустишь — поеду, не спустишь — пойду».
Оснастили суденушко дубовое,
Со своей с дружинушкой хороboro,
Сели в суденушко, поехали.

(Гильф., II, стр. 434, ст. 201—207)

Кстати, в дальнейшем «суденушко» у Суриковой выступает еще раз, а у Сурикова оно не упомянуто.

В трех записях от Сурикова в былине о Василии Буслаевиче совпадают не более десяти стихов ⁶¹, — при всем том, что коренному изменению былина не подвергалась: столь часты несовпадения в передаваемых подробностях (сказитель вспоминает или

⁶⁰ Ср. у Д. В. Суриковой: «Утрось я не завтракал,вечор я и не ужинал,||Дай хоть сёгодни пообедати» (Гильф., II, стр. 434, ст. 191—192).

⁶¹ «С Новым-градом да не перечился (1932: и да не перечелся), || С каменной Москвой да спору не было»; «Накурил Василий зелёна вина, || (1932: И) Наварил Василий пива пьяного»; «Ай (1932: И) увидели подрезы подрезаны»; «Он ударил (1932: удариў) старчище(1932: старцище; 1956: старчище) Ондронище (1932: Ондронице, 1956: Андронице)»; «Начала (1932: нацала) Василья уговаривать».

опускает то одни, то другие детали) ⁶², лексические, ритмические варианты, перефразировка, сведение двух стихов в один и, напротив, распространение одного до двух, и т. д. Из этого не вытекает, что Суриков не был сказителем-передатчиком. Просто самое представление о передаче требует, по-видимому, определенного уточнения.

Имея в виду ту же проблему — насколько устойчив сказительный текст, — обратимся к данным восточнороманского героического эпоса.

В начале 30-х годов многократную запись эпических песен от одних и тех же исполнителей практиковал румынский фольклорист Ион Диакону во время обследования области Рымникул-Сэрят ⁶³. Эта область находится на северо-востоке Мунтении, у изгиба Карпат. В фольклорном отношении Диакону считает ее переходной от восточной Мунтении к южной Молдове и связанной, в частности, с областью Вранча в Молдове ⁶⁴. В текстах много молдавских диалектных форм.

В период работы Диакону эпическая традиция в области Рымникул-Сэрят была еще достаточно активной. «Поражает... превосходная эстетическая реализация эпических мотивов — кстати сказать, довольно разнообразных», — отмечает собиратель ⁶⁵.

⁶² Ограничимся одним примером, иллюстрирующим определенное несовпадение повествования, но в то же время — вполне ощущимую смысловую и художественную синонимичность:

1926 Ай ты, Васильева ты матушка,
Не простим Василья мы во той вине,
Что побился с нами о велик заклад,
А не взьмем мы доброй подарочек.
Повладеем мы его да всем именицем,
Повладеем его конямы добрыма,
Повладеем его платьима цветистыма!
(Сок.— Чич., стр. 579, ст. 144—150)

1932 Не простим Васильушка во той вине,
А сведём ли Васильушку ко Волхову,
Пихнём мы Васильушка во Волхово,
Повладеем ево конями-то добрыма
И всем именем-богацесвом.

(Аст., II, стр. 22, ст. 130—134)

1956 Нам не надо дорогих подарочков,
Мы завтра сведем Василья к Волхову,
Пихнем его да в Волхов-озеро,
Повладеем мы его именицем,
Всем именицем-богатством.

(Архив Гос. лит. музея, ед. вр. хр. № 24, ст. 14—15)

⁶³ I. D i a c o n i. Folclor din Rîmnicul-Sărat, vol. I—II. Focșani, 1933—1934 (далее: Диакону, 1933, 1934).

⁶⁴ Диакону, 1933, стр. VII.

⁶⁵ Там же, стр. XXXVI.

Записав песню, Диакону через некоторое время прослушивал ее снова и снова. Многие тексты (особенно во втором томе сборника Диакону) даны с разночтениями, которые фиксировались в тот же день (через час, три и т. д.) и спустя неделю или две.

Один из интересных исполнителей, встреченных Диакону, — семидесятипятилетний Петря Окюз из с. Оряву. Он усвоил песни в молодости от известного лэутара Трандафира из с. Сихлия. «Я умел слушать... Запоминал каждое слово. Когда слушал песню, и она мне нравилась, я сразу запоминал ее», ⁶⁶ — рассказывал Окюз собирателю. Диакону записал от него героические песни «Дончилэ», «Корбя», «Гайдук Миху», баллады «Маноле» и «Костя».

Примечательно, что при трехкратном прослушивании Окюза в течение одного дня собиратель наблюдал минимальные расхождения в тексте, причем то же самое показывают записи от других певцов, с которыми работал Диакону. Менялись отдельные слова, обычно служебные, варьировались грамматические и фонетические формы. Крайне редко появлялись новые стихи, всегда одиночные. В поэме о Дончилэ ⁶⁷, петой с промежутками в четыре с половиной и семь часов, — всего один такой случай (курсивом выделен стих, добавленный во время второго и третьего исполнений):

Dela-mpărat <i>⟨ei⟩</i> că-mi pornea	От государя ⟨они⟩
<i>Si</i> <i>pă</i> <i>cai</i> <i>incălīca.</i>	отправлялись
	<i>И на коней садились.</i>

(стр. 30, ст. 23—24)

В песне о Корбе ⁶⁸ несовпадение свелось к синонимической (но метрически неравнозначной) замене одного союза другим в ходе второго исполнения и возвращению к прежнему слову во время третьего исполнения в тот же день (длительность пауз не указана):

Dacă (2:Di)⟨ai⟩caisă mă	Если есть у тебя копи,
gonești.	чтобы догнать меня.

(стр. 10, ст. 185)

Наконец в песне «Гайдук Миху» ⁶⁹ при повторном прослушивании через час и три часа отмечены две лексические вариации. Вместо domn Ștefan («господарь Штефан», первое и третье исп.) певец произнес более привычное Ștefan-vodă («Штефан-водэ», второе исп.). А в речи сестры гайдука — о кознях господаря — один из стихов, Di tini sî pominea («О тебе упоминалось», первое и третье исп.), был видоизменен: Di Mihu sî pominea («О Миху упоминалось», второе исп.).

⁶⁶ Диакону, 1934, стр. 55.

⁶⁷ Диакону, 1934, № IV, стр. 24—32. Разночтения издатель дает в скобках или сносками.

⁶⁸ Диакону, 1934, № II, стр. 3—10.

⁶⁹ Там же, № XII, стр. 51—55.

Если издание Диакону дает верную картину, — а репутация собирателя безупречна, — мы должны сделать вывод, что у названного исполнителя эпоса происходила очевидная стабилизация текста при повторении песни в течение одного дня.

Однако такая стабилизация не длится долго, в чем убеждают записи от того же Окюза, сделанные через две недели (вновь прослушаны «Дончилэ» и «Корбя»). Первые три записи героической песни «Дончилэ» содержали 169—170 стихов. В тексте, записанном две недели спустя, свыше ста новых или модифицированных строк. Изменения и дополнения носят различный характер и касаются не только словесного воплощения песни, но и композиции.

Прежде всего обратим внимание, что Окюз вспомнил ряд стихов и деталей, пропущенных в первый день исполнения. Например, одной начальной строке Nimerit-a, poposit-a («Оказался, остановился») соответствуют пять. Они более полно воспроизводят вступление, характерное для данной песни:

Verdi foai ș-un spanac,	Лист зеленый и шпинат,
La poartă la Țarigrad,	У ворот Цариграда,
La cinstițu dî-mpărat	У честибого государя
Nimerit-a, poposită-d-un Deliu>	Оказался, остановился «Делпу».

(стр. 24, сн.)

Описание действий богатыря обретает подробности и детали, которых прежде не доставало, хотя традиционность их не подлежит сомнению.

П е р в ы е з а п и с и

El la pod cî s-ătînea	Он к чердаку подошел
Șî-m mînî cî ni-l prindea,	И схватил «буздуган»,
Di genunchi cî-l trîntea,	О колено ударил,
Di ruginî cî-l curăța.	От ржавчины очистил.

(стр. 28, ст. 81—84)

П о с л е д н и я з а п и с ь

Doncîlă ci-n făcea?	Дончилэ что делал?
La pod cî s-ătînea,	К чердаку подошел,
Buzduganu cî-l prindea,	Буздуган подхватил,
Di genunchi cî-l trîntea	О колено ударил
Și de pene cî-l slăghea,	И шипы поотбил,
Di rugină-l curăța.	От ржавчины его очистил,
Iar Doncîlă ce-mi zicea?	И что сказал Дончилэ?

(стр. 28, сн.)

С большой обстоятельностью и усилительными повторами показан выезд богатыря на майдан, для поединка с врагом-насильником (курсивом подчеркнуты стихи, которых не было в первых записях):

*Pă cai cî-ncălica,
Sî Deliu, sî Doncîlă
Sî mergea la Muntîli-sec,
Undi viteji sî-ntrec;
La maidan, la samaidan,
Sama-i, la Muntîli-sec,
Undi viteji sî-ntrec.*

На коней садились,
И Делиу и Дончилэ
И ехали на Голую гору,
Где витязи состязаются;
На майдан, на самайдан,
Туда, на Голую гору,
Где витязи состязаются.

(стр. 30, сн.)

В текстах первого дня имелась своеобразная синкопа. Дончилэ просил сестру:

*Sî ieî cheia-m mîna dreaptî,
Ca sî-n discui graj-di piatî,
Sî ni-l scof pă Negru-afarî:
Pă Negru zbirîlîtu,
Cî fugi cu anu,
Hodinești cu ciasu
Ala-ț scapî ția capu.*

Возьми ключ в правую руку,
Отвори конюшню из камня,
Выведи мне Гнедого на улицу:
Гнедого взъерошенного,
Который скакет год,
Отдыхает час.
Тот тебя выручит.

(стр. 28, ст. 86—92)

О выполнении этой просьбы говорилось кратко, фиксировалось только самое последнее действие:

*Sor-sa pă Negru că-l aducea, Сестра Гнедого приводила,
Lu-Doncîlî-m mînî-l da. Дончилэ его отдавала.*

Две недели спустя Окюз воспроизвел все этапы; соблюдена эпическая обрядность — повторено то, что заключалось в наказе Дончилэ:

*Iar sorî-sa ci făcea?
Cheia-m mînă ea lăua
Sî la graj' ea mi-ț mergea,
Ușa, mări, cî discuea
Sî-mi scoasi pă Negru-afară:
Pă Negru zbirîlîtu,
Cari fugi cu anu
Sî hodinești cu ciasu:
«Ala-ț scapî ția capu».
Pă Negru l-aducea.*

А сестра его что делала?
Ключ в руку взяла
И к конюшне пошла,
Дверь, мэри, отворила
И вывела Гнедого на улицу:
Гнедого взъерошенного,
Который скакет год
И отдыхает час.
«Тот тебя выручит».
Гнедого привела.

(стр. 28—29, сн.)

Наблюдается несовпадение эпических «общих мест», входящих в состав песни. В гротескном описании врага — частичное синонимическое варьирование, весьма характерное для данной песни⁷⁰. Описание дважды встречается в тексте, и оба раза при исполнении песни спустя две недели дано в новом виде.

⁷⁰ См. об. этом: В. М. Гацак. Восточноиороманский героический эпос, стр. 96.

П е р в ы е з а п и с и

Mînilî, ca putineiû, Руки, как маслобойка,
Deştili — tînjălili. Пальцы — оглобли.

(стр. 24 и 26)

П о с л е д н я я з а п и с ь

Mînilî, ca putinili, Руки, как бочонки,
Deştili — cîrjili. Пальцы — костили.

(стр. 24, сн., стр. 26, сн.)

Замены, синонимичные по своему художественному смыслу, есть и в другом «общем месте» — перечислении угощения, которое требует насильник. В то же время в последней записи это перечисление менее полное, чем в первых (пропущен стих о хлебе).

П е р в ы е з а п и с и

La mîncari-o gonitoari На угощение — телку
Ş-un cuptor di pîni, И печь хлеба,
Ş-o buti di gin, И бочищу вина,
Ş-um butoi de rachiû. И бочку водки.

(стр. 25 и 26—27)

П о с л е д н я я з а п и с ь

La mîncari — o gonitoari, На угощение — телку,
Di-o buti, mări, de gin, Да бочищу, мэрн, вина,
Di-o burdagă di rachiû. Да бурдагу водки.

(стр. 25, сн., стр. 26—27, сн.)

Любопытное различие прослеживается и при введении прямой речи. Налицо иная интонация, большая эмоциональность — тоже немаловажное проявление различий между текстами, петьми в разное время, в различных «творческих состояниях»⁷¹.

П е р в ы е з а п и с и

Din guriţă ce-mi zicea? Что он промолвил устами?
(стр. 3, ст. 19)

Cu Roşu că mi-ş vorghea. С Рыжим он говорил.
(стр. 8, ст. 156)

Ср., соответственно, в последней записи — тоже традиционные выражения, но совсем другого звучания:

Lacrimili-l podidia. Слезами залился
Şî la mă-sa că-m striga. И матери своей закричал.
(стр. 3, сн.)
Şî la dînsu că striga. И ему закричал.
(стр. 8, сн.).

⁷¹ Г. Керемидчиев. Народният певец дядо Вичо Бончев, стр. 26.

В тексте первых записей «Дончилэ» от П. Окюза был один явный пропуск. Большой богатырь просил сестру приготовить ему купание, которое исцелит его. А затем сразу шла просьба принести будзуган и привести коня. Между этими двумя просьбами была вставка, изложенная в прозе: «Его сестра приготовила ему купание; и после того, как искупался, он сказал своей сестре». Пропущенную сцену — купание и исцеление — Окюз не восстановил и во время последнего исполнения. Правда, он вставил два связующих стиха, но они лишь заменили пояснение в прозе, так как необходимые детали Окюз не воспроизвел:

Iar Doncila ci-mi zicea, А Дончилэ что сказал,
Dacă bai cî făcea? Когда искупался?

(стр. 27, сн.)

Добавим, что во время последнего исполнения Окюз пропустил в первой части песни существенные стихи о долгой болезни Дончилэ (в первой записи они есть). Иначе говоря, новое изложение, будучи во многих моментах более исправным и полным, имеет и свои изъяны.

Все виды разнотечений, устанавливаемых в песне о Дончилэ, есть и в песне о Корбе. В позднейшей записи не совпадают с прежними восемьдесят строк (всего в песне около 200 стихов). И здесь видна тенденция к дополнению некоторых частей повествования. В начале песни говорится о страданиях гайдука Корби в темнице. Корбя жалуется, что за долгое пребывание в темнице волосы у него отросли до пят, а борода — до пояса. Первые записи от Окюза дают эти две детали, но вообще в песне их бывает больше. Видимо, были они известны и Окюзу. В тексте, который записан от него через две недели после первого, детали умножены. См. новые стихи:

Genili <bat> umirili — Ресницы <стали> до плеч —
Le ridic cu cîrjili, Поднимаю их костылями,
Ca sî-n văd potecili. Чтобы видеть дорожки.

(стр. 3, сн.)

Не совпадает дословно типическое место — иносказание «кол-невеста» (т. е. «казнь-свадьба»), но смысл его во многом остается тем же (из позднейшей записи приводим и стихи о месте казни, пропущенные во время первых исполнений).

З а п и с и п е р в о г о д и я

Din topor și toporită Топором вытесан <кол>
Si dim bardă bărduită, И топориком выструган,
La tulchină e pîrlită У основания побелен.
Si la vîrf și ascuțită. И наверху заострен.

(стр. 5, ст. 76—79)

Позднейшая запись

Cioplită di doi mocani, Вытесан двумя моканами,
La vîrf, mări-i ascu- Наверху, мэри, заострен,
tită,
La tulpină e pîrlită. У основания обожжен.

• • • • • • • • • • • • • • • •

Dilăturea tîrgului, На краю базара,
Di rîsu boierilor, На смех боерам,
Bătai di joc cucoanelor. На издевки барыням.

(стр. 5, сн.)

Во второй части песни варьирование текста, в основном синонимичного первому, но конкретными словами часто не совпадающего с ним, — захватило большие поэтические отрезки. Например, новые стихи имеем на месте прежних, начиная со 150 до 171 (Корбя на глазах у господаря садится на своего коня и грозит Штефану местью) и со 174 по 184 (Корбя перелетает на коне через крепостную стену).

Итак, через две недели конкретное словесное оформление песни, трижды повторенное в первый день записи, уже не сохранялось полностью в памяти исполнителя. Но не был забыт общий ход повествования, многие исходные образы, словосочетания и целые стихи. Больше того: отдельные детали, которые певец в первый день запоминал, теперь возвращены им в эпическое повествование. Происходит своеобразное восстановление песенного изложения. Аналогичный процесс прослеживается и в текстах от других певцов, с которыми Диакону встречался через две недели после первых записей.

Интересный текстологический эксперимент осуществляется с начала 50-х годов в бухарестском Институте этнографии и фольклора известным собирателем и исследователем эпической поэзии Ал. И. Амзулеску. Речь идет о систематической, периодически повторяемой записи на магнитофон репертуара большого числа лэутаров, исполняющих эпические песни. На основе фиксаций различных лет готовится специальное сопоставительное издание, которое «может обеспечить самые верные конкретные наблюдения и методические констатации, касающиеся своеобразного процесса вариации эпической песни»⁷². Ознакомление с уже имеющимися материалами во время пребывания в бухарестском институте в 1966, 1968 и 1970 гг. убеждает в их ценности.

Один из певцов, с которым велась такая работа, — Михай Константин (прозванный Лаке Гэзару), лэутар-скрипач из с. Деса

⁷² Al. I. Amzulescu. Cîntecul epic în «Colecția națională de folclor». — «Revista de etnografie și folclor» (далее: REF). București, 1969, N 3, p. 189.

(Олтения). М. Константин (1912—1970) великолепно исполнял около сорока эпических произведений; большинство из них, по свидетельству певца, было усвоено им в возрасте от пятнадцати до двадцати лет. На свадьбах и различных праздниках песни М. Константина постоянно находили слушателей. «В каждом месте, где я бывал, требуют старинных песен», — рассказывал М. Константин⁷³.

В феврале 1951 г. был впервые записан весь репертуар М. Константина, а в 1956 г. часть его героических песен («Йован Йоргован», «Баду-корчмарь», «Миу-гайдук») — тексты и расшифровки мелодий — была помещена в сборнике Ал. И. Амзулеску и Г. Чобану «Старые песни о витязях»⁷⁴. В феврале 1961 г. осуществлено повторное фиксирование репертуара М. Константина.

Проследим эволюцию текстов М. Константина за десять лет на примере героической песни «Йован Йоргован». В нашем распоряжении — фонограммы от 22 февраля 1951 г.⁷⁵ и 13 февраля 1961 г. и их сопоставительная расшифровка, выполненная весьма тщательно Ал. И. Амзулеску⁷⁶. Эти материалы любезно предоставлены нам румынским исследователем и с его разрешения используются в данной работе.

Прежде всего — несколько общих замечаний. Спустя десять лет эффектнее стали части текста, исполняемые пением. Другие, как обычно, произносились напевным речитативом, но его доля уменьшилась с 70 стихов в 1951 г. до 43 в 1961 г. Несколько возросло — с 18 до 21 — число стихов, произносимых дважды. Песня предваряется тем же музыкальным вступлением, что и раньше; прежней осталась и основная мелодия. Законченные поэтические части разделяются музыкальной паузой. В новом тексте девять пауз; столько же было их в 1951 г. Но содержание отдельных поэтических частей во многом стало иным.

Полный перечень стихов нового варианта, приводимый далее для наглядности, позволяет увидеть, какие стихи варианта 1951 г. сохранились (цифры обозначают их порядковый номер в прежнем тексте) и где они стоят в тексте 1961 г.; как распределяются изменившиеся стихи и те, которых прошлый раз не было (условно они обозначены как новые). Перечень составлен на основе сравнительных расшифровок Амзулеску и контрольного прослушивания обеих записей:

⁷³ REF, 1962, N 1—2, p. 156. «Старинные песни» — народное название эпических произведений разных жанров.

⁷⁴ Ср. переводы и воспроизведение нотных записей в кн.: В. М. Гацак, Восточнороманский героический эпос.

⁷⁵ См. там же (стр. 225—230 и 417—424) перевод варианта 1951 г. и нотную запись с полным текстом.

⁷⁶ В архиве Ин-та этнографии и фольклора (г. Бухарест) запись 1951 г. — mg. 25-а, запись 1961 г. — mg. 1804-а.

1—5 (т. е. ст. 1—5 остались без изменений и стоят на прежнем месте — в начале песни), 27—30 (т. е. за пятым теперь идут стихи, которые прежде были 27, 28 и т. д.), 32, 33 измененный, 8—12, 13 изм., 14—18, 19 изм., 20—21, 23, 22 изм., 24 изм., два новых, 32—37, восклицание «*Verde vioreal!*» («*Лист* зеленый фиалки!»), 26, 38—45, 46 изм., три новых, 47—49, один новый, 52, два новых и восклицание (то же, что после 37), 65 изм., 66—67, 117, 9—13, 65 изм., 56—59, 60 изм., 61, 60 изм., 62—66, 68—69, три новых (вариант вставленных после 52), 70 изм., 71, один новый, 74, 75 изм., 76—77, восклицание (то же, что после 37), один новый, 78 изм., 79 изм., 80, 74, 81—87, 88 изм., восклицание «*Verde micșoneal!*» («*Лист* зеленый фиалки!»), 89—91, снова 89, два новых, 94 изм., 89, 97, 98 изм., один новый, 95, 102—103, 104 изм., 108—111, 112 изм., 143 изм., 144, один новый, 154 изм., один новый, 113—114 изм., 115—118, 119 изм., 120—122, 123 изм., новая редакция 123, 125—126, 127 изм., 128—131, 132 изм. 133 изм., 134, 136—140, один новый, 78, 141 изм., восклицание (то же, что после 37), один новый, 143—150, 151 изм., 155 изм., 156, 157—159 изм., 161 изм., 160, один новый, 162—166, 168, 169 изм., 170—178, 179 изм., 180—182, 182 изм., 183—184, 185 изм., 187 изм., 188—189, один новый, опять 189, три новых, 156 изм., 194—195, 196 изм., 197—200, восклицание «*Hof, Verde de-o grenată!*» («Ой, *Лист* зеленый граната!»), 203—207, 140, один новый, 208 изм., 210—212.

Приведенный список позволяет уловить, что в изложении налицо весьма существенные различия. Однако нам необходимо проследить, в чем конкретно выражаются несовпадения. Для этого остановимся на каждом из звеньев повествования, отмечая масштабы и существо различий между текстами 1951 и 1961 гг.

Начало песни «*Иован Йоргован*» — описание непогоды — в обеих записях от М. Константина совпадает:

<i>Verde de-o mălură!</i>	«Злак» зеленый в головце!
<i>Pe-ăl vîrf de măgură</i>	На вершине кургана
<i>De trei zile-m' cură</i>	Третий день льет дождь,
<i>Ploaie și cu bură</i>	Дождит и моросит
<i>Si nu să răzbună (2).</i>	И «небо» не проясняется (2 р.).

Дальше в песне изображен богатырь Йоргован и говорится о выезде его на поиски страшного змея. В тексте 1951 г. после приведенного вступления шло краткое уведомление (ст. 6—7): «Вчера проснулся, //Будто проклятый *«кем-то»* и давалось имя героя, его характеристика («*Иован Йоргован //Сын мокана...*» и т. д.). В варианте 1961 г. — отход от такого порядка. Сразу после вступления называется день недели и дается описание охотничьего выезда богатыря. Иначе говоря, повествование начинается не с «спорта» Йоргована, а с его действий. Имя героя узнаем позднее — исполнитель на этот раз словно заинтриговывает слушателя.

Joi de dimineată	В четверг поутру
Pe roo, pe ceață,	При росе, при тумане,
Cu ceață-p spinare,	Спина в тумане,
Cu roua-n picioare,	Ноги в росе,
Cu vizla nainte	Перед ним собака
Mul'merge de frunte.	Бежит впереди.

В тексте 1951 г. такие стихи тоже были, но давались позднее (после представления героя слушателям). Причем они имели продолжение: описывались гончие, соколята и особенно подробно — конь богатыря. Все описание охотничьего выезда содержало около двадцати стихов и воспроизводило одно из устойчивых, типических мест героических песен о Йоргу Йорговане. В варианте 1961 г. это устойчивое описание оказывается разделенным на части (первую из них мы только что привели).

Но М. Константин не всегда расчленяет единые сложившиеся тирады. Вслед за приведенными стихами, описывающими выезд героя, в записи 1961 г. называется, наконец, его имя и даются обычные строки его эпического «паспорта». Причем, как и в тексте 1951 г., сразу за «паспортом» Йоргована идет описание змея. Весь отрывок без больших разночтений повторяет строки 8—24 варианта 1951 г. Как и прежде, он исполнен пением.

Iovan	Йован
Iorgovan,	Йоргован,
Fecior de mocan	Сын Мокана ⁷⁷
Și de moșilcan	И моцылкан ⁷⁸
Și de molivdău	И великаны —
Fost-ai viteaz rău,	Неуемный был витязь,
Bată-l dumnezeu! (2)	Побей его бог! (2 р.).
Iel c-a auzită:	Встал он потому, что просыпал:
Munte ocolit,	Обвита гора
Șarpe 'ncolăcit.	Свернувшимся змеем.
De-o hală de șarpe (2)	Чудище — змей (2 р.).
Scoate cap la țară	В страну потянувшись,
De-ș' ia o văcșoară,	Коровенку хватает.
Iar o vacă grasă	Сытую корову
Și-o fată frumoasă, (2)	И красивую девушку (2 р.).
(C)î, nene 'nvînează-ntr-ovară'	Ведь он, брат, охотится лето,
'ncinează-ntr-o seară,	Пожирает за вечер,
Luîrul de mirare!	Дивное дело!

В отмеченных трех случаях стихи произносятся по два раза, в отличие от текста 1951 г., где повторялась только последняя строка («Дивное дело!»).

⁷⁷ Мокан — горец-пастух.

⁷⁸ Моцылкан — горный пастух.

В двустишии «Ведь он, брат, охотится лето, // Пожирает за вечер» в 1951 г. порядок строк был обратным.

За приведенным отрывком в тексте 1961 г. появляются строки, которых прежде совсем не было. Они касаются действий Йоргованы:

Iel că-ntuneca Он затемно *(ноднялся)*
Si mi-si mîneca. И спозаранку встал.

Понадобились они затем, чтобы от змея вернуться к Йорговану и ввести вторую часть описания его охотничьего выезда, ранее опущенную: о гончих и соколах. При этом лэутару приходится повторить и две предыдущие строки описания (уже звучавшие в тексте 1961 г.):

Cu vizla nainte	Перед ним собака
Mul' mergea de frunte,	Бежит впереди,
Ogarii-n provaz,	На поводе гончие,
Merge de mirazi,	Едет — удивляет,
Şoimeii pe mînă,	На руке — соколята,
Merge de minune! (2)	Едет — поражает! (2 р.)

На этом месте в записи 1961 г. вновь прерывается стабильное описание, составляющее в тексте 1951 г. (и в других вариантах песни) одну слитную, единую тираду. М. Константин восклицает:

Конечно, обращение к зеленому листу служит лишь для того, чтобы подключить вторую строку, вновь говорящую об отправлении Йоргована в поездку. (В 1951 г. данная строка была 26-й, т. е. находилась гораздо ближе к началу.) Это не первое и не последнее дополнительное введение стиха с глаголом. В 1961 г. М. Константин явно стремился сделать повествование динамичнее. По-видимому, сказывались постоянные встречи с аудиторией, начинающей уже терять интерес к многострочным описательным тирадам.

Только теперь произносятся, наконец, завершающие стихи об Иорговане и его охотничьем выезде — описание богатырского коня (38—46 строки варианта 1951 г.):

Сălușelu lui,	Его конек —
Puiu leului;	Детеныш льва;
Şeulița lui,	Его седлышко —
Tasta zmeului;	Череп змеиный,
Frûlețu lui,	Уздачка его —
Doi bălăurei	Змееныша два:
De gură-ncleștați	Сцепились зубами,
De coade-nodați,	Связаны хвостами,
După oblinic dați.	Брошены на луку.

Но и в данном случае описание коня прозвучало в 1961 г. еще не полностью. Последовал очередной перерыв в изложении общего места. И опять-таки с восклицанием о зеленом листе вклинивались слова о действиях и состоянии Йоргована; на этот раз — строки, которых раньше не было:

Verde vioreal!	«Лист» зеленый фиалки!
Iel că mi-ș mergea.	Он ехал
Ş-apăi să gîndeа.	И думал.

Вновь возвращаясь к описанию коня и его снаряжения, М. Константин, наконец, добавляет последние традиционные детали (ср. строки 47—49 текста 1951 г.). Причем все три оставшихся стиха произнесены речитативом (в 1951 г. они пелись):

Chingulița lui,	Подпруга его
Doo năpîrcele	Две гадюки,
‘Mpletite de ielî...	Сплетенные им...

В 1951 г. третья строка повторялась; в новом варианте она произнесена один раз.

Следующий этап повествования — разговор Йована Йоргована с рекой Черной. В тексте 1951 г. переход был простой — говорилось, что после трех дней пути Йован Йоргован добрался до Черны: «Ехал три дня... //А когда доехал...// Обратился к Черне» (последняя строка предварялась восклицанием: «Маргаритки зеленый листок!»).

В 1961 г. произошло любопытное изменение. О длительности пути уже не говорится (ср.: «Iel, frate'm suiă» — «Он, брат, ехал вверх»). Появляются стихи, которых не было в 1951 г. Они говорят об опасности пути и несомненно принадлежат эпической традиции, но чаще встречаются в другой песне об Йорговане — «Йоргован и дикая дева из-под камня». Вводя их в 1961 г., М. Константин сообщал своему изложению дополнительную напряженность, чему, кстати, способствует повторение строки об опасности:

Mul' voini' s-au dusî, Много войников ушло,
Pe țoť i-au găpusî (2). Много там полегло (2 р.).

Часть текста, воспроизводящая диалог Йоргована с Черной, не вполне логична. Обычно Йоргован первым обращается к реке и просит «брод осушить». Так происходит в тексте 1951 г. Но через десять лет этот естественный порядок оказался нарушенным. Обращение Йоргована предварено речью самой Черны. Но повода для первого обращения у Черны нет. Поэтому оно как бы беспредметно: не содержит ни вопроса, ни просьбы. По существу в первом обращении Черны лишь повторена в форме вокатива характеристика Йоргована, — почти та самая, которая в 1951 г. шла в песне сразу за вступлением (ст. 9—13). В 1961 г. она уже тоже

звучала раньше — после первой части описания выезда героя.

Cerna că-i spunea:	Черна ему говорила:
«Iovane, Iovane,	«Йован, Йован,
Frate Iorgovane,	Брат Йоргован,
Si zău, moîlcane	Ты, ей-богу, моылкан,
Ficiar de mocanî...	Сын мокана», — и т. д.

Видно, певец ошибся, произнеся спачала первые слова ответа Черны и нашел выход в том, чтобы воспроизвести в ее речи эпическую характеристику героя. Но не следует думать, будто форма вокатива впервые была придана этой характеристике в ходе исполнения 1961 г. Дело в том, что в виде обращения она звучала и в 1951 г., только не в речи Черны, а дальше, в партии сестры богатыря (ст. 115—122). В данном случае инициатива певца состояла в том, что он применил ее и в речи Черны.

Дальше следует просьба Йоргована «осушить брод» и ответ Черны (Йоргован должен заселить рыбой ее пустующие воды). Это обычный диалог. Текстуально он в основном одинаков в вариантах 1951 и 1961 гг. Йоргован просит осушить брод, а Черны ставит условие: пусть Йоргу Йоргован добудет стерлядь и севрюгу и пустит в ее пустующие воды. Разница в том, что в ответе Черны появляется вставка. Но она не расчленяет привычную стабильную тираду, как в случае с описанием охотничьего выезда, а лишь дополняет ее. Происходит это следующим образом. Начальные строчки ответа Черны («Йован, Йован// Брат Йоргован, //Очень ты смелый//Со мной говорить!») обрели в 1961 г. продолжение:

Cît' voini's-au dus, Сколько воиников ушло,
Pe toți' i-am răpusî. Все погублены мною.

Усиливается, таким образом, мысль об отваге и смелости героя. Вставка играет примерно ту же смысловую роль, что и дополнение, упомянутое ранее: Йоргован добрался в такие края, где погибло много богатырей («Много воиников ушло, // Все там погублены»). В сущности перед нами те же стихи (новые у М. Константина, но существующие в других песнях), только во втором глагол — в первом лице, так как произносит их Черна. В обоих случаях надо видеть не только сознательное, но и последовательно осуществляемое дополнение исполняемого текста.

В дальнейшем на протяжении двадцати с лишним строк в варианте 1961 г. гораздо меньше отличий от варианта 1951 г. Йоргован приносит рыбу, опускает в Черну, переезжает на другой берег, затем выбирает, испытывает ударом о гору и перековывает палаш. Перестановки незначительны. Дополнения сводятся в основном к двум новым восклицаниям «⟨Лист⟩ зеленый фиалки!», после 77 и 88 стихов. Этой орнаментальной деталью в обоих случаях отмечается начало нового действия Йоргована (когда он отправ-

ляется выполнять поручение Черны, а затем идет испытывать палаш).

Еще одно разночтение иллюстрирует не частое в тексте 1961 г. варьирование прежних стихов. В записи 1951 г. имеется двустишие об испытании перекованного палаша:

Paloș reteza,	〈Теперь〉 Палаш <i>〈все〉</i> рассекал,
Muntele-l tăia.	Гору рубил.

В 1961 г. в первой строке слово «палаш» заменено словом «гора», а вторая строка заменена новой:

Munte reteza,	Гору <i>〈палаш〉</i> рассекал,
Coraj să-mi avea.	Это придало смелости.

В результате экономнее охарактеризована сила палаша и дано почувствовать, что Йоргован готов к поединку.

Заметное отступление от старого текста — в сцене ожидания змея. В обоих случаях даются стабильные строки о долгом ожидании Йоргованом змея. В тексте 1951 г. дальше неожиданно говорилось, что к Йовану подходит его сестра и начинает с ним говорить. В варианте 1961 г. М. Константин это место сохранил, но передвинул его дальше. В новом варианте сразу за стихами о долгом ожидании богатырем змея объясняется, что в это время делает змей. Тем самым делается попытка внести в повествование большую последовательность и ясность. Пояснительные стихи введены следующим образом. Раньше за словами о долгом ожидании богатыря шла строка, не имевшая видимой связи ни с предыдущими, ни с последующими: «Чтобы Йована извести» (*«Pe Io-van să-l sece»*). Можно было только догадываться, что имеется в виду замысел змея. В тексте 1961 г. имя героя убрано из этой строки, а действие, ею обозначаемое, оказывается направленным против змея. Получается понятнее: Йован ждет много дней, «чтобы змея извести» (*«Pe șarpe să-l sece»*). И тут же ставится вопрос, какого не было в данном месте текста 1951 г.: «А что делал змей?» Даётся и ответ, использующий стихи, которые в тексте 1951 г. звучали гораздо дальше.

Foamea că-l răzbea	Голод его донимал,
Coraj că n-avea.	Но смелости не было (новая строка.— B. Г.)
Afar' că ieșa,	Выбрался <i>〈из норы〉</i> ,
Acolo că sta.	Но там же остался.

Все последующее изложение (победа над змеем, обращение Йоргована в камень) в обоих вариантах песен развивается одинаково и текстуально совпадает, за исключением немногих слов и единичных строк.

В целом можно заключить, что отличие текста 1961 г. от текста 1951 г. у румынского исполнителя эпоса М. Константина больше сказывается в первой половине песни «Пован Поргован»; оно чаще выражается в композиционных изменениях, в перемещении строк эпического повествования, реже — в варьировании, добавлении традиционных стихов и совсем редко — в создании новых. Возможно, в этом одна из особенностей исполнения восточнороманского эпоса на современном этапе.

Собиратели эпоса не раз приводили примеры того, что певец утверждает, будто передал песню точно, а на самом деле его текст расходится с текстом учителя или его собственным, пропетым ранее. Усматривалось противоречие, несоответствие между заверениями или намерением сказителя и действительным исполнением. Но оказывается — еще предстоит решить, кто при этом был более прав: исполнитель или фольклорист, обнаруживший противоречие. Если критерием верности воспроизведения считать текстуальное, дословное следование за предыдущим исполнением, то «отход» установить не сложно. Конечно, при условии, что передача еще творческая, а не механическая. Но только едва ли такой критерий, связанный с литературно-письменными представлениями, вообще приемлем при изучении эпоса. И мало сказать, что эпический певец не хранит в памяти во всем готового и оформленного текста — это более или менее ясно. Но очень часто то, что записывается при каждом исполнении, — это и не варианты одного текста, а конкретные воплощения более широкого поэтического запаса. И здесь, нам кажется, принципиальная суть вопроса. (Конечно, имеются многие примеры, когда певец действительно лишь слегка варьирует один и тот же текст — но не есть ли это все же свидетельство затухания, ослабления творческого процесса в широком смысле слова?) Примеры активной, нестесненной передачи народных поэм (особенно былин), приведенные в статье, показывают, что *певец* прежде всего — хранитель эпического знания. Этому обозначению (ср. выражение «былинное знание» в трудах А. М. Астаховой) следует придать терминологический смысл.

Именно знание поэмы (более широкое, чем знание одного строго оформленного текста ее) находит проявление в том, что у певца не одна повествовательная возможность, а «пучок» таких возможностей. Мы видели, как, оставаясь в пределах эпического знания, исполнитель былины выбирает один из альтернативных ходов, добавляет или убавляет художественные детали, производит перестановку их, воплощает изложение в иные слова, — соблюдая художественную синонимию, и т. д. Записи болгарского и восточнороманского эпоса тоже показывают, что эпическое знание шире, чем текст любого отдельного исполнения, и никогда в нем не исчерпывается.

По в то же время каждый текст былины вбирает в себя и готовую, лексически устойчивую часть изложения. У румынских певцов это особенно заметно. При исполнениях, разделенных небольшой паузой, у них даже происходит стабилизация почти всего текста. А в записях, разделенных более значительным промежутком времени, на первый план выступают композиционные различия, перемещения готовых стихов (хотя синонимические вариации, дополнения, пропуски тоже имеются). Большая доля дословно повторяемых стихов объясняется не только спецификой восточно-романского эпоса как такового, с его относительно кратким объемом и стихом, но и особенностями обследованного (но не единственного) типа исполнительства на современной его стадии. Это сельские профессионалы, музыканты-лэутары. В процессе многократного исполнения, частично уже лишенного творческих элементов, которые были у певцов 30-х годов, стих чаще обретает у них затвердевшую, не изменяемую форму. Надо только помнить, что другим проявлением профессионализма, в ином его состоянии, могут быть весьма свободные импровизации, причем не только на традиционный сюжет, но и на «вольную тему» (пример подобной импровизации у сербских гусляров — «посвящение профессору университета Мильману Парри», спетое 20.IX 1933 г. Милованом Войничем с применением «формул» и «формульных выражений») Но это уже особая тема.

ВАРЬИРОВАНИЕ КОБЗАРЕМ М. КРАВЧЕНКО ДУМЫ «БЕДНАЯ ВДОВА И ТРИ СЫНА»

В. П. КИРДАН

Кобзарь Михаил Степанович Кравченко (1858—1917) родился и прожил всю жизнь в с. Большие Сорочинцы Миргородского уезда Полтавской губ. На пятиадцатом году он ослеп, спустя два года стал учиться играть на бандуре и петь у кобзаря С. Яшного, а затем почти девять месяцев учился у знаменитого кобзаря Ф. Гриценко-Холодного.

От Кравченко было записано две думы его собственного сочинения: «О сорочинских событиях 1905 г.» и «Черное воскресенье в Сорочинцах» (сам автор был непосредственным участником этого события) и шесть традиционных дум: «Певольники», «Плач невольников», «Побег трех братьев из города Азова, из турецкой неволи», «Маруся Богуславка», «Смерть трех братьев у реки Самары», «Бедная вдова и три сына»¹.

Некоторые из этих дум записаны от него по два раза, а дума «Бедная вдова и три сына» — трижды: в 1902 г. А. Сластином (Сласт., 324—330), в 1904 г. — В. Шевченко² и в 1908 г. — Ф. Колессой с помощью фонографа (Колесса, 277—282).

Кравченко — один из тех кобзарей, которые не пассивно исполняли думы, а постоянно варьировали их, стремились добиться максимальной выразительности.

В этой статье мы сопоставим три записи семейно-бытовой думы «Бедная вдова и три сына»³. Дума эта — одна из наиболее популярных в XIX — начале XX в. Она входила в репертуар почти всех кобзарей и лирников. Известно более сорока опубликованных вариантов. Значительное количество текстов находится в архивах⁴. Важное место дума «Бедная вдова и три сына» занимала и в репертуаре Кравченко.

¹ Подробнее о М. Кравченко см.: А. Г. Сластион. Кобзарь Михайло Кравченко и его думы. — «Киевская старина», 1902, май, стр. 303—331; Ф. Колесса, стр. 101—102; Ф. І. Лавров. Кобзар Михайло Кравченко. — «Народна творчість та етнографія», 1958, № 2, стр. 20—29.

² ИИФЭ, ф. 8-К2, д. 57, л. 63—67.

³ О варьировании Кравченко исторической думы «Побег трех братьев из города Азова, из турецкой неволи» по записям 1902 и 1908 гг. см.: Б. П. Кирдан. Украинские народные думы (XV — начало XVII в.). М., 1962, стр. 172—180.

⁴ Дума «Бедная вдова и три сына», а также песни на эту тему рассмотрены в кн.: Б. П. Кирдан. Украинский народный эпос. М., 1965, стр. 158—206.

Содержание думы «Бедная вдова и три сына» сводится к следующему. Бедная вдова растит трех сыновей. Она испытывает большие трудности и лишения, однако своих детей не отдает в наймы. Мать просит бога, чтобы он помог ей вырастить сыновей, научить их уму-разуму и женить. Дети выросли и женились. Однако под старость бедная мать не обрела покоя: сыновья выгоняют ее из дома. Они мотивируют свой поступок тем, что мать неспособна работать, что она будет пугать их жен и обижать детей и, наконец, что им будет стыдно перед богатыми гостями бедно одетой матери. Мать пытается уговорить детей, но тщетно — они выталкивают ее на улицу и сосед (или чуж-чужанин) дает их матери приют.

За свой поступок дети вдовы наказаны: у них не родит хлеб, сгорают постройки и т. п. (несчастья варыщаются), от них отворачиваются все, даже гости.

Сыновья решают забрать мать домой. Окончание думы имеет несколько вариантов. Наиболее распространенные из них: мать простила детей и вернулась домой, после чего в их дом пришло и благополучие; мать простила детей, но домой не вернулась — умерла у чужих людей.

Кравченко эту думу исполнял довольно часто и хорошо ее знал. Сравнение трех записей думы, сделанных от Кравченко в 1902, 1904 и 1908 гг., убеждает, что он сохранял содержание думы и последовательность изложения событий, варьируя лишь отдельные эпизоды повествования. При этом изменения, которые кобзарь вносил в исполняемое произведение, нельзя объяснить тем, что он что-то забыл, пропустил, сбился и т. п. Налицо творческий подход к думе, желание усовершенствовать произведение, внести новые черты в характеристику образов.

Проиллюстрируем это путем сравнения отдельных частей думы. Для того, чтобы различия в вариантах сделать более наглядными, в основу сопоставительного анализа положен вариант 1902 г. В статье отмечаются лишь значительные разнотечения. Это позволяет отчетливее показать творческие искания кобзаря, не перегружая работу примерами изменений, не имеющих существенного значения.

Обратимся непосредственно к тексту.

Начало думы в записи 1902 г.:

Ой у святую неділеньку,
Рано-пораненьку,
Ой не у бору сосна зашуміла,
Не сивая зозуля кувала,
Не дрібна иташка щебетала,—
То бідна удова у своему дому
З своїми дітьми розмовляла;
Вона ж ручками-пучками
Хліб-сіль одробляла,

- ¹⁰ Да все синів годувала
 Да у найми не пускала,
 На поталу не давала,
 І все бога-творця прохала:
 «Поможи мені, боже,
- ¹⁵ Синів погодувати,
 До розуму подоводити
 І дома построїти
 І їх подружити!..»
 То скоро бідная удова
- ²⁰ Іх врозтила
 І грамоти поучила,
 До розуму подоводила,
 Дома построїла
 І їх подружила.

(Сласт., 324—325)

В 1904 г. Кравченко стих «Ой не у бору сосна зашуміла» поместил на пятом месте, а не на третьем, как было раньше. После двенадцатого стиха вставил строку «І на стіраніе ручок не подавала» и в то же время опустил двадцать вторую — «До розуму подоводила». Кроме того, вместо стиха «І все бога-творця прохала» он произнес: «Ой то все всевишинього господа-творця прохала», а также заменил эпитет, характеризующий кукушку («си-за зозуля» вместо «сивая»).

При записи думы в 1908 г. кобзарь в основном повторил текст 1904 г., хотя в отдельных случаях и вернулся к варианту 1902 г. (эпитет «сива зозуля», а не «сиза», как было в 1904 г., восстановлен стих «До розуму подоводила»). Кроме того, в новом варианте думы шестой и седьмой стихи получили следующее звучание:

Як та бідна вдова
 А в своєму домові гомоніла.
 (Колеса, 277)

В записях 1902 и 1904 гг. говорилось, что вдова детей «на поталу не подавала» (ст. 12). В 1908 г. кобзарь повторил этот стих дважды, по-видимому, он хотел еще сильнее подчеркнуть мужество матери ⁵. Эта, на первый взгляд, незначительная деталь усилила контраст между поведением вдовы и ее детей. Повторив стих «чужим людям на поталу не подавала», Кравченко не произнес рядом стоящей строки «І на стіраніе ручок не подавала», которой, кстати, не было и в тексте 1902 г.

⁵ В 1908 г. Кравченко использовал повторы отдельных стихов и при исполнении думы «Побег трех братьев из города Азова, из турецкой неволи» (Б. П. К и р д а н. Украинские народные думы, стр. 175—176).

Следующий эпизод думы — сыновья выгоняют мать из дома — кобзарь подверг более существенным изменениям. В варианте, записанном от Кравченко в 1902 г., этот эпизод изображен так:

- 25 Стали ті сини удовицьченки
Жити-проживати,
Стали вони у себе
Разную монету мати,
Стали собі молодих княгинь заручати,
30 Стали вони свою матір,
Непрасну удовицю, з подвір'я зсилати:
«Ой іди ти, іди,
Наша мати старая,
Преч із нашого багатого двору,
35 Бо ти нам невдобна,
Діла робити неспособна;
Годі тебе, наша мати старая,
Штити-поважати,
Своїх же спасти-страхати,
40 Малих дітей обіжати,
Іди ти, іди, наша мати старая,
Преч із нашого багатого двору —
Будуть до нас
Гості-панове наїжджати,
45 Будуть у нас пить-гуляти —
Тут тобі, наша мати,
Спокою не буде».

(Сласт., 325—326)

В записи 1904 г.:

Як стали сини жити-проживати,
Стали в себе разні монетки мати,
Стали молодих княгинь до себе заручати,
Стали бідну удову
З свого подвір'я зсі... зсилати:
«Ой та іди ж ти, вдово старая,
Куди-небудь проживати,
Бо будуть до нас гості-панове заїжджати,
Будуть пить-гуляти,
То тут тобі спокою не... не буде».

(ИИФЭ, ф. 8-К2, д. 57, л. 63)

Таким образом, в 1904 г. Кравченко опустил целых девять стихов, в которых содержалась первая причина изгнания матери. Он указал лишь вторую причину: приедут богатые гости, они будут пить-гулять и не давать матери покоя. В последних словах как будто даже звучит мнимая забота детей о матери.

Встречаются и более частные отличия сопоставляемых вариантов: вместо «стали вони свою матір, нещасну удовицю...» в тексте 1904 г.: «стали бідну удову». Кравченко изменил и начало обращения братьев к матери. В нем, как и в «авторском тексте», выражение «наша мати старая» заменено на «вдово старая». Стих «Преч із нашого багатого двору» заменен на менее удачный: «Куди-небудь проживати».

Текст думы, записанный от Кравченко в 1908 г., показывает, что последняя редакция (1904 г.) почти полностью удовлетворила кобзаря (Колесса, 278).

Мать просит детей оставить ее дома, но они неумолимы. Сыновья вновь говорят матери о богатых гостях. В отличие от первого обращения дети перечисляют богатые одежды гостей и заявляют, что им будет стыдно бедно одетой матери:

Іди ти, іди, наша мати старая,
Преч із нашого багатого двору —
60 Будуть у нас гости наїжджати
У синіх каптанах,
У китаєвих штанях,
А ти будеш проміждо нас ходити
Рамням трусити —
65 Нас, молодих челядинов, страмити.

(Сласт., 326)

В думе, таким образом, дважды упоминается о гостях, что нарушило стройность изложения. Впоследствии Кравченко перестроил рассматриваемую часть думы. В варианте 1904 г. описание богатой одежды гостей стоит уже после первого упоминания об их приезде, а о реакции матери и ее упреке неблагодарным детям говорится в конце всего эпизода:

«Бо будуть у синіх каптанах,
У китаєвих штанях,
А ти будеш у сірім ряжині
Між нами проходжати,
Будеш нас осрамляти,
Як-то нам своїми очима на тебе о... осмотряти».
Ой то бідна вдова про тее зачуває,
І словами промовляє,
І сльозами проливає.
Що мовить словами,
Обіллеться дрібними сльозами:
«То я вас, сини, годувала,
Як камні глотала,
А чого тепер від вас діждала?»

(ИИФЭ, ф. 8-К2, д. 57, л. 63—64)

Такой порядок строк, сделавший повествование более логичным и последовательным, кобзарь сохранил и во время записи думы в 1908 г.

Работа Кравченко в 1902—1904 гг. над данной частью думы не ограничилась перестановкой отдельных элементов повествования. Кобзарь внес также некоторые существенные изменения в отдельные ее стихи. Так, вместо стихов:

А ти будеш проміждо пас ходити
Рáмням трусити —
⁶⁵ Нас, молодих челядинов, страмити...

(Сласт., 326)

в 1904 г. Кравченко пропел:

А ти будеш у сíрім ряжині
Між нами проходжати,
Будеш нас острямляти,
Як-то нам своїми очима на тебе о... осмотряти.

(ИИФЭ, ф. 8-К2, д. 57, л. 63—64)

Чем вызвано подобное изменение, трудно сказать. Ясно одно, что бытовое разговорное выражение, обозначающее бедность («рамням трусити»), было устранино из текста думы. Не исключено, что Кравченко услышал эту думу в исполнении других кобзарей и начал соответственно редактировать и свой текст («у сíрім ряжині» — искажение неправильно понятого «у сіріячині»). В варианте 1904 г. в речи матери отсутствуют слова:

⁵⁵ Що йти на чуже подвір'я проживати...
Я буду у другій кімнаті сидіти,
Ваших діток глядіти...

(Сласт., 326)

В варианте 1902 г. эти слова оставались без ответа (в песнях аналогичного содержания сын отвечает матери, что ребенок сам будет спать). В 1904 г. кобзарь опустил их и тем самым усилил художественную целостность эпического произведения.

Редакция данного отрывка, которая была зафиксирована в 1904 г., не совсем удовлетворяла Кравченко и он продолжал над ним работать. В варианте 1908 г. кобзарь вставил в думу два новых стиха и видоизменил два других:

Та будеш наших дітей оскорбляти,
Жінок зневажати,
Як-то нам на тебе своїми очима
Хоч тяжко та важко ї оскорбляти.

(Колесса, 278)

Вставка эта здесь художественно оправдана. Ни в варианте 1902 г., ни в варианте 1904 г. этих слов не было. Однако в тексте, записанном в 1902 г., сыновья говорят матери, что хватит пугать жен и обижать детей (ст. 39—40). Таким образом, к 1908 г. Кравченко несколько по-иному оформил мотив, характерный для записи 1902 г., и вставил его в текст думы после описания богатой одежды гостей.

Теперь сравним эпизод ухода матери из дома.

Вариант 1902 г.:

85 Пішла бідна вдова, плаче,
Стежечки і, баче, спотикається,
А сидить найменший син
Край віконечка насміхається:
«Ой дивіться, хлонці, панове-молодці,
90 Як-то наша мати на старість,
Чи вона напивається,
Чи ума лишається —
Що попід тинами хиляється».
Обзадумав середульший син —
95 Що мати наша ні вина не напивалась,
Ні ума не лишалась,
Ні під тином не валялась,
А вона нас годувала
І совершенних літ ожидала,
100 Думала при синах до старості доживати;
Ми ж її з свого подвір'я зогнали,
І перед богом і перед людьми
Сміятися стали.

(Сласт., 327)

Здесь вопреки народной традиции младший брат изображен более жестоким, чем старшие: он еще и насмехается над изгнанной матерью. В словах же среднего брата звучит даже сочувствие к матери.

В 1904 г. Кравченко почти дословно повторил стихи 85—93, изменениям он подверг остальную часть рассматриваемого отрывка. Так, стих-ремарку «Обзадумав середульший син» Кравченко заменил на «Ой то середуший син обізвався». Речь среднего сына он сильно сократил и несколько видоизменил. В варианте 1902 г. средний брат сначала повторял то, о чем говорил матери младший, только с частицей «ні», — прием последовательного отрицания («Ні вина не напивалась, ні ума не лишалась, ні під тином не валялась»), а затем говорил об ожиданиях и надеждах вдовы и поступке сыновей. В 1904 г. Кравченко почти не изменил стихи 95—96, но вместо следующих за ними стихов 97—103 пропел всего два: ■

А то вона на старість із сил вибивається,
Що попід тином хи... хиляється.

В варианте 1902 р. средний брат по существу повторял то, о чем говорилось в начале думы об ожиданиях вдовы. Что ее надежды не сбылись, ясно из содержания произведения. Таким образом, слова среднего брата об ожиданиях вдовы, хотя и вносили новую черту в его характеристику, однако замедляли повествование. Кобзарь, по-видимому, это чувствовал. Но механически сократить речь среднего брата нельзя было — терялся смысл, и Кравченко изменил всю речь среднего брата.

К 1908 г. Кравченко вновь существенно переделал речь среднего брата.

В новой редакции думы средний брат говорит:

Ой брати ж то рідненky,
Голубоньки сивенькі!
Гей, тож наша мати ні вина не напивала,
Ні ума не лишала,
А то вона [в роскоші та в щасті]
Слізьми заливається,
Що попід тином хиляється.

(Колесса, 279)

Как видим, Кравченко продолжал искать наиболее выразительные художественные средства. Он вставил в речь среднего брата традиционное для дум обращение — первые два стиха⁶. Стих же «А то вона на старість із сил вибивається» (вариант 1904 г.) был заменен более сильным:

А то вона [в роскоші та в щасті]
Слізьми заливається...

Почему же Кравченко так свободно обращался с этой частью текста думы? Дело в том, что всю речь среднего брата нельзя считать традиционной. Она не встречается ни в одном из известных нам вариантов думы⁷ и была, вероятно, сочинена самим Кравченко.

В большинстве вариантов над вдовой насмехается старший сын⁸ или же все вместе⁹. Младший сын насмехается над матерью

⁶ См. думы «Побег трех братьев из города Азова, из турецкой неволи», «Смерть трех братьев у реки Самары» и др. (Колесса, 264, 276 и др.).

⁷ Метл., 350, 352; Зап. Ю.-З. отд. I, Матер., 12; Март., 69; «Киевская старина», 1884, янв., стр. 32; «Этнографическое обозрение», 1892, I, 176; Кулиш, I, 22; Колесса, 283—284, 376—377; «Україна», 1924, IV, 73; Груш., II, 257, 253, 259, 261.

Насмешка детей над матерью встречается лишь в тех вариантах думы, в которых вдова уходит из дома, не проклиная своих сыновей, т. е., где она изображена более пассивной.

⁸ Метл., 350, 352; Март., 69.

⁹ Зап. Ю.-З. отд., I, Матер. 12; «Етнографічний вісник», 1928, кн. 7, стр. 131; Груш., II, 259, 261; Колесса, 283—284, 376—377.

(если не считать вариантов Кравченко) еще лишь в двух текстах¹⁰, записанных П. Кулишом в середине XIX в. от лирника А. Никоненко на хуторе под Оржицей Полтавской губ. и С. Масловым в 1902 г. — от лирника Г. Вахно из с. Шиловичи.

Других совпадений в названных вариантах нет. Трудно объяснить, что заставило трех названных певцов отойти от народной традиции, которая обычно не наделяет младшего брата чертами жестокости и непочитания родителей или рода. Кравченко отошел от этой традиции дальше двух других исполнителей: в его интерпретации средний брат более нежен и чуток (во всяком случае в его словах звучат нотки сочувствия), чем младший, — обычно любимец народа.

В 1904 г. при воспроизведении эпизода встречи бедной вдовы с чуж-чужанином Кравченко опустил стихи 104 и 105:

Пішла бідна вдова
Плаче, спотикається...

Выпали эти стихи, вероятно, ибо они имеют большое художественное значение. Изображение душевного состояния вдовы встречается не только в большинстве вариантов рассматриваемой думы, но и в песнях на эту же тему¹¹.

Творческим изменениям кобзарь подверг и начало диалога чуж-чужанина и вдовы. Если в варианте 1902 г. чуж-чужанин спросил вдову лишь о том, почему она плачет (ст. 108), то в варианте 1904 г. — почему она здесь ходит, слоняется, почему не идет жить к своим сыновьям? Не дожидаясь ответа, чуж-чужанин говорит вдове, что если она будет угощать своим детям, то будет с ними жить до самой смерти. Ничего подобного не было в тексте 1902 г.

Не остался неизменным и ответ вдовы. В варианте 1902 г., не отвечая на вопрос чуж-чужанина, она просила его взять ее к себе, в свой двор, обещая убирать хату и сени, смотреть за малыми детьми. В варианте же 1904 г. вдова отвечает чуж-чужанину вопросом: зачем ты меня спрашиваешь? И тут же добавляет, что не может жить у своих сыновей, а ему, чуж-чужанину, будет вовек угождать (просьбы взять к себе здесь нет — она подразумевается).

К 1908 г. Кравченко при передаче эпизода встречи вдовы с чуж-чужанином вновь вернулся к раскрытию душевного состояния изгнанной сыновьями матери (ср. вариант 1902 г.), усилив его словами, что вдова плачет, «стежечки не бачить».

В записи 1908 г., в отличие от двух предыдущих, чуж-чужанин задает вдове вопрос из божьего дома, т. е. из церкви. При этом сам вопрос не приведен. Вспомним, что в варианте 1902 г. он был предельно кратким («Чого ти, бідная вдово, плачеш?»), в вар-

¹⁰ Кулиш, I, 22; Груш., II, 258.

¹¹ См. Б. П. Кирдай. Украинский народный эпос, стр. 171—172.

рианте 1904 г., наоборот, очень пространным. Кроме того, в варианте 1904 г. чуж-чужанин дает совет матери, как ей вести себя в доме сыновей, чтобы жить у них до самой смерти.

В тексте 1908 г. всего этого нет. О характере вопроса чуж-чужанина нельзя узнать и из ответов вдовы. Она говорит чуж-чужанину: «Так нащо ти мене питаеш?» Дальше следует просьба взять ее к себе. В варианте 1904 г. вдова вначале отвечала чуж-чужанину, что она не будет жить у своих сыновей, и только после этого просила у него приюта.

Любопытно, что в варианте 1908 г. обращение вдовы к чуж-чужанину гораздо ближе к варианту 1902 г., а не к более близкому варианту 1904 г.¹² Вместе с тем в новом варианте есть стихи, которых не было в текстах 1902 и 1904 гг.:

Тобі, молодому челядину,
Порядок то й давати.

(Колесса, 280)

Необходимо также отметить, что обещание вдовы учить молодого «челядина» уму-разуму приобрело устойчивость формулы и встречается в вариантах других кобзарей¹³.

Характерно, что ни в одном из рассматриваемых вариантов думы «Бедная вдова и три сына» не говорится о «божьей помощи» человеку, приютившему старую изгнанную детьми мать¹⁴.

В варианте 1904 г. Кравченко опустил стих 138 — «Стали гірко проживати» (см. вариант 1902 г.). Вместо него кобзарь ввел три новых стиха:

Стали дрібні сльози ироливати,
Що мовлять словами,
Обіллються дрібними сльозами.

(ИИФЭ, ф. 8-К2, д. 57, л. 66)

Три последних стиха не являются нововторчеством Кравченко — они часто встречаются в украинских народных думах. В 1908 г. Кравченко не произнес этих стихов, так как получалось,

¹² Например, вопрос вдовы: «Та нащо ти мене питаеш?»

¹³ См., например: «Етнографічний вісник», 1928, кн. 7, стр. 131; Колесса, 284; Груш., ІІ, 262 и т. д. В некоторых вариантах «млада челядина» сама говорит, что вдова будет ее учить уму-разуму (см., например: Зап. Ю.-З. отд., I, Матер., 12; «Киевская старина», 1884, янв., стр. 32; Метл., 351).

¹⁴ Ср., например, в варианте, записанном от кобзаря О. Вересая:

Як стала вдова у близького сусіда проживати,
Став господь милосердний близькому сусіді
помогати:
Стали близького сусіда куми-побрратими зазнавати,
Стали на хліб, на сіль, на честь зазивати.

(Зап. Ю.-З. отд., I, Матер., 12)

что у плачущих братьев пили да гуляли гости, которые затем над ними же и насмехались. Кравченко, вероятно, почувствовал нелогичность подобного перехода.

В новом варианте нет и отрицательного параллелизма, который приобрел в думах устойчивую форму, но в рассматриваемой части думы встречается крайне редко:

У святую неділеньку, рано-пораненьку,
Тож не у всі дзвони давонять...

(Сласт., 328, ст. 139—140)

Особенно изменил Кравченко ту часть думы, где рассказываеться об отношении к братьям их гостей и людей вообще. В 1904 г. кобзарь почти дословно повторил текст 1902 г. Он был довольно близок к вариантам, записанным от других кобзарей: над сыновьями насмехались люди; гости же, которые у братьев пили да гуляли, выехав со двора, осуждали хозяев за то, что они выгнали из дома свою мать.

К 1908 г. Кравченко значительно усилил эту, ставшую традиционной, часть думы. В ее новой редакции говорится, что дворы братьев начали зарастать бурьяном. Люди перестали уважать братьев, гости вообще перестали к ним заезжать и приглашать к себе, перестали навещать их и кумовья-побратьи. От них отвернулись все — даже те, ради которых они выгнали из дома мать (см. завязку думы).

Созданы ли эти стихи самим Кравченко? Прежде, чем ответить на этот вопрос, напомним, что мотив осуждения детей вдовы их же гостями встречается во многих вариантах рассматриваемой думы¹⁵ так же как и указание, что их не стали знать люди¹⁶, начали над ними насмехаться¹⁷ и т. п. Однако текст этой части думы в других вариантах слишком далек от варианта Кравченко. Несколько ближе к варианту Кравченко — запись от кобзаря Ив. Романенко из с. Британы Борзенского уезда Черниговской губ.:

Не стали їх люди знати,
І в їх хліба-солі уживати.
(Метл., 351)

Однако дословных совпадений и здесь нет — о влиянии говорить не приходится.

Сравнение рассматриваемой части думы «Бедная вдова и три сына» во всех известных вариантах приводит к выводу, что новые стихи, появившиеся в варианте Кравченко в 1908 г., были сочи-

¹⁵ См., например: Чуб., V, 848; Колесса, 495—496; Груш., II, 254, 262, 274, 297.

¹⁶ Кулиш, I, 22; Спер., Песни, стр. 13; Груш., II, 240, 264.

¹⁷ Метл., 346; «Киевская старина», 1882, дек., стр. 498.

нены им самим в духе народной традиции. Ни в одном из вариантов думы, записанных от других кобзарей и лирников, не называются одновременно люди вообще, гости и кумовья-побратья. Подобным перечислением Кравченко усилил эту часть. Кроме того, в новом варианте думы (1908) гости вообще не навещают братьев и не приглашают их к себе — таким недостойным является в их глазах поступок братьев.

Создав свою редакцию, Кравченко, однако, не смог гармонически увязать новые строки с последующими, традиционными. После проанализированного отрывка Кравченко исполнил:

Гей, то в святу неділеньку,
То рано-пораненько,
То не в усі то дзвони давонять,
А то про вдовиціків
Все люди то ѹ говорять.

(Колеса, 281)

Стихи эти, уместные в редакции думы 1904 г., оказались лишними. Они только нарушили целостность повествования.

Кравченко изменил и рассказ о поведении детей вдовы после постигших их несчастий. Так, вместо стихов:

Став старший син
Братам своїм промовляти...

(Сласти., 329, ст. 156—157)

в 1904 г. кобзарь произнес:

Що старший син
Мовить словами,
Обіллеться слізними слізами...

(ИИФЭ, ф. 8-К2, д. 57, л. 66)

Кравченко повторил здесь устоявшуюся формулу. Новые стихи не смягчили характеристику старшего брата, но показывают, что он сильно пережил случившееся.

В 1904 г. Кравченко не произнес 166—168 стихов варианта 1902 г.:

Будем прохати,
Чи не перестане нас господь
Хоть мало-немного карати.

Можно было бы предположить, что кобзарь опустил эти строчки, желая тем самым изменить характеристику братьев. В варианте 1902 г. старший брат предлагает взять мать домой не потому, что они (дети) осознали свою вину и раскаялись, а только потому, что хотят избежать божьей кары. Без этих слов создалось

бы впечатление, что братья искренне раскаялись. Кобзарь мог сознательно опустить названные три стиха. Однако это не так: при встрече с матерью сыновья говорят ей об истинной причине своего «раскаяния»: «Чи не перестане нас господъ... карати» (следующая часть думы). Следовательно, в 1904 г. три стиха выпали из думы не из желания кобзаря изменить или смягчить характеристику братьев, а случайно.

В 1908 г. Кравченко дополнил речь старшего брата словами:

Ой чи не прийде то наша мати
До нас проживати.
Бо вже нам тяжко та важко
На світі пробувати.

(Колесса, 281)

Это четверостишие напоминает строки из варианта 1902 г., но не повторяет их.

Наибольшим изменениям Кравченко подвергал заключительную часть думы.

Вариант 1902 г.:

180 Бідна удова на сльози не вдаряла¹⁸,
Словами нромовляла:
«Як-то я вас, сини, годувала,
Як камінь гладала!
А тепера чого од вас дождала —
Що на чужому подвір'ю проживаю,
185 Да вже й буду на чужому подвір'ю
проживати;
Просіть бога і всевишнього творця,
Щоб перестав вас карати,
А я буду на чужому подвір'ї помірати».
189 Бідна удова на чужому подвір'ї й
померла...
(Сласт., 330)

Таким образом, вдова не простила своих неблагодарных детей и отказалась к ним вернуться.

В варианте 1904 г. появилось два новых стиха:

Що мовить словами,
Обіллеться дрібними сльозами.
(ИИФЭ, ф. 8-К2, д. 57, л. 67)

Стихи эти внесли в думу новую деталь, дополнили характеристику матери (она очень сильно страдала, когда отказывалась-

¹⁸ Е. Грушевская неправильно истолковала окончание этого варианта и писала, что мать простила своих сыновей (Груш., II, 235).

вернуться к детям). Они стали в думах общим местом. Несколько раз произносил их и Кравченко в рассматриваемом (1904) варианте думы. Эта новая деталь и могла привести впоследствии к тем изменениям в речи матери, которые мы видим в записи 1908 г.

В 1904 г. из думы выпали стихи 185—187, характерные для текста 1902 г.:

Да вже й буду на чужому подвір'ю проживати;
Просіть бога і всевишнього творця,
Щоб перестав вас карати...

К 1908 г. Кравченко значительно смягчил окончание думы¹⁹. В новом варианте говорится о прощении материю своих неблагодарных сыновей. Вдова простила их, хотя и отказалась к ним вернуться. Близкий тип окончания встречается и у других кобзарей²⁰. Кобзарь этот не создал принципиально нового окончания думы, но дал иную редакцию.

Не исключено, что Кравченко изменил окончание под влиянием других кобзарей²¹. Увеличив заключительную часть думы более чем в два раза, Кравченко, однако, не ввел в нее ни одного стиха, который ранее не был бы известен. Ряд мест он просто повторил (стихи о состоянии изгоняемой из дома вдовы, рассказ вдовы о трудностях, которые она испытала и т. д.).

Обратимся к финальной формуле думы — традиционной «славе», характерной для подавляющего большинства украинских народных дум. И она у Кравченко не оставалась неизменной.

Вариант 1902 г.:

190 Ії (т. е. вдовы.— Б. К.) слава, її пам'ять
Тайно не пройде;
А тільки її слава,
Ії пам'ять пройшла
Між морями, між землями,
195 Між православними християнами.
(Сласт., 330)

В варианте 1904 г.:

Ні слава, пі пам'ять тайно не пройдуть,
А тільки пройшла та слава, чи пам'ять,
Між царями,
І між князями,
І між православними християнами.

(ИИФЭ, ф. 8-К2, д. 57, л. 67)

¹⁹ Это произошло, по-видимому, не случайно. К 1908 г. он смягчил и наказание старшего брата в окончании думы «Побег трех братьев из города Азова, из турецкой неволи» (Подробнее об этом см.: Б. П. Кирдан. Украинские народные думы (XV — начало XVII в.), стр. 174, 178—179).

²⁰ См. об этом: Б. П. Кирдан. Украинский народный эпос, стр. 203—204.

²¹ См. Жит., 188; Кулиш, I, 23—24; «Киевская старина», 1884, янв., стр. 33 и др.

К 1908 г. Кравченко незначительно изменил последнюю редакцию и дополнил ее пятью стихами:

Ой то тільки бідної вдови
А прийшла то слава, її пам'ять,
Міждо царями,
Міждо князями,
Міждо православними християнами.
Ой то її слава! —
Ой сотвори то господи, їй вічну пам'ять,
А всім слухающим головам,
Пошли їм, боже,
На многая літа!

(Колесса, 282)

Однако последние пять стихов—лишь разновидность формул окончания дум²². Обе концовки соединяют в одну и другие кобзари²³, но в данной думе это сделал только Кравченко.

Неустойчивость формулы окончания у Кравченко тем более

²² Ср. в думе «Плач невольников», записанной от Кравченко:

Даруй, боже, милости вашій,
І всім мостям нашим запорозьким
І всім слухающим головам,
Пошли їм, боже,
На многая літа!
На многая літа,
Аж до кінця віка.

(Колесса, 274)

Или в думе «Побег трех братьев из города Азова, из турецкой неволи», записанной от Кравченко в 1908 г.:

Гей, сотвори то йому, господи, вічну пам'ять,
А всім слухающим головам
На многая літа.

(Колесса, 269)

²³ См., например, такого типа сочетание двух формул окончания в думе «Самійло Кішка», записанной П. Лукашевичем:

Слава не умре, не поляже:
Буде слава славна —
Помеж козаками,
Помеж друзими,
Помеж рицарями,
Помеж добрими молодцями.
Утверди, боже: люду царського,
Народу християнського,
Воїська запорозького, донського,
З сією черн'ю Дніпровою,
Низовою:
На многія літа,
До конця віка.

(Лукаш., 27)

любопытна, что у некоторых кобзарей «слава» повторяется почти дословно даже в разных думах²⁴.

Анализ трех записей думы «Бедная вдова и три сына» от Кравченко позволяет сделать вывод, что кобзарь не запоминал полного текста думы и не пытался воспроизвести его дословно. Наоборот, он сознательно варьировал думу²⁵. Даже значительно расширяя ту или иную часть повествования (как, например, финал в 1908 г.), кобзарь пользуется уже готовыми стихами, которые приобрели в думах вид устоявшихся формул. Это — своеобразный строительный материал, «готовые частички», с помощью которых кобзарь воссоздает думу во время ее исполнения. Совершенно новых строк ни в одном из вариантов думы «Бедная вдова и три сына», записанных от Кравченко, не встретилось.

Изменения в изображении отдельных эпизодов и в характеристиках образов определялись мировоззрением и художественными вкусами кобзаря, а также требованиями аудитории.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Груш.— Українські народні думи. Тексти і вступ Катерини Грушевської. Державне видавництво України, т. I корпусу [Харків], 1927; т. II, Київ, 1931.

Жит.— Мысли о народных малорусских думах П. Житецкого. Киев, 1893.

Зап. Ю.-З. отд.— «Записки Юго-Западного отдела императорского Русского географического общества. Т. I за 1873 год. Киев, 1874; т. II за 1874 год. Киев, 1875.

ИИФЭ — Отдел рукописей Института искусствоведения, фольклора и этнографии им. М. Ф. Рильского АИ УССР.

²⁴ См., например, у кобзаря О. Вересая в думе «Буря на Черном море»:

Да услиши, господи, у прозъбах, у молитвах
Люду царському,
Народу християнському
І усім головам слухащим
На многая літа
До конця віка!

(Зап. Ю.-З., отд., I, Матер., 5—6).

и у него же в думе «Побег трех братьев из города Азова, из турецкой неволи»:

Услиши, господи, в прозъбах, у молитвах
Люду царському,
Народу християнському
І усім головам слухащим
На многі літа.
До конця віка.

(Там же, 11).

Аналогично О. Вересай кончал думы «Проводы казака» («Отчим») и «Федор безродный, бездольный» (там же, 16, 21).

²⁵ Следует отметить, что примерно также Кравченко видоизменил историческую думу «Побег трех братьев из города Азова, из турецкой неволи».

- Колесса — Ф. М. Колесса. Мелодії українських народних дум. Київ, 1969
- Кулиш — Записки о Южной Руси. Издал П. Кулиш. СПб., т. I. 1856; т. II—1857.
- Лукаш.— Малороссийские и червонорусские народные думы и песни. СПб., 1836.
- Март.— Українські записи Порфирия Мартиновича. Київ, 1906.
- Метл.— Народные южнорусские песни. Изд. А. Метлинского. Киев, 1854.
- Сласт.— А. Г. Сластион. Кобзарь Михайло Кравченко и его думы. «Киевская старина», т. LXXVII, 1902, май.
- Спер.— Южнорусская песня и современные ее носители (по поводу бандуриста Т. М. Пархоменка). Материал собрал М. Сперанский. Киев, 1904.
- Чуб., V — Труды этнографическо-статистической экспедиции в западнорусский край, снаряженной императорским Русским географическим обществом. Юго-западный отдел. Материалы и исследования, собранные д. чл. П. П. Чубинским, т. V. СПб., 1874.

ТРАДИЦИОННЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ СТИЛЯ В ЭПИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Н. В. КИДАЙШ-ПОКРОВСКАЯ, А. С. МИРБАДАЛЕВА

Создание эпического произведения и исполнение его (воссоздание текста) всегда происходит в русле существующей художественной традиции. Об этом свидетельствует не только устойчивость идеально-эстетической системы жанра, характеристики образов, но и воспроизводимость значительной части стилистических средств эпоса в их конкретном текстовом выражении. Так, помимо «общих мест» — *loci communes*, применяемых сказителями при описании определенных действий (богатырская скачка, седлание коня, бой богатыря и т. д.), в эпических текстах содержится множество устойчивых образных выражений.

Такие стабильные стилистические элементы весьма характерны и для эпоса тюркоязычных народов. Сходные или совпадающие в своей основе образные выражения присущи широкому кругу народных поэм, зачастую между собой совершенно не связанных, неодинаковых в жанровом отношении. При этом их звучание и смысловые оттенки варьируются в зависимости от эпического контекста.

Рассмотрим это малоизученное явление на примере двух народных произведений — туркменской романической поэмы «Хурлуга и Хемра» и узбекской героико-романической поэмы «Рустамхан»¹.

¹ Напомним, что туркменский язык относится к огузской, а узбекский — к карлукской группам тюркских языков, и развитие их проходило в тесном единстве и взаимодействии. Как отмечают исследователи, это прослеживается в поэтическом языке устных и письменных памятников, созданных на территории Хорезма, Хивы, Мавераннахра еще в XIV—XV вв. Исследователи неоднократно отмечали в языке указанных памятников стойкое единство карлукско-уйгуро-огузских признаков, которые в более поздний период, включив и кыпчакские элементы, определили структуру староузбекского языка (см., например: А. М. Щербак. Огуз-наме. Мухабат-наме. Памятники древнеуйгурской и староузбекской письменности. М., 1959, стр. 103). В основе туркменского языка лежат диалекты огузских племен; вместе с тем он впитал в себя элементы языка хорезмийцев, кыпчакских языков. В XV—XVII вв. на старотуркменский литературный и отчасти разговорный язык оказал заметное влияние староузбекский литературный язык.

Первая берется в записи от Назара-бахши², вторая — в записи от Фазыла Юлдаш-оглы³.

Стиль рассматриваемых народных поэм, их повествование в целом характеризуются сочетанием двух поэтических традиций, одна из которых восходит к древнему героическому эпосу, другая — к более поздней книжной средневековой поэзии народов Ближнего и Среднего Востока. В поэмах преобладает романтика приключений, которая в туркменском памятнике раскрывается в сказочно-фантастическом плане, а в узбекском — сочетается с геройкой. Наряду с этим поэмы богаты лирическими элементами.

Внутреннее состояние героев чаще всего передается традиционными образными выражениями устойчивого вида. Они не связаны с определенным сюжетом или действием, но всегда передают различные оттенки человеческих чувств и эмоций. Подобные формулы широко встречаются не только в туркменском и узбекском эпосе, но и в эпических и литературных памятниках большинства народов Ближнего и Среднего Востока. К их числу принадлежат, в частности, образные выражения, передающие горестные чувства, душевные муки эпических персонажей. Таково иносказание «гореть в огне», которым обычно передаются страдания, душевые переживания⁴. Характерно, что даже в пределах одного эпического текста оно может иметь разные смысловые оттенки и нести различную поэтическую функцию в зависимости от ситуации.⁵

В туркменском тексте иносказание «гореть в огне» (вариант: «вкладывать огонь в душу», «сжигать в огне душу») чаще всего служит самостоятельной метафорой. В поэтических отрывках, где повествуется о прощании отца с сыном, о расставании герояни с любимым, иносказание неизменно употребляется в значении: огорчать, причинять душевые муки.

Сен-де отлар салма жана —
И ты не вкладывай огонь в душу (ХХ, 42).
Жана отлар салар сеп —⁵
Ты вкладываешь огонь в душу (ХХ, 107).

² «Хурлукга и Хемра». Рукописный фонд Ин-та языка и литературы АН Туркменской ССР, инв. № 574. Записал А. А. Каррыев в Ташаузской обл. Туркменской ССР в 1939 г. (далее: ХХ, цифра же указывает порядковый номер цитируемого отрывка).

³ «Рустамхан». Рукописный фонд Ин-та языка и литературы им. А.С. Пушкина АН Узбекской ССР, инв. № 112. Записал Х. Т. Зарифов в пос. Булунгур Самаркандской обл. Узбекской ССР в 1937 г. (далее: Р, цифра указывает номер цитируемого отрывка).

⁴ А. А. Потебня, отмечая сходный поэтический образ в славянской народной поэзии, объяснял его психологически: «Частные проявления жизни: голод, жажда, желание, любовь, печаль, радость, гнев представлялись народу и изображались в языке огнем». При этом он подчеркивал, что «как в языке, так и в народной поэзии, понятия желания, любви, печали сродны между собой, потому что выражаются в одних и тех же образах внутреннего и внешнего огня» (А. А. Потебня. О некоторых символах в славянской народной поэзии. Харьков. 1860, стр. 8, 12).

⁵ Ср. «көйүп турган отні салдың менің ічімгә» — «ты впустила в мое сердце горящий огонь» (С. Е. Малов. Уйгурский язык. Хамийское наречие.

Вместе с тем метафора может употребляться и для передачи крайнего отчаяния, глубокой скорби. Так, узнав о гибели любимого брата, сестра оплакивает его:

Хасретиңден хасса жан, ода якар мен —
Скорбя по тебе, я сжигаю в огне больную душу
(ХХ, 132).⁶

Порою традиционная метафора расширяется. Ее выразительность усиливает дополнительный метафорический образ: сердце (душу) сжигает огонь разлуки. Например, герой, разыскивая возлюбленную, говорит о своей тоске такими словами:

Хиҗр одуга туташын, көер болды йүрегим —
Горя в огне разлуки, готово сгореть мое сердце (ХХ, 54).

Богатырь, брошенный в колодец злыми братьями, мучается от сознания, что никогда не увидит отца и мать:

Хиҗр одуга янды оглуң дилеги —
В огне разлуки сгорело сердце сына (ХХ, 124).

Сестра, долго не получая вести о младшем брате, горестно восклицает:

Хиҗр одуна мен өзүм отга якар мен —
В огне разлуки я сама себя сжигаю (ХХ, 132).

В узбекском тексте встречаются случаи, когда аналогичное иносказание играет роль постоянного сравнения, в котором существительное ўт («огонь») со сравнительным суффиксом -дай употребляется с глаголами туташмоқ, куймоқ («гореть»).

В частности, такое иносказание передает физические и нравственные страдания героини, которая жалуется, что от истязаний и пыток по пути к виселице, словно сгорает в огне:

Бунда келдим ўтдай ёча —
Я пришла сюда, горя, как в огне (Р, 58).

Аналогично передана душевная мука прислужницы, узнавшей, что царице грозит казнь:

Сўзингни эшитиб ўтдай куяман —
Услыхав твои слова, я горю как в огне (Р, 29).

Тексты, переводы и словарь. Старинные любимые песни хамийцев. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1954, стр. 15—16).

⁶ Ср. «отні яксын үаніға» — «да зажжет она в своей душе огонь» (С. Е. Малов. Уйгурский язык, стр. 43).

Порою контекст таков, что иносказание становится многозначным — например, в героическом эпизоде, повествующем о богатыре Рустаме, который скачет на выручку матери, приговоренной к казни:

Ениб ўтдай туташиб —
Он горит, как в огне (Р, 45).

В данном случае иносказание передает и возбуждение героя перед битвой с палачами, и его тревогу за мать, и страдание из-за мук матери.

Данное иносказание и в узбекском тексте может служить метафорой, которая в свою очередь дополняется сравнением. Об этом свидетельствует такая устойчивая формула, употребленная в разных местах повествования:

Ўт туташибди гулдай танам —
Огонь сжег мое тело, подобное цветку (Р, 138).
Ўт туташибди гулдай танам —
Огонь сжег мое тело, подобное цветку (Р, 39).

В первом случае речь идет о физических муках ослепшего богатыря, во втором — о страданиях героини в ожидании казни.

Иносказание «гореть в огне» служит также средством выражения любовной страсти. Символ: любовь — горение обычно образует метафору, которая наиболее часто встречается в туркменской поэме. И это не случайно, так как произведение носит ярко выраженный романический характер. В страстных излияниях героя и его возлюбленной неизменно присутствует традиционная символика, но при этом текст не имеет устойчивого вида.

Например:

Ашык болсаң янын отер сен —
Если ты влюблен, сгоришь (ХХ, 48).
Кейүн ашыклыкда —
Сгорел я в любви (ХХ, 39).
Янын эдә болдум ярың дердине —
Сгорев, я истлела в муках из-за любимого (ХХ, 146).
Ширин жәнамын ышк ёлунда күл болуп —
Моя сладостная душа из-за любви стала пеплом
(ХХ, 109).

Иногда в той же традиционной форме выражается готовность героини пожертвовать собой ради спасения своего возлюбленного:

Көөр болдум яр дердиңден —
Готова сгореть в муках из-за любимого (ХХ, 70).

Традиционные иносказания с той же образностью присущи героическому эпосу туркмен и узбеков. Ими также выражаются различные оттенки горестных чувств⁷.

Часто встречается в эпосе и другой общетюркский метафорический образ: «герой, героиня (или их лицо) увядает, желтеет». Он широко используется в эпическом тексте в разных ситуациях, но ограничен в своем смысловом значении — подчеркивает только печаль:

Слова матери, лишившейся сына:

Галдым гамында саргарыны —
Я в горе из-за тебя пожелтела
(ХХ, 97).

Обращение к герою:

Гам билен сарапт йузунни —
В печали пусть желтеет твое
лицо (ХХ, 58).

Жалоба героини на свою судьбу изгнанницы:

Оҳ тортганды менинг сүлган
тарзим бор —
Когда я вздыхаю, увядает
мое лицо (Р, 14).

Ослепший герой оплакивает свою участь:

Кизил юзим ғарифликда
саргайиб —
В одиночестве пожелтело мое
красное лицо (Р, 129)⁸.

Метафоричность рассматриваемого образного выражения может получать развитие — в формулу вводится сравнение: герой или его лицо уподобляются цветку (розе), которые увядают, желтеют. В свою очередь и цветок (роза) может иметь постоянный эпитет — «красный» (гызыл // қизил) или «свежий» (тәзес // тоза):

⁷ См., например, в туркменском эпосе «Гор-оглы»: «хин ким билмез сынам-дакы одумы» — «никто не знает об огне, что в моей груди»; «ширииң жаным ышк одуна якыпдыры» — «она сожгла мою сладостную душу в огне любви»; «ышк одуна менин хайран эйледи» — «она вовлекла меня в огонь любви»; «хайралықдан кейди жаным» — «от разлуки сгорело мое сердце»; «от салма ширииң жапыма» — «не вкладывай огонь в мою сладостную душу»; «йүрөгүмүн хижр одуна даглама» — «не рань мое сердце в огне разлуки»; (Героглы. Ашгабад, 1958, стр. 88, 104, 105, 126, 136, 485); в узбекском эпосе «Алпамын»: «суюгимни ёнган ўтга соласан» — «кости мои ты повергла в горящий огонь»; «айрилиқ ўтида бағри пораман» — «сердце мое истерзано огнем разлуки»; «ичим қуйиб юрак бағрим эзилди» — «все нутро мое сгорело, сердце мое скжалось»; «айрилиқ ўтига бағрини дөглаб» — «он изранил свое сердце в огне разлуки» (Алпомиши. Достон. III напри. Тошкент, 1958, стр. 61, 24, 27, 32).

⁸ Ср., например, в древнем огузском эпосе «Деде Коркут»: «из тоски по деве его лицо пожелтело», «лицо его пожелтело» («Книга моего деда Коркута. Огузский героический эпос». Перевод академика В. В. Бартольда. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1962, стр. 77, 85); в узбекском героическом эпосе: «гул тарзим саргайиб сенга қарайман» — «смотрю на тебя, и мое лицо желтеет»; «гам билан саргайиб гулдайин дийдор» — «в горе пожелтело лицо, подобное цветку»; «гам билан саргайган гулдай юзи бор» — «лицо ее, что было подобно розе, от горя пожелтело»; «заяғарондай сўлдирмагин юзимни» — «не заставляй мое лицо желтеть, как шафран» (Алпомиши, стр. 26 и 32, 30, 54, 93).

Гүлгүн меңзим сарала —
Мое лицо-цветок по-
желтело (ХХ, 68).

Тезе гүл дек ачылыбан
солмагыл —
Раскрывшись, как све-
жий цветок, не увядай
(ХХ, 107).

Гул юзим сўлди —
Мое лицо-роза увяло
(Р, 58).
Кизил гулман, мени мунча
сўлдирма —
Я красная роза, не делай так,
чтобы я увял (Р, 48).
Сеничун гулдай сўлган тарзим
бор —
Из-за тебя лицо мое, как
увядший цветок (Р, 26).

Саргайибди гулдай юзинг —
Лицо твое, подобное розе,
пожелтело (Р, 135; сх.: Р, 149).

Нередко подобная метафора в свою очередь, расширяется за счет введения нового, дополнительного устойчивого сравнения: лицо, подобное розе, желтеет, как шафран:

Хасретицден загыран
дек саргарып⁹ —
Из-за печали пожелтел,
как шафран (ХХ, 75).

Гулдай юзим заъфарондай
саргайиб —
Мое лицо, подобное розе,
Пожелтело, как шафран (Р, 34).

Большим разнообразием вариаций отличается традиционное иносказание, в основе которого — постоянный символ: сдавленное или израненное сердце (печень), окровавленная, изрезанная на части печень. Оно выражает мысль о невыносимых муках и широко используется при передаче всевозможных оттенков горестных чувств¹⁰.

В узбекском тексте в самых различных ситуациях употребляются близкие поэтические формулы с одной и той же неизменной метафорой: «бағрим әзилди // юрак әзилди»¹¹. Подобное ино-

⁹ Ср. аналогичную формулу в уйгурских народных песнях: «äprändäk saғ-
рып (саргарып) — «я пожелтел, как желтый цветок (шафран)» (С. Е. М а-
л о в. Уйгурский язык, стр. 33—34).

¹⁰ См., например, формы, встречаемые в героическом эпосе: туркменском — «йүрек-багрым пара-пара этдилер» — «мое сердце и печень разорвали на части»; «багрымың башы ярадыр» — «головка печени изранена» (Гороглы, стр. 377, 419); узбекском — «ичим куйиб юрак-бағрим әзилди» — «все
внуро мое сгорело, сердце мое раздавлено»; «айрилик ханжари бағрин
йиртдими?» — «разорвал ли сердце кинжал разлуки?»; «дийда гирён бўлиб
бағрим әзилди» — «глаза мои плачут, сердце мое раздавлено» (Алпомиши,
стр. 27, 46, 62).

¹¹ В узбекском языке слово бағир означает «печень», перен. грудь, сердце, душа. Слово юрек всегда означает: «сердце», «душа». В туркменском языке бағыр — это «печень» или «грудь», а йүрек — «сердце».

сказание, например, передает:

горе бездетного падишаха:

Пошшо бўлиб менинг бағрим эзилди —
Я падишаҳ, а мое сердце раздавлено (Р, 2);

жалобу горюющей жены падишаха:

Жоним мома, менинг бағрим эзилди —
Дорогая старушка, мое сердце раздавлено (Р, 16);

сочувствие к страданиям героя:

Тарзига қарайман, бағрим эзилди —
Смотрю на его лицо, и сердце мое сжалось (Р, 145);

глубокое волнение отца, вызванное неожиданной встречей с сыном:

Сени кўриб, эзиладн юрагим —
Увидел тебя, и мое сердце сжалось (Р, 147);

В туркменском тексте то же иносказание имеет характер разнообразных, но близких по содержанию метафор. Так, «печень» (багыр) или «сердце» (йүрек) «разрывается на части», «чернеет, превращаясь в уголь», «кровоточит» и т. п. Например:

Йүрек, багрым болек-болек дилине —
Мое сердце и печень разрываются на части (ХХ, 14)

(выражение сильных душевных страданий бездетного падишаха);

Кесин-кесин жигер-багрын дузлази —
Печень режут и посыпают солью (ХХ, 140)

(страдание матери, увидевшей ослепшего сына);

Багры ган болуп —
Печень стала окровавленной (ХХ, 132)

(плач сестры о погибшем брате);

Багрым башы көз-көз болуп гарала —
Головка моей печени почернела, став углем ¹² (ХХ, 68)

(о любовных терзаниях героини).

В туркменской поэме сильные муки также переданы специфическим выражением: «притронулись к жири моего сердца», «ты

¹² Ср. в огузском эпосе «Деде Коркут»: «его не видать, моя печень горит», «что ты сжигаешь мою печень и мое сердце?» («Книга моего деда Коркута», стр. 53, 86).

В уйгурской народной песне: «Шуғуна јарым ўчён ўчүгү бәрүм көйдө» (< көйядо) «из-за этой только моей подруги у меня горят все внутренности» (букв.: «кишки и печень») (С. Е. М а л о в. Уйгурский язык, стр. 40).

растопил жир моего сердца» ¹³. Так, например, передается скорбь бездетного падишаха:

Гахба пелек якдың йүрек ягымы —
Коварное небо, ты растопило жир моего сердца
(ХХ, 7).

В другом случае передано невыносимое горе отца, получившего весть о гибели сына:

Дегилди йүрек ягымы —
Притронулись к жиру моего сердца (ХХ, 81).

К этому же ряду иносказаний можно отнести и другие однотипные по своей образности метафоры: герою наносят рану в сердце, в грудь или в печень, либо пронзают душу. Они передают различные эмоции героев. При этом каждый сказитель по-своемуарьирует и разрабатывает традиционное иносказание, которое даже в пределах одного текста не носит характера устоявшейся формулы:

Гахба пелек салды йүрек даглары — Юрагимман бағрим доғлар —
Коварная судьба на- И сердце мое, и душу ранят
несла сердечную рану (ХХ, 21) (Р, 58)
(восклицание отца, (слова героини, изъязваемой
узнавшего, что его палачами).
детям грозит гибель);

Сениң утиң сыналары даглы мен —
Из-за тебя у меня рана в груди (ХХ, 48) ¹⁴.

(в обращении богатыря, сраженного любовью);

Сынамы сси яра қылма —
Не превращай мою грудь в рану (ХХ, 83)

(в значении: пощади, не убивай — в обращении героя к дэву).

Часто вводится и такой метафорический образ: «острие разлуки» (туркм. айралык, жыда тыги) или «меч страданий», «кинжал разлуки» (узб. айрилиқ ханжари//жафо тифи) пронзают (ранят) печень, душу, грудь. Введение подобных метафор усиливает

¹³ А. Зайончковский, анализируя золотоордынскую версию поэмы «Хисров и Ширин» Кутба (середина XIV в.), останавливает внимание на выражении: «тело заболело; ее жир растопился», которое означает болезненное состояние героини, вызванное сильными переживаниями, любовью, тоской. Исследователь отмечает, что это выражение всесело связано с общетюркской фразеологией и хорошо известно в народном творчестве (А. Зайончковский и др. «Масло очей» — тюркское «көз яшүү». Из истории персидско-турецких литературных взаимоотношений. — В сб. «Ближний и Средний Восток». М., 1962, стр. 60–61).

¹⁴ Ср. в туркменском героическом эпосе: «көп галар сынада дагы» — «много будет ран в твоей груди»; «еди ышлдырын сынам даглы» — «семь лет как изранена моя грудь» (Гороглы, стр. 131, 134, 135).

эмоциональную окрашенность речи героев. В узбекском тексте такие метафоры обрели устойчивое словесное выражение, тяготеющее к постоянной формуле:

Жафо тиги буқун жондан ўтади —
Острие страданий сегодня пронзит душу (Р, 136) ¹⁵.
Жафо тиги бу жонимдан ўтибди,
Айрилик ханжари бағрим йиртибди —
Острие страданий пронзило мою душу,
Кинжал разлуки рассек мою грудь (Р, 71) ¹⁶.

Во втором случае сказитель соединяет две метафоры, разворачивая их в двухстрочное образное иносказание.

В туркменском тексте та же метафора не тяготеет к формуле. Сказитель свободно вводит ее в текст, оттеняя душевное смятение героев. Так, героиня оплакивает возлюбленного, думая, что он мертв:

Айралык тыгындан багрым ярадыр —
Острием разлуки изранена моя печень (грудь)
(ХХ, 89).

В другой ситуации передается горе отца, узнавшего, что сын покидает родительский дом:

Жыда тыгын чекдиң җана —
Острие разлуки ты вонзил в мою душу (ХХ, 42).

И в эпической, и в лирической поэзии тюркских народов издавна существует стереотипный поэтический оборот: герой в горе «льет слезы из глаз» ¹⁷. Он постоянно встречается и в туркменской и в узбекской поэмах как традиционное выражение горя. Дополняясь сравнением или постоянным эпитетом, этот оборот выполняет уже функцию поэтического тропа.

¹⁵ Ср. в узбекском героическом эпосе: «жафо тиги буқун жондан ўтади» — «острие страданий сегодня пронзит душу» (Алпомиш, стр. 25).

¹⁶ Ср. с формой:

Жафо тиги буқун жондан ўтдими,
Айрилик ханжари бағрин йиртдими —
Пронзит ли сегодня душу острие страданий,
Кинжал разлуки рассечет ли грудь?

(Алпомиш, стр. 46).

¹⁷ Отметим, что он прослеживается еще в енисейско-орхонских надписях. Например, в большой надписи на памятнике в честь Кюль-Тегина: «Көздә јаш кәлсәр... јантуру сакынтым» — «В то время, как из глаз моих лились слезы... я снова и снова скорбел» (С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1951; текст — стр. 33; перевод — стр. 43).

Ограничимся наиболее показательными примерами из текста обеих рассматриваемых поэм.

Простой, неразвернутый вариант:

Күзимдан оққан ёш бўлиб —
Из моих глаз лились слезы (Р, 144).
Оҳ урсам тўкилар кўзимнинг ёши —
Когда вздыхаю, льются слезы из глаз (Р, 75)¹⁸

Встречается и расширенная форма: слезы сравниваются то с ливнем (жала), то с горным потоком (сел):

Кўз ёши жаладай кетиб боради —
Слезы полились из глаз, как ливень (Р, 133).
Сел бўлгандай кўзда ёшим тизилди —
Слезы льются из глаз, как горный поток (Р, 39).

Иногда сравнение превращается в отождествление, и тогда оно приближается к метафоре:

Тозиларнинг ёши кўзда сел бўлар —
Слезы в глазах борзых стали горным потоком (Р, 133)¹⁹.

В туркменском тексте слово яш («слезы») часто сопровождается определениями: ганлы («кровавые»), ал («алые») и др., имеющими характер постоянных эпитетов²⁰. Например:

Гөзлеримден ганлы яш докер —
Из глаз моих из-за нее льются кровавые слезы
(ХХ, 18).
Ак сакалын ал яш эден —
Белую бороду омыл алымы слезами (ХХ, 33).

Образуется и двухстрочная стилистическая фигура — своего

¹⁸ Ср. в геронческом эпосе: «оҳ уриб тўкилиб кўзингдан ёшинг» — «когда вздыхаешь, из глаз твоих льются слезы» (Алпомиши, стр. 58).

¹⁹ Ср. «оҳ тортганда кўздан оқар селоб ёш» — «когда вздыхает, из его глаз льются слезы горным потоком»; «бу элда сел бўлди менинг кўз ёшим» — «в этом kraю слезы глаз моих стали горным потоком» (Алпомиши, стр. 24, 60, 69); «еди йылдыр гозум яши сил бодлы» — «семь лет, как слезы глаз моих стали горным потоком» (Гороглы, стр. 130).

²⁰ Очевидно, это связано с древней художественной традицией, так как и в эпосе «Деде Коркут» наблюдается постоянное употребление указанных эпитетов в устойчивых поэтических формулах. Например: «ее глаза, окруженные черной каймой, наполнились кровавыми слезами»; «его темные глаза наполнились кровавыми слезами»; «ее глаза, обведенные черной каймой, наполнились кровавыми слезами» («Книга моего деда Коркута», стр. 44, 54, 101).

Ср. в геронческом эпосе «Гор-оглы»: «ганлы яш акды гозумден» — «из моих глаз полились кровавые слезы»; «гөзлеринден ган-яш докер» — «он проливает из ее глаз кровавые слезы» (Гороглы, стр. 70, 133).

рода антитеза, усиливающая эмоциональность речи:

Гөзлериңден яш орнунда
Гара ган акан —
Из их глаз вместо слез
Потекла черная кровь (ХХ, 136).

Выразительность данной антитезы подчеркивает определение гара («черный»), которое можно считать весьма древним постоянным эпитетом²¹.

Мысль о внезапной беде, о неотвратимом несчастьи в эпосе тюркских народов часто передают иносказания, первоначально связанные с религиозным представлением о «страшном суде» (узб. қиёмат; туркм. кыямат, магшар гүни), о «конце света» (узб. охирзамон, туркм. ахырзаман).

Эти понятия в эпосе в значительной степени утратили первоначальный религиозный смысл и стали употребляться как художественно-обобщенное выражение глубоких человеческих переживаний и душевных потрясений. Случаи такого их опосредствованного употребления налицо в обеих рассматриваемых поэмах.

Например, в туркменском тексте так передается горе отца, оплакивающего гибель сына, без которого он не мыслит жизни:

Маңа болды ахырзаман —
Для меня настал конец света (ХХ, 128).

Аналогичным образом передана жалоба богатыря на свою слепоту в другом эпизоде поэмы:

Башыма гонды кыямат —
Пал на мою голову судный день (ХХ, 142).

В узбекском тексте традиционное выражение о судном дне применяется неоднократно, передавая разные смысловые оттенки:

Үйлаганда элга бўлди қиёмат —
Как подумаю, в стране настал судный день (Р, 26)

(о беспорядках и бедах, постигших страну)²²;

²¹ Характерно, что в огузском эпосе «Деде Коркут» эпитет «черный» присоединен ко многим различным понятиям: черная кровь, печаль, земля, туча, гора, одежда; черное сердце, ущелье, горе, знамя; черный меч, камень, войлок, горе, зловещий сон; черные гуси и т. д. Как отмечает А. И. Конопов, эпитет «черный» в тюркских языках (передающийся словом «кара» и его фонетическими вариантами) помимо цвета еще означает «плохой», «дурной», «мрачный», «несчастный» и т. п. (см. «Книга моего деда Коркута». Примечания, стр. 259).

²² В эпосе «Деде Коркут» слово «кыямат» употребляется при описании бед и потрясений, переживаемых народом. В «Песне о том, как сын Казан-бека Уруз-бек был взят в плен» изображается кровопролитная битва. Об этой битве говорится: «Был день, подобный дню страшного суда» («Книга моего деда Коркута», стр. 52).

А үдаҳо қылмасин сенга, қиёмат —
Пусть дракон не устроит тебе судный день (Р, 104)

(нищие предостерегают своего старосту, что, встретив дракона, он может познать все ужасы и муки).

Слово «қиёмат» в значении «смерть» вошло в народную пословицу, которая использована сказителем как засин к стиху:

Қиёматта бўлар марднинг саваини —
До страшного суда сражаются герои (Р, 90).

В отдельных случаях понятие страшного суда употреблено в прямом значении, и тогда оно утрачивает характер образного иносказания. Такова реплика-предостережение, адресуемая героиней казию — духовному судье, который готов благословить неправедный брак: девушка грозит ему «страшным судом».

Таңла магшар болар, мизан турарлар,
Языкли бенделер ода урарлар,
Шу ётген языклар сенден сорарлар —
Завтра настанет судный день, расставят весы,
Грешные рабы будут брошены в огонь,
О прошлых грехах спросят с тебя (ХХ, 101).

В другом случае герой, предчувствуя смерть, думает о возмездии на том свете:

Энди менга бўлди ваҳми қиёмат —
Теперь страшусь я судного дня (Р, 35).

Особую группу составляют традиционные образные иносказания, сопоставляющие человеческие эмоции с природными явлениями. Постоянная метафора, основанная на образе тумана, служит обычно выражением горя²³. Например, в туркменской романнической поэме падишах, не имеющий наследника, уподобляет себя заблудившемуся путнику, не различающему дороги в тумане:

Безиргемем, серим галды думана —
Я купец, голова моя в тумане (ХХ, 7).

Тот же образ в словах матери, оплакивающей сына:

Даглар ахымдан думандыр —
Горы от моих вздохов в тумане (ХХ, 130).

²³ В фольклоре многих народов туман является символом печали (А. И. отебиня. О некоторых символах в славянской народной поэзии, стр. 26).

В узбекском памятнике та же метафора передает более широкий круг эмоций: горестные чувства, отчаяние, силу гнева:

Тоғ-тоғнинг бошини чолган туман —
Вершины гор окутаны туманом (Р, 8)

(героиня страдает в разлуке);

Тушибди бошима қоронғи туман —
Пал на мою голову темный туман (Р, 40)²⁴

(выражение отчаяния героини);

Бошидан кетгандай қоронғи туман —
С его головы будто спал темный туман (Р, 153)

(герой перестает гневаться)²⁵.

Порою тем же метафорическим образом передается заблуждение героя:

Кўнглингда бор экан қайғули туман —
В твоей душе, оказывается, горестный туман (Р, 96)

(обращение к привратнику, введенному в заблуждение и принявшему богатыря за лазутчика).

И в фольклоре и в классической поэзии народов Ближнего и Среднего Востока радость, счастье издавна олицетворяет образ весенней природы — цветущий сад с соловьями, а образ увядшего опустевшего цветника передает настроение грусти, горе, одиночества.

Однако если в классической поэзии образ весеннего сада, благоухающей розы и поющего соловья связан в основном с раскрытием любовной темы, то в народных эпических поэмах он передает более широкий круг человеческих чувств и эмоций.

Е. Э. Бертельс отметил, что в касыде (насиба) саманидского и газиевидского периодов придворные поэты уделяли большое внимание двум темам — описанию весны, возрождению природы и осени, увяданию природы (описание зимы и лета полностью отсутствовало)²⁶. При этом природа изображалась как сад, искусственно возделанный, с цветами и розами, с поющим соловьем, что отвечало требованиям придворного этикета.

Подобное явление Бертельс объяснял тем, что поэты подносили свои посвящения султану обычно в дни торжественного дарбара

²⁴ В героическом эпосе: «Асқар тоғнинг бошин чалгандир туман» — «вершина горы Асқар покрылась туманом»; «бориб солай унга қоронғи туман» — «пойду устрою ему темный туман» (Алпомиш, стр. 27, 58).

²⁵ Ср. в эпосе «Деде Коркут»: «ярь Шюкли сильно разгневался, от его гнева пал туман на черные горы» («Книга моего деда Коркута», стр. 86).

²⁶ См. Е. Бертельс. Персидская поэзия в Бухаре. X век.— «Тр. Ин-та востоковедения», X. М.— Л., 1935, стр. 28—30.

(официального приема), который приурочивался к большим праздникам. Первым по значению всегда был навруз — весенний праздник воскресения природы. И естественно, что касыду, подносимую повелителю в день навруза, поэты начинали с описания весны и ликования природы. Касыды осенние были связаны с осенним дарбаром, который происходил в дни михргана — праздника урожая.

Хотя Бертельс и подчеркивал, что в этих образах весенней и осенней природы существенным является «чувственный момент», он не улавливал здесь прямой связи с выражением человеческих настроений. Можно предположить, однако, что первоначально сформировавшись в ранней классической поэзии, эти образы с течением времени получили новое наполнение и постепенно в канонизированной форме стали выражать различные оттенки человеческих чувств и эмоций.

В туркменском и узбекском эпосе довольно часто встречаются иносказания, основанные на образе весны или осени. Они обычно имеют вид постоянных формул²⁷.

Например, в узбекском тексте такова односторочная поэтическая формула:

Очилар баҳорда боғларининг гули —
Распускаются весной цветы садов (Р, 35);

либо более развернутая двухстрочная формула:

Яна баҳор бўлса, очилар гуллар,
Гулни кўрса маст бўй сайрар булбуллар —
Если снова наступит весна, расцветут цветы,
Если розу увидят, запоют, опьяняв, соловьи (Р, 14).

Еще чаще употребляется иносказание, основанное на образе осени. Оно встречается в различном контексте и имеет устойчивый лексический состав, меняются лишь глагольные формы. Например:

Хазон бўлиб боғда гуллар сўлганди —
Наступила осень, в саду увяли цветы (Р, 154)

(в словах геройни, разлученной с любимым);

²⁷ См. формы в героическом эпосе: в узб.— «яна баҳор бўлса очилар гуллар, гулни кўрса маст бўй сайрар булбуллар» — «если снова наступит весна, расцветут цветы, если розу увидят, запоют, опьяняв, соловьи»; «яна баҳор бўлса очилар гуллар» — «если наступает весна, раскрываются розы»; «хазон бўлиб боғда гуллар сўлибди» — «наступила осень, в саду увяли розы»; «хазон бўлмай боғда гуллар сўлмаса» — «не было бы осени, в саду не увядали бы розы»; «хазон бўлса боғда гуллар сўлмасми?» — «если наступает осень, разве не увядают в саду розы?» (Алпомиц, стр. 27, 30 и 54, 55, 45 и 35, 28, 32); в туркм.— «бولدы хазан гелди бизиц чар бага» — «настала осень, пришла она в наш большой сад»; «бахарда ачылар гызыл гуллар, багда сайраяр билбильлер» — «весной раскрываются красные розы, в саду поют соловьи» (Героглы, стр. 68, 116 и 125).

Хазон бўлмай боғда гуллар сўлмаса—
Не было бы осени, в саду не увяли бы цветы (Р, 124)
(в жалобе героини на свои страдания).

В приведенных примерах глаголы бўлмоқ («быть», «становиться») и сўлмоқ («увядать») употребляются в разных формах. В первом случае глагол бўлмоқ имеет форму деепричастия прошедшего времени бўл-иб, а глагол сўлмоқ — форму прошедшего времени: сўл-ган-ди. Во втором глагол бўлмоқ употреблен в виде деепричастия настоящего времени отрицательного залога: бўл-май, а глагол сўлмоқ — в форме прошедшего времени условного наклонения: сўл-ма-са. В каждом отдельном случае это обуславливается рифмой стиха.

Иногда та же формула образует двухстрочную конструкцию:

Хазон бўлмай боғда гуллар сўлмайди,
Сўлган гулга булбул, келиб қўнмайди —
Если не наступит осень, в саду не увянут цветы,
На увядшую розу не опустится соловей (Р, 41)

или:

Хазон бўлиб боғда гуллар сўлганди,
Сўлган гулга булбул келиб қўнганди —
Наступила осень, в саду увяли цветы,
На увядшую розу опустился соловей (Р, 153).

Часто образ увядющей природы ассоциируется со смертью. В этих случаях иносказание встречается в стихе как своеобразный зачин, создающий определенный психологический настрой к восприятию содержания последующих строк. При этом иносказание устойчиво в своем лексическом выражении:

Хазон қилгин тар очилган гулини,
Ўлсин деймиз Хуройим ҳам улини —
Пусть осень погубит свежераспустившиеся цветы,
Просим мы — пусть умрет Хураим и ее сын (Р, 14).

(жены-соперницы просят старуху умертвить царицу вместе с наследником):

Хазон бўлди тар очилган гулим,
Бемаҳал бошима етди ўлим —
Осенние заморозки погубили мои распустившиеся
свежие цветы,
Безвременно настигла меня смерть (Р, 35)
зераоиня оплакивает себя, стоя под виселицей).

Иногда картина осени дополняется новой деталью — на увядший цветник опускаются вороны (в противоположность образу

весеннего цветника с поющими на розах соловьями). Например, див, предчувствя смерть, просит помощи у богатыря:

Хазон бўлса зоғлар кўнар гулшнга,
Сен бормасанг мен ўларман армонда —
Если наступит осень, вороны опускаются на цветник,
Если ты не приедешь, я умру с недостигнутой целью
(Р, 120).

В туркменском тексте выражению горя, печали, тоски тоже способствует образ осени, осеннего сада:

Өтди бахарыц гўли —
Отцвели весенние цветы (ХХ, 83)

(выражение предчувствия смерти);

Билбил идим, хазан урды багымы —
Я был соловьем, осенние заморозки побили мой сад
(ХХ, 7)

(выражение печали бездемного падишаха);

Гирмәциз хазан багымы —
Не входите в мой осенний сад (ХХ, 13)

(т. е. не горюйте вместе со мной).

Встречаются случаи, когда иносказания, противоположные по смыслу — например, образы весны и осени, — объединяются, составляя антитезу, которая оттеняет перемену в настроении героя, смену горя радостью и т. д. Вот как передана радость отца при встрече с детьми, которых он считал погибшими:

Еу гүн розыгәре донди,
Хазан урган ышкы багым,
Гайтадан гўлзара донди —
Мои дни в весну превратились,
Мой любимый сад, побитый осенними заморозками,
Снова стал цветником (ХХ, 37).

Иногда антитеза строится на противопоставлении весны и зимы (а не весны и осени), что еще больше усиливает контраст:

Бахар гүнлериц тыш эден —
Твои весенние дни превратил<сь> в зиму (ХХ, 33)

(выражение горя при расставании с детьми);

Гелди яз, титди гам гышы,
Шу гүн гонды довлет гушы —
Пришла весна, ушла зима-горе,
Сегодня опустилась итица счастья (ХХ, 37)

(слова радости при возвращении детей).

Рассмотренные иносказания, при помощи которых выражаются различные эмоции и чувства героев, принадлежат, как мы отмечали, к устойчивым элементам поэтического языка устной народной и классической литературы Ближнего и Среднего Востока. Они сохраняются в творчестве сказителей до наших дней.

Нетрудно убедиться, что в разных поэмах, в различных ситуациях эти образные средства чаще всего приобретают специфические смысловые оттенки и всегда органически увязаны с эпическим контекстом. Иными словами, применение их — акт творческий, а не механический.

Известно, что эпические сказания тюркских народов сочетают в себе стихи и прозу. Разбираемые традиционные стилистические элементы присущи в основном стихотворным (точнее — песенным) партиям. В известной мере это объясняется тем, что эпический стих является более устойчивым, чем проза.

Сказители тюркского эпоса тщательно придерживаются эпического стиха, его традиционной образности, размера, рифм. Используя по мере раскрытия сюжета традиционные элементы стиля, сказители свободно вводят их в текст, увязывая с содержанием целых строф, подчиняя общему стихотворному размеру и рифме.

Рассматриваемые эпические памятники, хотя и построены на сочетании прозы и стиха, но вместе с тем значительно отличаются друг от друга содержанием прозаических и стихотворных частей. Если в узбекском стихами передаются и «авторское» повествование и речи героев, то в туркменском в стихах даются только монологи или диалоги героев.

Кроме того, само строение стихов в каждой из разбираемых поэм своеобразно, хотя в обеих сохраняется силлабический стих, присущий тюркоязычной народной поэзии (от пятнадцати- и одиннадцатисложного до короткого восьми- и семисложного).

В узбекской поэме стихотворный текст, как правило, не имеет четкой строфической композиции. Рифма объединяет стихи в тирады разной величины, представляющие собой законченные смысловые отрывки. Туркменский же эпический стих обладает строфическим членением. Он состоит из четверостиший, рифмующихся по принципу: *аааб (абаб), вввб, гггб* и т. д., что соответствует широко распространенным в туркменском фольклоре стихотворным размерам «гошгы».

Иногда встречаются пятистишия — мухаммас, присущие книжной классической поэзии.

Но при всех различиях стиха в обеих поэмах традиционные поэтические формулы всегда тесно увязаны с содержанием поэтического отрывка.

Проследим, например, как включается в текст формула «гореть огнем», которая в ряде случаев служит обобщенным симво-

лом страданий и как бы завершает описание мук героя:

Мен энамдан зулм кўрдим,
Энамнинг жабридаш мен ҳам
Кўр бўлиб мозорда қолдим,
Ўт туташди гулдай танам —

Мать обошлась жестоко со мной,
Из-за жестокости матери моей
Стал слепым, на кладбище остался я,
Сгорело в огне мое тело, подобное цветку (Р, 138).

Иногда данная формула заключена в строку, объясняющую причину горя:

Гидер мен дийип, жана отлар салар сен,
Хала мундан гитсан, хачан гелер сен? —
Сказав: «Я уеду» — огонь в душу вложил.
Если уедешь отсюда, когда ты вернешься? (ХХ, 107).

В других случаях строка с этим традиционным иносказанием связана по смыслу с последующей поясняющей строкой. Именно так в туркменском отрывке в монологе матери раскрывается ее горе, вызванное долгой разлукой с сыном:

Йўрегимде кўпdir одум,
Балам, сенден айрылгали —
Сердце мое огнем охвачено,
Дитя мое, с тех пор, как с тобой разлучилась
(ХХ, 130).

В узбекском тексте аналогично переданы душевые и физические страдания героини перед казнью, причем пояснение приобретает более развернутый вид:

Бунда келдим ўтдай ёна,
Тўлган ўхшайди паймона,
Ширин тандан узилади
Бирга юрган ширин жон-а —
Я пришла сюда, горя, как в огне,
Видно, настал мне срок умереть!
Из сладостного тела отлетает
Сладкая душа, что с ним единой была (Р, 58).

Характерно для обоих памятников и такое явление, когда в одном стихотворном отрывке формула «гореть огнем» дополняется другими традиционными образами, также выражаяющими горестные чувства, душевые и физические муки. Они входят в текст как бы нанизываясь друг на друга, благодаря чему усиливается выразительность, эмоциональность изложения.

Это проявляется достаточно ярко, например, в узбекском тексте в монологе прислужницы, рассказывающей богатырю, что его матери угрожает гибель:

Мансур дорга энангни ҳайдади,
Сени кўриб менинг бағрим әзилди,
Сел бўлгудай кўзда ёшим тизилди,
Қайтай, хафа қилдим сендай қўзимди,
Сени кўриб менинг кўнглим бузилди —

Погнали твою мать к виселице Мансура,
Увидела тебя и сердце мое разрывается,
Слезы льются из глаз моих, словно горный поток.
Что делать? Я огорчила ягненка моего.
Тебя увидела и мое сердце сжалось (Р, 39).

То же наблюдается и в туркменском тексте, в жалобе героя, разлученного с сыном:

Сен гидели галмаз сабры-каарарым,
Башым душмуш гам-гуссага думана,
Сен-сен мениң ғөвни ҳошум, гулгарым,
Сени ғөрсө гамтын ғовнүм гувана.
Каза оқы жана гелип дегипидир,
Бу мәхнәти худай маңа берипидир,
Айрадык хижраны билим әгипидир,
Пыракына яқды мени замана —

Как только ушел ты, выдержку, терпение потерял я,
Горем, печалью охвачен, голова моя словно в тумане,
Ты только ты — цветник мой, моего сердца радость,
Печальное сердце возрадуется, если тебя я увижу.
Стрела смерти вонзилась в сердце мое,
Эти мучения бог мне ниспоспал.
Расставанье, разлука согнула мой стан,
Сожгло меня разлуки (ХХ, 134).

Традиционные образные иносказания, входя в одну тираду или строфи, органически сливаются с окружающим стихом не только по смыслу, но приобретают общий размер и рифму. Мы видим, что в приведенной выше узбекской тираде одиннадцатисложного размера в первом пятистишии рифму в иносказаниях образуют глаголы страдательного залога прошедшего времени единственного числа третьего лица: әзилди, тизилди, бузилди; ониозвучны с конечными словами остальных двух строк.

В туркменском стихе каждое традиционное образное иносказание, входя в четверостишия, участвует в организации рифмовки всей строфы на равных правах с другими строками, которые рифмуются по принципу *абаб, вввв*.

Необходимо отметить, что в каждом национальном тексте помимо общих закономерностей в использовании широко распространенных традиционных образных выражений налицо индивидуальный подход к их применению. Это в значительной степени объясняется своеобразием творческой манеры сказителя.

Например, в туркменском памятнике иносказание, основанное на образе горящего сердца (горящей души), встречается особенно широко во многих стихотворных монологах и может повторяться по нескольку раз внутри одного отрывка. Примечательно, что даже в одном небольшом отрывке оно варьируется, благодаря чему не создается стилистического однообразия. Например:

Бу дерлар никик дерт болды,
Янды йурегим герт болды,
Гөзүм ёлунда дерт болды,
Балам, сенден айрылгали.
Белент дагларым пес болды,
Шу гүн жанымга көз болды,
Гөрер гезүм гормез болды,
Балам, сенден айрылгали.
Мәхрибан дийр, мениң адым,
Аллага етишмез дадым,
Йурегимде көндүр одум,
Балам, сенден айрылгали — .

Эти страдания в какие страдания превратились!
Сердце мое сгорело, в прах превратилось,
Ожидая тебя, во все глаза на дорогу смотрела,
Дитя мое, с тех пор, как с тобой разлучилась.
Высокие горы мои низкими стали,
Сегодня в сердце мое раскаленные угли вложили.
Глаза мои зрячие видеть не стали,
Дитя мое, с тех пор, как с тобой разлучилась.
По имени Мехрибан меня называют,
До аллаха моя жалоба не дойдет.
Сердце мое огнем охвачено,
Дитя мое, с тех пор, как с тобой разлучилась

(ХХ, 130).

Мы видим, что в данном отрывке трижды используется одно и то же иносказание; варьируется лишь его словесное выражение.

В узбекском тексте данное иносказание, как правило, не имеет тенденции к повторяемости в одном отрывке. Как и другие традиционные образы, оно обычно встречается в разных монологах и диалогах героев в виде устойчивой формулы, всегда увязанной

с окружающими строками единой метрикой и рифмой. Например:

Мен энамдан зулм кўрдим.
Энамнинг жабридан мен ҳам
Кўр бўлиб мозорда қолдим.
Ўт туташди гулдай танам,
Хизмат қилди сендаи санам,
Мени кўр қилганди энам —

Мать обошлась жестоко со мной.
Из-за жестокости матери моей
Стал слепым, на кладбище остался я,
Огнем горело мое тело, подобное цветку.
Красавица, ты услугу оказала мне,
А ослепила меня моя мать (Р, 138).

или

Заминда бехабар қолди болам,— деб,
Ноҳак қамчиларни еди танам,— деб,
Ўт туташди менинг гулдай танам,— деб,
Уларда кўрмадим ёлғиз болам,— деб —
Неизвестенным в подземной келье сын мой остал-
ся,— она сказала.
Несправедливо я плети получила,— сказала,
Огнем горело мое тело, цветку подобное — сказала,
Умирая, не увидала свое единственное дитя,—
сказала (Р, 39).

В этих двух разных отрывках одна и та же формула «ўт туташди гулдай танам» — «огнем горело мое тело, подобное цветку» — укладывается то в восьми-, то в одиннадцатисложный стих. В последнем случае она несколько «удлиняется» в соответствии с размером стиха за счет дополнительных слов «менинг» и «деб», которые, однако, не меняют ее смыслового содержания.

Наблюдаются случаи, когда одна и та же традиционная формула, встречающаяся в тирадах, хотя несколько и видоизменяется за счет перестановки слов или изменений одного либо двух слов, но ее рифмующееся слово повсюду остается неизменным и создает каждый раз одну и ту же рифму в разных тирадах:

Тар очилган тоза боғнинг гулисан,
Энаинг ҳам отангнинг жону дилисан;
Тарзинг кўриб мамлакатинг сурайман,
Қай шаҳарда, қайси шоҳнинг улисан? —

Ты — цветок, распустившийся в свежем саду,
Ты — душа и сердце отца и матери своих,
Увидел тебя и спрашиваю о твоей стране,
Из какого города, какого шаха ты сын? (Р, 47).

Очилар баҳорда боғнинг тулисан,
Отанг ҳам энангнинг жону дилисан,
Англамай, бегижон, бунда келарсан,
Албатта, айланма фалокат жойга,
Бунда турсанг армон билан уларсан! —

Ты — цветок, распустившийся весной в саду,
Для отца и матери ты — душа и сердце их.
Дорогой бек, ты сюда пришел, не ведая ни о чем,
В опасном месте ты не кружи.
Если останешься здесь, с недостигнутой целью

умрешь (Р, 84).

В приведенных случаях рифма образуется благодаря аффиксу второго лица единственного числа: -сан. В других же случаях при включении одной и той же формулы в разные тирады ее лексический состав остается устойчивым и меняется лишь грамматическое окончание в рифмующемся слове. Например:

Зулм билан келиб қўлим бойладинг,
Гул баданга аччиқ қамчи тайладинг,
Пойтахтдан мени бойлаб ҳайдадинг —
Жестоко обошлись со мной, руки связали мне,
По телу-розе горьким кнутом стегали,
Связали, из дворца изгнали меня (Р, 35).

Бераҳм жаллодлар қараб турмади,
Сўз сўзласам, сира қулоқ солмади,
Курғур жаллод икки қўлим бойлади,
Гул баданга аччиқ қамчи тайлади —
Не посчитались с этим безжалостные палачи,
Что бы я ни говорила, они совсем не слушали меня,
Кровожадный палач руки мне связал,
По телу-розе горьким кнутом стегал (Р, 28).

Как видим, рифмующийся глагол тайламоқ («стегать») употреблен в зависимости от контекста то в форме прошедшего времени второго лица единственного числа, тайладинг — «ты стегал», то в прошедшем времени третьего лица единственного числа, тайлади — «он стегал».

Наблюдается и такое явление, когда традиционные формулы связаны с окружающим стихом общей рифмой, но по смыслу не согласуются с последующими строками. В таких случаях они служат заслоном к стиху, создающим определенное настроение. Например, в обращении опечаленной жены к уезжающему падишаху:

Тоғ-тоғнинг бошини чалтан туман-а,
Ҳарким йиғлаб турса охир замон-а,
Қўйиб кетгин фарзандингнинг отини,
Бўйимда қолгандир бирор гумона —

Туманом окутаны вершины гор;
Каждый зашлакал бы в судный день.
Своего ребенка именем нареки,
Ведь во чреве моем ребенок твой (Р, 8).

Но иногда зачин совсем не связан с последующими стихами и, по-видимому, лишь способствует организации строк в тираду с новой рифмой. Очевидно, такое использование традиционного зачина облегчает импровизацию и служит сказителю своеобразным «разгоном» при переходе к раскрытию нового смыслового отрывка.

Для иллюстрации этого явления обратимся к примеру узбекского текста:

Очилар баҳорда боғларнинг гули,
Обод бўпти давлатманднинг манзили,
Бир қон тилланғ бизга бўлмас чой пўли.
Ўйнаб-кулиб юрсин Ҳуройим ули —

Распускаются весною в саду цветы,
Благоустроенным стали места богатых людей,
Вашего мешка золота мне не хватит даже на чай,
Пусть резвится, смеется сын Хураим! ²⁸

Помимо традиционных образных выражений, составляющих «психологические клише», важное место в эпическом тексте как героического, так и романического жанра занимают описательные характеристики героев, также основанные на общевосточной эпической символике.

В героико-романическом жанре, к которому принадлежит узбекская поэма «Рустамхан», героической характеристике богатыря (уподобление его льву, тигру, ястребу, соколу) сопутствует лирический план, в особенности в описании его облика. В этом случае изображение богатыря приближается к описанию героя романического эпоса, в частности и туркменской поэмы «Хурлукга и Хемра». При этом в обеих поэмах используются традиционные художественные приемы — эпитеты, сравнения, метафоры, общие и для эпоса и для классической литературы народов Ближнего и Среднего Востока. Так, герой или его лицо уподобляются месяцу, луне, солнцу (по сходству с блеском, чистотой светил), либо розе, цветку, бутону (по принципу свежести, красочности). Символ красоты и стройности девушки — кипарис, а юноши — крепкий чинар или молодой саженец ²⁹. Можно пред-

²⁸ Ср. Р, 47; Р, 84 на стр. 84—85 статьи, где тот же традиционный зачин определяет другую рифму.

²⁹ Например, в эпосе «Деде Коркут» о красавицах говорится: «ростом подобная прекрасно выросшему кипарису»; «чище месяца, светлее солнца»; о герое: «похожий на луну в четырнадцатый день месяца» («Книга моего деда Коркута», стр. 15, 37, 93).

Е. Э. Бертельс фиксирует подобные устойчивые образы и в поэзии Средней Азии X в. (Е. Бертельс. Персидская поэзия в Бухаре.

полагать, что первоначально многие отождествления были связаны с древними представлениями, основанными на жизненных наблюдениях³⁰.

Все эти постоянные отождествления встречаются и в туркменской и в узбекской поэмах, образуя целый ряд тропов и фигур, близких по своему лексическому выражению. Так, в обоих текстах широко используется обобщенный метафорический образ цветка. Мы находим его в обращениях возлюбленных к друг другу, отца к сыну, либо других персонажей к богатырю или к красавице. Например:

Гүлинден гүлзаръ Ѹдан айрыл-
дыц —

Линшился своего цветка,
цветущего луга (ХХ, 125)
(обращение волшебной птицы
к падишаху, сообщающей о
смерти его сына).

Хафа қинти сендей тоза гулиминн —

Кто обидел чистый цветок,
такой, как ты? (Р⁸³, 83)

(обращение богатыря к связан-

ной девушке — жертве дракона).

Слово гул//гүл («цветок») выступает и в роли постоянного поэтического определения. При этом оно может присоединяться к определяемому существительному по принципу так называемого неграмматического словосложения (например, в узб. гул бадан — «цветок-тело»), либо по принципу грамматического соединения с существительным, получающим суффикс относительного прилагательного -ли. В последнем случае образуется сложное прилагательное: (*туркм.* гул йүзли, *узб.* гул юзли — «розоликий», «имеющий лицо-розу»). Оно служит эпитетом (*туркм.* гул йүзли яр — «розоликая возлюбленная») или же, встречаясь без определенного существительного, метафорой (*узб.* гул юзли, *туркм.* гул йүзли — «розоликая», всегда в значении «красавица»).

Х в ск, стр. 51). Аналогичная образность постоянно встречается при воспевании красавиц в «Мухаббат-намэ», например: «что за месяц лицо твое, о горделивый кипарис!», «лицо твое — луна» (А. М. Щербак. Огуз-наме. Мұхаббат-наме, стр. 151, 155, 154, 164). Относя стиль уйгурского списка поэмы «Мухаббат-намэ» Хорезми к общей книжно-языковой (поэтической) традиции, существовавшей в Мавераннахре и Хорезме в конце XIV — начале XV в., исследователь в числе других элементов выделяет метафоры: ай («луноподобная»), гул («роза») применительно к возлюбленной и считает это влиянием персидской литературной традиции (там же, стр. 127).

³⁰ А. А. Потебня указывал, что в русских былинах солнце и месяц — символ и для мужчин и для женщины и что вообще за светилами сохранилось значение символа красоты (красота, любовь, веселье, как вообще свет, тождественны); лицо человека представляется светлым, т. е. прекрасным, как солнце. В славянской народной поэзии символ молодца-сокола основан на сближении: герой ловок и быстр, как ловчая птица; ветка, стебель, дерево служат символами девушки — имеется в виду их тонкость и гибкость; девушки уподобляются розе (см. А. Потебня. О некоторых символах в славянской народной поэзии, стр. 36, 37, 39, 65, 66, 115).

П р и м е р ы с по с т о я н н ы м
э п и т е т о м:

Хемра исләр ене гүл ўзли ярын —

Хемра вновь желает розоликую
возлюбленную (ХХ, 50).

О, гүл ўзли, казым —

О, мой розоликий казий
(ХХ, 96).

П р и м е р ы м е т а ф о р ы:

Гапирма, гүл юзли, пушаймон
қилиб —

Не говори, розоликая, я раскаялся
(Р, 24).

Кетабер, гулюзлим —

Уходи, моя розоликая
(Р, 136).

Характерно при этом, что цветку уподобляется не только героиня, но и герой, причем независимо от того, является ли он богатырем, готовящимся совершить героический подвиг (как в «Рустамхане»), или предстает в облике юного красавца-царевича (как в «Хурлукге и Хемре»). Образ цветка встречается постоянно при характеристике богатыря, часто не соответствуя содержанию героического эпизода; это объясняется силой традиции.

В узбекском тексте метафорическое уподобление героя раскрывшемуся цветку (розе) встречается и в героических и в лирических ситуациях. Например:

в обращении отца к Рустаму перед битвой богатыря с чудовищем:

Баҳорда очилган боғнинг гулисан —

Ты — цветок, раскрывшийся весной в саду (Р, 84);

в обращении отца к богатырю, который скачет на битву с палачами:

Тар очилган тоза боғнинг гулисан —

Ты — цветок, раскрывшийся в свежем саду (Р, 47).

Аналогично обращение старика-привратника к Рустаму после его победы над драконом:

Тарзингга қарайман очилган гулдир —

Смотрю на твое лицо — раскрывшийся цветок
(Р, 94).

По существу такой же метафорический образ применяется в одном из лирических отрывков при описании облика юной красавицы — прислужницы царевны:

Икки юзи очилган гулча —

Обе ее щеки — раскрывшиеся розы (Р, 11).

В пределах одного памятника метафора иногда входит в устойчивые поэтические строки ³¹:

³¹ Буквальное совпадение поэтической формулы (ее лексического состава и грамматического построения) одновременно в двух поэмах наблюдается весьма редко. Ср. уподобление стройного стана красавицы арабской букве «алиф» — тонкой вертикальной черточке:

Элип дек камматым, инче билим — Алифдай қоматинг, хипча

белингдан —

Стан, как алиф, тонкая талия
у меня (ХХ, 78).

Стан, как алиф, тонкая
талия у тебя (Р, 83).

Гул баданга аччиқ қамчи тайлади —
По телу-розе стегали горьким кнутом (Р, 28).
Гул баданга аччиқ қамчи тайладинг —
По телу-розе ты стегал горьким кнутом (Р, 35).

Такая повторяемость вызвана повторяемостью самой ситуации: вначале геройня рассказывает о том, что ей приснилось, будто ее истязали палачи, затем — говорит о пытках, которым ее подвергали палачи уже наяву.

Прослеживается интересная закономерность — постоянная поэтическая формула употребляется в словах одного и того же героя. Так, в разных ситуациях Рустам обращается к своей возлюбленной (вначале до боя с драконом, потом после своей победы), где неизменно повторяются строки, основанные на традиционных в восточной поэзии образах луны, месяца (ой) и солнца (кун):

Ою-кундан зиёд сенинг ҳуснинг бор — .
Твой лик более прекрасен, чем луна и солнце (Р, 83).
Ою-кундан сулув сенинг тарзинг бор —
Твой лик прекрасней луны и солнца (Р, 87).

Вместе с тем иносказание с той же образностью, употребленное в устах других персонажей, не представляет собой устойчивой формулы и свободно варьируется:

обращение отца к неизвестному сыну:

Жамолинг менгзатдим осмонда ойга —
Красоту твою я уподобил месяцу в небесах (Р, 47);

описание сказителем красоты возлюбленной богатыря:

Ойдан ғолибдир жамоли,
Ҳусни тўлган ойдай бўлиб —
Красота ее затмевает луну,
Красота ее стала подобна полной луне (Р, 116).

В лирической характеристике героя часто выступает образ соловья, поющего в цветнике. Особенно широко применяется он в узбекском памятнике, обычно в словах отца, горюющего в разлуке с сыном.

Так, отец разлученный с сыном, говорит о нем:

Чаманда сайраган у булбулим —
То — мой соловей, поющий в цветнике (Р, 147).

В другом отрывке, объясняя, что сын надолго уехал, отец говорит:

Бир чамандан парвоз қилган булбулдир —
Соловей выпорхнул из цветника (Р, 94).

В одном из эпизодов отец расспрашивает у встречных, не знает ли кто-нибудь, куда уехал его сын:

Қайси бир гулшанга кетди булбулим —
К какому из цветников полетел мой соловей? (Р, 150).

К числу традиционных метафор тюркского эпоса, служащих для характеристики героя, относятся метафоры, сопоставляющие богатыря с животными и птицами. Е. Э. Бертельс прослеживает эту древнюю традицию еще в поэзии XI в. и обращает внимание на то, что она сохраняется в фольклоре и литературе многих тюркских народов и до наших дней³².

В туркменской и узбекской поэмах при характеристике богатыря также постоянно употребляются метафоры этого типа. Богатырь нередко уподобляется соколу, кречету (шункар // шунқор); ловчей птице, цепко хватающей добычу (алгыр гуш // олғир қүш); ягненку, ставшему сильным, как баран-вожак (гузы-гочкар // құзи-құчкор). В узбекском тексте при этом используются словасинонимы: для сокола — шунқор // лочин; для ягненка — құзи // ғұччоқ. Эти своеобразные метафоры, характеризующие богатыря, не только говорят о его силе, ловкости, но и передают ласковое отношение к герою, любование единственным сыном³³.

Такие традиционные метафоры придают не столько лирическую, сколько героическую окраску образу и восходят, как это мы отметили выше, к древнему героико-эпическому стилю.

Данное явление наиболее характерно для узбекского памятника, принадлежащего к героико-романическому жанру, но и в туркменской романической поэме этот ряд метафор способствует воспроизведению облика героя в двух ракурсах — лирическом и героическом.

³² Е. Э. Б е р т е л ь с. К вопросу о традиции в героическом эпосе тюркских народов.— «Советское востоковедение», т. IV. М.-Л., Изд-во АН СССР, 1947, стр. 75.

Ф. И. Буслаев рассматривал отождествления человека с птицей и зверем в русской и украинской народной поэзии не только как поэтическое украшение, но и как отражение остатков верования в превращение людей в животных (Ф. Б у с л а е в. Исторические очерки русской народной словесности и искусства, т. I. СПб., 1861, стр. 215). А. Н. Веселовский видел в таких отождествлениях отражение древних верований, когда считалось, что предки человека произошли от зверей и птиц, от деревьев и растений (А. Н. В е с е л о в с к и й. Историческая поэтика. Л., 1940, стр. 130).

³³ См., например, в узбекском тексте в речи матери богатыря:

Бугун сафар қилас Оқтош ғұччоғи —
Сегодня ягненок Акташа отправляется в путь (Р, 43);
Үларда күрмадим Рустам құзимди —
Своего ягненка Рустама перед смертью не увидала (Р, 281);
Рустам, құзим, бұтам, келгин қошымга —
Рустам, ягненок, верблюжонок, подойди ко мне (Р, 68);
Қайтай, хафа қылдым сендей құзимди —
Что делать — я огорчила ягненка моего (Р, 39).

И в туркменском и в узбекском текстах в сходных ситуациях (например, при описании горя отца в разлуке с сыном) выступают близкие, но текстуально не тождественные поэтические сравнения: сын, покинувший родительский дом, уподобляется улетевшей ловчей птице (обычно соколу), которую разыскивает отец.

Алғыр гүшүц шүнқарың-
дан айрылдың—

Ловчей птицы, сокола ты
лишился (ХХ, 125).

Құлымдан учирдим олғир
қүшимни—

Ловчую птицу я упустил из своих
рук (Р, 150).

Ҳавога давр олиб бўз қарчиғайим,
Шу гулшанаңа қўндими деб сўрайин—
Кружась, взмыл в воздух серый
сокол мой,
Спрошу-ка, не опустился ли он на
этот цветник (Р, 150).

Интересно отметить, что в последнем примере из узбекской поэмы произошло смешение героических и лирических образов. Здесь на цветник опускается не соловей (традиционный образ лирической поэзии народов Ближнего и Среднего Востока), а сокол (уподобление соколу характерно для героического эпоса) ³⁴.

С древней эпической традицией связаны и другие образные средства, заключающие в себе своеобразную оценку героя. Единственный сын, каким обычно является богатырь, уподобляется крепкому дереву либо молодому саженцу ³⁵:

Чинарыңдан айрылдың—

Ты лишился своего чинара (ХХ, 125).

Нахал экин, мырадыма етмедин,

Сынам ачып, саясында ятмадым—

Носадив саженец, я не достиг своего желания,

Не лежал в его тени с обнаженной грудью (ХХ, 21).

³⁴ Е. Э. Бертельс. К вопросу о традиции в героическом эпосе тюркских народов. — «Советское востоковедение», т. IV, стр. 76.

Такое уподобление встречается, например, в древнем огузском эпосе «Деде-Коркут» применительно к единственному сыну, наследнику. Например, дед Коркут, желая долголетия сыну Бекиля, восклицает: «твое тенистое крепкое дерево да не будет срублено!» («Книга моего деда Коркута», стр. 89). Возможно, что в этом уподоблении отразилось и нашло художественное переосмысление древнее представление, связанное с культом животных и растений. Отсюда могло возникнуть и само содержание образа: сын уподобляется дереву, т. е. самому жизненно необходимому, бесценному. Вместе с тем дерево могло символизировать стройность, статность человека, что подтверждает и традиционное в восточной поэзии и в эпосе сравнение красавицы с кипарисом. Ср.:

Перизадым, серви каддым—
Моя пери с кипарисовым
станиом (ХХ, 48).

Излаб келди сарвиизинг—
Разыскал тебя — стройный
кипарис (Р, 135).

Последнее двусторочное иносказание выражает горе отца, узñaющего, что сын должен умереть.

Нередко герой (или героиня) называется душой и сердцем, либо душой и телом отца и матери. Такие метафоры обычны для восточной поэзии и эпоса. Туркменский и узбекский сказители в равной мере прибегают к ним.

В узбекском тексте метафоры могут входить в устойчивую повторяющуюся формулу:

Энангман-отангнинг жону-дилисан —
Ты — душа и сердце своих матери и отца (Р, 47);
Отангман энангнинг жону-дилисан —
Ты душа и сердце своих отца и матери (Р, 84).

В туркменском тексте не наблюдается повторяющихся формул с той же метафорой. Типичны такие вариации:

Жан билен жанапың гелди —
Душа твоей души пришла (ХХ, 35).
(хана оповещают о приходе сына);
Гүлжемиле ширин жаным —
Гульджамиля, моя сладкая душа (ХХ, 152)
(герой обращается к любимой сестре).

Другие традиционные метафоры, близкие по своей символике, уподобляют дорогочего человека или единственного ребенка зенице ока, свету очей³⁶. Так, например, в туркменском тексте героиня восклицает, обращаясь к своему любимому:

Гәзүмий, рөвшени, депәмий тәҗди —
Свет очей моих, венец моей головы (ХХ, 75)

В узбекском тексте сам герой говорит о себе:

Энамман отамнинг кўрар кўзинмай —
Я — зеница ока³⁷ отца и матери моих (Р, 88).

В тюркских романических народных поэмах (так же, как и в героических) встречаются общие мотивы и эпизоды с однотипными сюжетными положениями и ситуациями. В рассматриваемых па-

³⁶ Метафора «свет очей» встречается и в эпосе «Деде Коркут»: «сын, свет моих очей»; «брать, свет моих темных очей» («Книга моего деда Коркута», стр. 48, 56).

³⁷ А. Зайончковский отмечает, что выражение «зеница ока» (буке, видящий глаз) в тюркских языках (в народной поэзии, в частности) означает вообще что-то дорогое, приятное (А. Зайончковский. «Масло очей» — тюркское «köz jağı». Из истории персидско-турецких литературных взаимоотношений, стр. 62).

мятниках таковы, например, описания первой встречи возлюбленных, расставания отца с сыном или их встречи после долгой разлуки и др. Каждый сказитель по-своему раскрывает эти общие эпические сюжетные положения в рамках определенной традиции, пользуясь общим фондом традиционного поэтического арсенала. Например, о разлуке отца с сыном повествуется так:

Алла салды айралыгыц дердини,
Гүлустанлы гүлзарыцдан айрылдыц.
Гахба пелек чархын кеже гурандыр...
Иди билгич, сени худай урандыр,
Алгыр гушуц, шуңкарыцдан айрылдыц...
Юрт әеси хүңкарыцдан айрылдыц...
Ики агасы бир гуюда гойдулар,
Даг йыкылды, чынарыцдан айрылдыц...
Адамыц баласы, гузыц көрпеси,
Көрпие гузы, гочгарыцдан айрылдыц —

Страданье разлуки аллах тебе ниспослал,
Цветущий свой луг, свой цветник ты потерял.
Коварный рок колесо вспять повернул...
Теперь знай — бог тебя наказал —
Ловчую птицу, сокола своего ты потерял...
Властелина страны, сокола своего ты потерял...
Два брата в колодец бросили его —
Рухнула гора, свой чинар ты потерял...
Дитя человека, маленького ягненка,
Своего младшего ягненка — тура ты потерял (ХХ, 125).

Здесь нанизыванием традиционных символов, уподобляющих сына цветнику, цветущему лугу, соколу, чинару, ягненку, усиливается эмоциональная передача горя отца, потерявшего самое дорогое в жизни — единственного ребенка.

В узбекском тексте при раскрытии аналогичной ситуации выступает несколько иная традиционная символика: горюющий отец, разыскивая сына в долгих скитаниях, уподобляет его то соколу, взмывшему в воздух, то соловью, потерявшему свой цветник.

Қўлимдан қочирдим олғир қушимни...
Қайси бир гулшанга кетди булбулим?..
Ҳавога давр олиб бўз қарчиғайим,
Шу гулшанга қўйдими деб сўрайин.
Сабил қилиб юрдим ўтиришимни,
Мен топмадим у қочирган қушимни,
Қечакундуз қарчиғайим ахтариб,
Шу ерда бор әмиш, гулшанга қўниб —
Свою цепкую ловчую птицу я упустил...
К какому из цветников полетел мой соловей?
Кружась, взмыл в воздух серый сокол мой,

Спрошу-ка, опустился ли он на этот цветник?
Я ушел, в запустении оставил те места, где жил.
Упущенную птицу я не отыскал,
Моего сокола днем и ночью я искал,
Говорят — в этих краях он опустился на цветник
(Р, 150)

Примеры из узбекского текста иллюстрируют и другое характерное явление — в изображении повторяющихся ситуаций, например первой встречи (отца с сыном, влюбленной с богатырем, героя с другими персонажами), сказитель вводит монологи с одними и теми же постоянными формулами. Так, отец, встретив сына, который родился и вырос за время его долгого отсутствия, обращается к нему с такими словами:

Тар очилган тоза боғнинг гулисан,
Энанг ҳам отангнинг жону дилисан.
Тарзинг кўриб мамлакатинг сўрайман,
Қай шаҳарда қайси шоҳнинг улисан?

Жамолинг менгзатдим осмонда ойга,
Кошингни ўхшатдим эгилган ёйга.
Жасадинг ўхшайди бўз қарчиғайга.
Қарчиғай чангали, кимнинг улисан? —

Ты — цветок, раскрывшийся в свежем саду,
Ты — душа и сердце отца и матери своих,
Увидел тебя, и спрашиваю о твоей стране,
Из какого города, какого шаха ты сын?

Красоту твою уподоблю месяцу в небесах,
Брови твои с изогнутым луком сравни,
Своим станом ты с сизым ястребом схож,
С ястребиными когтями, чей ты сын? (Р, 47).

Так же обращается к богатырю при первой встрече и красавица-царевна в другом эпизоде поэмы:

Очилган баҳорда боғнинг гулисан,
Отанг ҳам энангнинг жону дилисан,
Англамай, бегижон, бунда келарсан,
Албатта айланма фалакат жойга,
Бунда турсанг армон билан ўларсан! —

Ты цветок, раскрывшийся весной в саду,
Ты душа и сердце отца и матери своих,
Дорогой бек, ты сюда пришел, не ведая ни о чем,
В опасном месте ты не кружи —
Если останешься здесь, с недостигнутой целью умрешь

(Р, 84).

В последних двух примерах разные монологи начинаются одним и тем же обращением. Кроме того, в монологах объединяются в единый ряд и другие традиционные формулы. Например, и в следующих монологах старика-привратника или богатыря мы видим повторение таких образных выражений:

Тарзингга қарайман, очилган гулди,
Бир чамандан парвоз қилган булбулди —
Смотрю на твое лицо — раскрывшийся цветок,
<Ты> — соловей, выпорхнувший из цветника (Р, 94);

Алифдай қоматинг, ҳипча беллингдан —
Стан твой — алиф, талия тонкая у тебя (Р, 83);

Малоик суратли гүлюзли дилбар,
Ою кундан зиёд сенинг ҳуснинг бор —
Красавица, с обликом ангела, с лицом как цветок,
Красота твоя затмевает солнце, луну (Р, 83).

Традиционными формулами насыщены диалоги и монологи героев и в туркменском памятнике. Но в отличие от узбекских они в подавляющем большинстве служат не обращением к герою, а описанием его состояния (например, радости при встрече). Этим и объясняется обильное насыщение их постоянными поэтическими общевосточными формулами, выражающими радостные чувства.

Примером может служить построение монолога отца. Свою радость при встрече с сыном, с которым он был в долгой разлуке, отец передает такими словами:

Хазап урган ышкы багым,
Гайтадан ғұлзара донди —
Сад любви моей, осенним ветром побить,
Снова в цветник превратился;

или:

Ачылыңдыр ғул-ғұлала —
Цветы в цветнике распустились;

Гелди яз, гитди гам гышы,
Шу ғүн гонды довлет гүшы —
Настала весна, зима-горе ушли,
Птица счастья сегодня к нам опустилась (ХХ, 37).

Таким образом мы замечаем, что разные сказители по-своему используют общие традиционные поэтические средства не только при характеристике героев, но и при изображении однотипных сюжетных ситуаций.

* * *

Анализ двух эпических памятников, близких по языку и жанру, показывает важную роль художественной традиции при воспроизведении и воссоздании эпического текста. В каждом тексте наличествуют тропы и фигуры, основанные на общей символике. Являясь постоянными элементами стиля, они повторяются на протяжении всего повествования.

Однако сказители, пользуясь общим фондом традиционных изобразительных средств, по-разному варьируют и вводят их в текст; в этом — одно из проявлений своеобразия каждого национального памятника. Мы могли убедиться, что общетюркские образные выражения не являются окаменелыми и застывшими. При изложении разных сюжетов они получают различное смысловое звучание в зависимости от характера действия или же характеристики героя. В одних случаях они отличаются текстуальной повторяемостью, в других — лишь тяготеют к совпадающим формулам как внутри одного памятника, так и в разных произведениях.

Традиционные элементы стиля сохраняются на протяжении многовекового бытования эпоса, о чем свидетельствуют эпические тексты, записанные и в наши дни.

ЕДИНСТВО ЭПИЧЕСКОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ В ШОРСКИХ ГЕРОИЧЕСКИХ ПОЭМАХ

А. И. ЧУДОЯКОВ

Изучение эпического повествования как единого художественного целого с раскрытием его внутренней структуры, композиционных особенностей, взаимодействия и взаимосвязанности его слагаемых дает возможность понять особенности воплощения эстетических идеалов народа в эпических памятниках.

Анализ записей В. В. Радлова (60-е годы XIX в.), Н. П. Дыренковой (20—30-е годы XX в.), а также автора данной статьи позволит рассмотреть некоторые факторы, определяющие единство эпического стиля шорских героических поэм.

І

Начнем с того, что между частями одной и той же поэмы, как правило, нет хронологической согласованности. В особенностях это относится к зачину и главной повествовательной части. Уже в зачине различные эпические формулы предполагают различные «состояния мира». Рисуя в общем мифическое время первотворения, зачин вместе с тем упоминает о скотоводческом хозяйстве, даже о «платящем дань народе». Сама картина начала мира и человеческой жизни включает в виде одновременных «кадров» ряд состояний мира, которые можно себе представить только как последовательные. Например, согласно одной поэтической формуле действие происходит «в то время, когда мешалкой разделялась земля, когда ковшом разделялась вода»; согласно другой — «в то время, когда создавалась, нагромождаясь, земля, когда сливалась пробивающаяся сквозь землю влага; в то время, когда земля разрывалась, вырастали деревья, когда деревья расщеплялись, вырастали листья. Когда на березе-дереве листья выросли, народ жить стал»¹.

Несовместимыми представляются и последующие хронологические приметы: «Когда на тополе-дереве листья вырастали,

¹ «Қалак-па чер пйлүп, қамыс-па суг пйлер шенде»; «чер пйдүшүп, чер сил қабашар шенде, чер чыртыла агаш ёсчатқан шенде, агаш чыртыла пүр ёсчатқан шенде, қазың агашка пүр өзөрде, қалык-чон чадып түштүр» (Н. П. Дыренкова. Шорский фольклор. М.—Л., 1940, стр. 81—83).

Белый скот сотовился... По берегу белого моря, платяший дань народ, словно песок в море, расселился. Обходя подножье белой горы, Словно звезды на небе, Белый скот рассыпался»².

В повествовательной части действия богатырей ни в одной из шорских поэм не протекают в указанное в зacinе время, а относятся к более поздней эпохе. Если говорить современным языком, это эпоха родовых и раннефеодальных социальных отношений народов Алтая и Саянского нагорья.

Хронологические несоответствия между отдельными частями легко продемонстрировать на примере поэм «Кан Кес», «Кан Мерген», «Ай-Толай» и некоторых других.

В поэме «Кан Кес»³, если даже пренебречь всей сказочной фантастикой и элементами мифологии, один и тот же герой действует, на наш взгляд, по меньшей мере в трех различных исторических периодах времени. Один из них — период экзогамии (брачная поездка богатыря к нареченной невесте), другой (может быть, самый древний) — блуждание в краю черных людей и поединок с девой-богатыркой Ку Кыс и третий — наиболее поздний — борьба против уплаты дани.

Как известно, брачная поездка к нареченной невесте является одной из древних эпических тем. Женитьба на деве-богатырке, возможно, еще более архаична, чем женитьба на суженой, ибо здесь брак в собственном смысле слова еще не существует, т. е. нет еще экзогамии. Что касается третьей темы — борьбы против дани, — то не возникает сомнения, что она в эпосе появилась позже других.

То, что мы видим в поэме «Кан Кес», характерно и для поэм «Кан Мерген»⁴ и «Ай-Толай»⁵. Хронологические несоответствия, встречающиеся в этих поэмах, аналогичны тем, которые мы видели в поэме «Кан Кес». В отношении поэмы «Ай-Толай» следует добавить, что в ней борьба против дани выливается в организованную борьбу сорока трех богатырей, которыми руководила сестра Ай-Толая — Пий-Коб, в то время как в других поэмах речь идет о борьбе одного богатыря.

Многотемные поэмы, опубликованные В. В. Радловым⁶. По содержанию они несколько отличаются от упомянутых ранее, но и в них описаны такие действия богатырей, которые мыслимы лишь в различные исторические периоды времени. Так, в поэме

² «Терек агаңقا пүр өзерде, ақ-мал чайала түштүр... Ақ, талайды қаштап келип, талайда кумаң-че албаты чоң чаттыр; ақ тасқылды төстеп келип, тегриде чылтыс-че ақ, мал чайылтыр» (Н. П. Дыренкова. Шорский фольклор, стр. 82—83).

³ Там же, стр. 25—80.

⁴ Там же, стр. 81—155.

⁵ Сб. «Ай-Толай». Новосибирск, 1948, стр. 31—55.

⁶ В. В. Радлов. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в южной Сибири и даунгарской степи, т. I. СПб., 1866.

«Каратты Перген» несколько тем: измена чиновников хана, месть за погибшего богатыря и защита юного богатыря, женитьба и борьба против чудовища пуспас-шулана. Совершенно очевидно, что эти темы восходят к разным историческим эпохам. Аналогичные несоответствия встречаются в поэмах «Оглак», «Кара-Кан» и многих других.

Во всех указанных случаях находит наглядное проявление полистадиальность эпоса.

В эпосе имеется и другая, более частная несогласованность. Приведем пример из поэмы «Картыга Перген». Картыга Перген, сын Алтын Капа, отказывается от обеда, предложенного матерью, потому что «создан богом так, чтобы «питье не пить, еды не есть». На вопрос матери «Почему не поел ты моей пищи, мною для угощения положенной?», Картыга Перген отвечает: «Алтын-Кёйк, матушка моя!.. Вверху живущий великий творец не сотворил меня, чтобы я пищу ел. Я сотворен, чтобы пищи не есть и воды не пить»⁷. Однако он же после поединка между Алтын Капом и Кара Мёйб садится со своим другом Ай Кылышем за золотой стол, ест и пьет: «За золотой стол сели. Лучшее из еды ели. Из всего созданного наилучшее пили. В продолжение девяти дней пили»⁸.

Такие противоречия бросаются в глаза и в других поэмах. В поэме «Кан Кес» всякий раз, когда у богатыря Кан Кес спрашивают «Какого хана ты потомок?», он отвечает: «Вскормившего меня отца моего не знающий, питавшую меня молоком мать мою не знающий, краснее крови иgrenевого коня имеющий Кан Кес по имени я буду»⁹. Но дальше выясняется, что Кан Кес потомок Алтын Кана: «Этот Кан Кес, потомок Алтын Кана (рода Алтын Кана), из-за трех миров на кроваво-игреневом коне, которого плетью не ударяют, приехавший, превратившись в комара у золотого окна стоит. Разве вы этого не видите!»¹⁰

Кстати сказать, точно так же па аналогичный вопрос отвечает Голый черный юноша (побратим Кан Кеса). Позднее выясняется, что и у него есть отец.

В печати уже обращалось внимание на это и другие подобные противоречия, причем объяснялись они с исторической точки зрения, как следствие полистадиальности эпоса (представление

⁷ «Мениц, азырага салган аажымды чёк чибедин?» — «Алтын Кёк ичемай!.. Теген бэрги турган улуг чайачы мени аш чирге чайабады. Аш-па суг ишпеске чайалтам» (Н. П. Дыренкова. Шорский фольклор, стр. 12).

⁸ «Анац, соонда пулар игеле алтын столга одурдулар. Аш табактын, арыйын чидилер. Аар пүткеннин, ўстүн иштилер. Тогус кунге шыгара иштилер» (там же, стр. 16).

⁹ «Азыраган абам пилбес, эмискен энем пилбес, канинац қызыл чегрен аттыг Кан Кес поларым!» (там же, стр. 28).

¹⁰ «По ўш чарыктың, таштынаң, келген Алтын Каның, төлү, камчы шаптырбас кан чөрген аттыг, Кан Кес алтын кбзенекте, сарыг сек пол, турчатканын көрбенчизар-ба!» (там же, стр. 44).

об «одиноком первопредке» вытеснено более поздним — о потомке патриархального рода).

«Указание на то, что Черный юноша — «бродячий», безусловно представляет собой попытку мотивировать его одиночество. Но Кан Кеса никак нельзя назвать бродячим. В дальнейшем Черный юноша получает имя Ай-Ергек, сын Кара-кана, что абсолютно не вяжется с первоначальными сведениями об этом герое»¹¹, — пишет Е. М. Мелетинский.

Нас в данном случае такие противоречия интересуют с иной стороны. Мы обращаем внимание на то, что элементы, различные по древности, естественно сочетаются в пределах *одного и того же эпического повествования*.

Рассмотрим несоответствия в поэме «Кан Мерген». Готовясь к борьбе с Кара-Мюю, Кан Мерген говорит: «Если у Кара-Мюю силы больше окажется и он меня погубит, тогда ханом солнечного мира, начальником подземного мира Кара-Мюю останется. Если у меня, Кан Мергена, силы больше окажется, и если я Кара-Мюю погублю, этого солнечного мира единственным ханом, единственным начальником я, Кан Мерген, стану!»¹² Противоречие заключается в том, что Кан Мерген после победы над Кара-Мюю отказывается от власти и дани¹³.

Так же поступает и сестра Кан Мергена, Кан Арго. Она ведет многолетнюю борьбу с братьями Кан-Кара, чтобы захватить их скот. Благодаря помощи брата Кан Арго побеждает. Но перед отъездом домой она отказывается от всего, что ею завоевано¹⁴. Причем в обоих случаях отказ от дани совпадает почти дословно.

Кан Мерген перед отъездом в путь берет с собой «богато украшенный колчан». По-видимому, в борьбе с врагами он собирается применить лук и стрелы. Однако в дальнейшем о луке и стрелах нигде не говорится. Своих противников Кан Мерген побеждает в кулачном бою.

Формула «богато украшенный колчан на спину повесил»¹⁵ в поэме применяется по какой-то давней устойчивой традиции, не исключено, что эта традиция идет от шаманизма. Именно в шаманских песнях, которые исполнялись в момент кампания, очень часто встречаются лук и стрелы. Шаманы в «пути» всегда пробовали свою меткость в стрельбе из лука, часто пользовались им в борьбе с нечистыми силами. Между тем поединок богатырей

¹¹ Е. М. Мелетинский. Происхождение героического эпоса. М., 1963 стр. 296.

¹² «Кара Мююңүн күжү артық нолуп, моең тыныма чедип салса, күнү чарыктың, қаны, чер алтыңың, ший Кара Мюю нолбан кайтсын! Мен, Кан Мергениң күжү артық полуп, Кара Мююңүң арыг тынына чедип салзам, по күнү чарыктың, чагыс ший Мен-Кан Мерген — поларым!» (Н. П. Дырекова. Шорский фольклор, стр. 94).

¹³ Там же, стр. 105.

¹⁴ Там же, стр. 117, 119.

¹⁵ «Параң паштың пай садагын пелге ажынды» (там же, стр. 86).

рисуется уже в соответствии с другой традицией. Отсюда в поэме своеобразная неувязка.

В этой же поэме противники Шайгин Мерген и Алтын Ок приветствуют друг друга мечом и пикой, а вступают в кулачный бой. О существовании пики и меча забывается. «Протянув друг другу мечи, поздоровались; пики выставив, один другого приветствовали. Сваливая друг друга через головы коней, в белую степь тащили. Три дня проходило, они друг друга за черные ременные кушаки схватить как следует не могли. На третий день они плечом к плечу, лопатка к лопатке сошлись — приоровившись друг к другу, сражались»¹⁶. Аналогичный пример может быть приведен из поэмы «Ак Кан».

Еще одно противоречие шорского эпоса отмечено В. М. Жирмунским в книге «Сказание об Алпамыше и богатырская сказка». «Когда отец, вернувшись после длительной отлучки, встречает в доме родившегося в его отсутствие долгожданного ребенка, он передко испытывает сомнения в своем отцовстве: архаическое представление о чудесных обстоятельствах рождения вступает здесь в противоречие с позднейшими, более рациональными представлениями». При этом Жирмунский ссылается на шорские поэмы (у автора — «сказки») «Ак-Кан» и «Картыга Перген»¹⁷.

Большинство отмеченных противоречий имеет историческую основу и объясняется тем, что в народных поэмах сочетаются представления и мотивы, возникшие в разные эпохи. Но этого объяснения недостаточно для понимания причин, в силу которых художественное произведение остается единым целым.

К приведенным выше материалам можно было бы присоединить многочисленные примеры немотивированного знания одним персонажем других, непонятной осведомленности об их судьбах и т. п. Подобная осведомленность не так часто мотивируется какой-либо особой «шаманской мудростью», «даром предвидения» и т. п. Создается впечатление случайности, некоторой искусственной «натяжки», необходимой для плавного перехода к другому эпизоду.

Так, в поэме «Кан Кес» к одинокому богатырю прилетает старушка Алтын Коббк, чтобы сообщить ему, что его суженую, дочь Ак Кана, сватают жепихи. Кан Кес принимает слова Алтын Коббк за истину и тут же отправляется в путь. Он не спрашивает, откуда все это известно старушке. В эпосе такие моменты воспринимаются как нечто вполне естественное и объяснений не требуют.

¹⁶ «Кылыш сунуш, эзен сураптылар, чыда сунуп, менди сураптыла р. Ат пажынаң андара шабыстылар. Ак чазыга сбргештилер. Пелар ештендере кара кайыш курдаң кабыжып полбас, уп күнгө шыктырлар. Үш күннүң паажында еңмен паштары етелишти, чарын паштары чашынышты. Ештен — туштанып, ам карбаштылар» (там же, стр. 148—149).

¹⁷ В. М. Жирмунский. Сказание об Алпамыше и богатырская сказка. М., 1960, стр. 164—165.

На земле Ак Кана Кес услышал слова: «В заходящий мой день почему меня не спасаешь, Кан Кес?»¹⁸ Почему его имя известно какому-то из богатырей? Ведь Кан Кес никуда до этого не выезжал, ни с кем не встречался.

После свадебного пира жена Кан Кеса Алтын Суучу вдруг говорит, что Алтын Картыга в беде, хотя не знает, кто такой Алтын Картыга и где он обитает. Продолжая беседу с мужем, Алтын Суучу вдруг объявляет, что на берегу Черного моря живут богатыри Кара Казан и Кара Картыга, у которых, «чтобы отрезать — душ у них нет, чтобы краснее течь — крови у них нет. Из земли семидесяти ханов, со всего *народа* дань берут»¹⁹. В дом Кан Кеса никто не приезжал, сама Алтын Суучу никуда не выезжала. Вообще нет ни одного намека на то, что Кан Кес и его жена были каким-то образом связаны с внешним миром. По тому, как строится эта часть поэмы, никак нельзя допустить, чтобы Алтын Суучу было известно все о братьях Кара Казан и Кара Картыга.

В поэмах «Кан Мерген, имеющий старшую сестру Кан Арго» и «Ак Кан» сестры главных героев, точно так же как Алтын Кёбк в поэме «Кан Кес», называют имена и место, где находятся нареченные невесты братьев. Остается неизвестным, каким образом они узнают это. Такие же загадки происходят с богатырями-побратимами, помощниками и сыновьями, когда вдруг оказывается, что они знают о беде, постигшей ведущего богатыря.

Если присмотреться ко множеству этих и других аналогичных примеров, то напрашивается следующий вывод. Противоречия в эпических текстах возникают там, где объединяются устойчивые формулы, объяснения или детали разных времен и различных традиций.

II

Таким образом, создается впечатление, что эпос полон всевозможных противоречий, несоответствий, нарушений причинно-следственных связей. В силу своеобразной «атомарности» эпического повествования — расчлененности его на законченные эпизоды и сцены, — исторически разнородные, логически как бы взаимно исключающие друг друга мотивы и представления уживаются рядом. Казалось бы, в силу этого эпические произведения не могут сохранять целостность, единство идейного содержания, единство поэтического впечатления, единство содержания и формы. А между тем шорские богатырские поэмы, так же как и эпические

¹⁸ «Ажар күнүмде чөк мени көрбенчарзыц, Кан Кес!» (Н. П. Д ы р е н к о в а. Шорский фольклор, стр. 30—31).

¹⁹ «Кыйыл-паар тыннары чок, қызырып агар қаннары чок. Четтон канның черинең тооза албан аалчалар; алтын гызы айна толунең тооза албан аалчалар» (там же, стр. 34—35).

поэмы других пародов, обладают исключительной идеиной цельностью и поэтической гармонией. Указанные противоречия не нарушают целостности восприятия. А раз это так, то должен существовать особый «механизм» эпического творчества, сглаживающий «противоречия» и «объединяющий» разнородные начала в единый поэтический сплав. Мы здесь близко подходим к секрету эпической гармоничности, тесно связанному с некоторыми специфическими чертами устного народного поэтического творчества. Итак, в чем причины единства эпического повествования?

Сначала попытаемся ответить на поставленный вопрос в самой общей форме. Творцы и носители эпоса тесно связаны с определенной устной поэтической традицией, с весьма устойчивой и единой по своим принципам и приемам стилевой системой. Выбирая те или иные поэтические формулы или художественные мотивы, сказитель не столь скрупулезно заботится об их точном логическом соответствии. Но эти формулы и мотивы сами достаточно близки друг к другу, это птенцы, вылетевшие из одного поэтического гнезда. Следует учитывать примат родового над индивидуальным в эпическом стиле. Самое же главное — это народность эпоса, подчиненность всего повествования единой исторической обусловленной идеи. По такой общий ответ явно недостаточен. Необходимо ближе присмотреться к поэтическим факторам, действующим в пределах шорских богатырских поэм.

Обратимся к их композиционному строению.

Одним из средств объединения частей героической поэмы в шорском эпосе является развертывание повествования в виде боевой биографии богатыря. Так, центральной фигурой поэмы «Кара Кан»²⁰ является богатырка Алтын Арыг. Вся поэма строится вокруг ее богатырского подвига, поэтому несмотря на различного рода несогласованности и неувязки она воспринимается как целостное произведение.

Аналогична композиция поэмы «Оглак». Все части, эпизоды, звенья поэмы соединены действиями и поступками богатырей Ай-Маныса и Чеек Пергена. От начала и до конца в поэме действуют эти два главных героя. Каждый эпизод поэмы является этапом в биографии этих двух героев. Поэтому все неувязки остаются незамеченными.

Построение третьей поэмы, «Алтын Тайчи», принципиально не отличается от построения вышеуказанных поэм. Здесь эпизоды поэмы объединены в единое целое, так как все они описывают действия главного богатыря Алтын Тайчи.

По такому же принципу построены поэмы «Қаратты Перген», «Аран Тайчи» и другие, записанные в свое время В. В. Радловым. Этот главный композиционный принцип шорского эпоса всецело прослеживается и в поэмах, зафиксированных Н. П. Дыренковой.

²⁰ В. В. Радлов. Образцы народной литературы тюркских племен, т. I.

Если поэма не кончается показом жизни одного главного богатыря, композиция остается почти неизменной: юный богатырь, обычно сын героя, как бы вновь повторяет подвиги, совершенные отцом или доводит до конца то, что было начато его предшественниками.

В этом смысле весьма характерна поэма «Ак Кан», записанная Дыренковой. У бездетного престарелого богатыря Ак Кана, тосковавшего о наследнике, родились сын и дочь. Мальчику дали имя Алтын Тайчи, а девочке — Алтын Тана. Когда настает время, Алтын Тайчи, как и многие другие шорские богатыри, отправляется в брачную поездку к нареченной невесте. Между тем Алтын Тана попадает в руки богатыря по имени Кара Кылыши. Во время пиршества, устроенного по случаю женитьбы Алтын Тайчи, исчезает белобуланный конь его отца; богатырь в раздумьях: кого прежде всего спасти — сестру или коня. Внезапно появившаяся в доме Ак Кана Покай Сарыг советует Алтын Тайчи отправиться в погоню за конем. Свой совет она мотивирует тем, что у коня нет защиты, а у Алтын Тана — есть: богатырка Алтын Тана сама может постоять за себя.

Алтын Тайчи едет за конем, но, не достигнув цели, погибает. Однако на этом действие поэмы не заканчивается. Появляется Кара Пурба, дочь Покай Сарыг, которая мстит за гибель Алтын Тайчи. Рождается сын Алтын Тайчи, которому дают имя Аба Кулак. Аба Кулак все начинает сначала. Он действует точь-в-точь, как отец. Подобно отцу, в начале он не знает, за кем ехать: за Алтын Тана, т. е. за теткой, или за конем деда. На помощь вновь приходит Покай Сарыг. Она опять-таки советует богатырю ехать за конем. Сохраняется и мотивировка этого совета.

Аба Кулак отправляется в путь. По дороге с ним происходят различного рода приключения. Он как бы забывает о первоначальной цели (неувязка), едет, ищет невесту, находит, женится, возвращается домой, устраивает свадьбу. Потом опять отправляется за конем, попадает на конские скачки. На скачках побеждает тот самый бело-сивый конь Ак Кана, который был похищен когда-то. Затем Аба Кулак борется со сторонниками Кара Кылыши и гибнет. Жена Аба Кулака рождает сына Чаш Пилека, и Чаш Пилек, потомок Ак Кана, все начинает сначала и повторяет то же, что было проделано отцом и дедом.

Этот пример показывает поразительную однотипность композиции поэм, отсутствие каких-либо принципиальных различий. В таком виде, как дается поэма «Ак Кан», ее можно разбить на три самостоятельные части и представить их как три варианта одной и той же поэмы. Целостность поэмы обусловливается тем обстоятельством, что все три части повествуют об одном и том же герое.

Нет ничего принципиально нового в композиции поэм, которые исполняются современными шорскими сказителями-кайчи. Все поэмы, которые записаны нами от одного из таких исполнителей,

Д. И. Толтаева, по композиции почти не отличаются от поэм, записанных В. В. Радловым и Н. П. Дыренковой.

Таким образом, главный принцип композиции эпоса — изложение биографии героя — оказывается чрезвычайно устойчивым. Это его качество обеспечивает целостность повествования. Оказывается, что все части, сюжет, мотивы и эпизоды любой поэмы эпоса, несмотря на множество неувязок, как бы спиты одной крепкой нитью, которая проходит через всю поэму.

Биографический план повествования характерен не только для героических поэм шорцев, но и для эпических сказаний других народов. И. В. Пухов в своей монографии «Якутский героический эпос олонхо» пишет: «Для композиции олонхо характерно развертывание сюжета в биографическом плане — от рождения героя до возвращения его на родину после завершения всех подвигов, прямая связь всех главных действий олонхо с жизнью героя. Жизнь героя показывается как цепь подвигов, совершаемых им для установления счастливой жизни племени. Таким образом, герой, его жизнь, его борьба — это как бы та ось, вокруг которой развертываются все события. Главные события могут прерываться многочисленными рассказами о жизни и горестной доле других богатырей или всевозможными пространными описаниями. Сами приключения героя часто представляют внутренне законченные самостоятельные рассказы, независимые один от другого. Но во всех случаях рассказ снова и снова возвращается к основной теме — к герою и его подвигам»²¹. Объяснение Пухова вполне распространимо и на эпос шорцев.

Вторая особенность построения шорского эпоса, подчеркивающая единство героических поэм, заключается в том, что у главного героя, как правило, бывает побратим. В роли побратима выступают самые разные лица: родственник героя, сосед, неизвестный богатырь, юноша, спасенный от плена, иногда бывший недруг. Например, побратимом Кан Пергена является Кан Алып, Ай Маныса — Чеек Перген, Каатты Пергена — Эр-Кулатай (дядя по матери), Алтын Эргека — Алтын Перисте, Аран Тайчи — Алтын Мёкё, Кан Кеса — Голый черный юноша и т. д.

В построении шорских поэм образ побратима играет принципиальную роль. Он как бы соединяет различные эпизоды и части повествования. Без него многие связи оборвались, прекратилось бы дальнейшее развитие действия. В поэме «Кан Кес» побратим героя — Голый черный юноша является вездесущим. Он знает, куда ехать, когда Кан Кес заблудился, с кем биться, когда главный герой вступает в борьбу с врагами; он убеждает героя защитить семью друга. Если бы не он, то Алтын Суучу, жена Кан Кеса, непременно погибла бы, не известно, чем бы

²¹ И. В. Пухов Якутский героический эпос олонхо. М., 1962, стр. 48—49.

кончилась борьба Кан Кеса с братьями Кара Казанов, разорившими землю Алтын Картыга.

Приведем еще один показательный пример из поэмы «Кан Мерген». Кан Мерген в состоянии невменяемости попадает в царство Черных Шибельдеек, связь с землей оборвалась; казалось бы, движение действия прекратилось, и оно действительно бы прекратилось, не появивьсь здесь побратим, а он должен был появиться, ибо еще задолго до поездки за женой Кан Мерген спас от плена мальчика. По традициям шорского эпоса всякий, спасенный от плена юноша становится побратимом главного героя. Побратим выручает героя и тем самым дает толчок к дальнейшему развитию действия поэмы.

Точно так же оборвалась бы связь между действиями Ай-Толая в различных частях поэмы, если бы не появился Кюрен-Кылыш, побратим Ай-Толая. «Руки Ай-Толая ослабели. Силы лишаясь, Ай-Толай стонет, К земле Чес-Алып Ай-Толая клонит... Уж Ай-Толай готовится к смерти, Но тут загудел над долиной ветер — На сине-буром коне с белоснежных скал Красавец юный сюда прискакал. Глаза его — сияние звезд, С кедром могучим сравнив его рост. С коня соскочив, он схватился сразу С Чес-Алыном единоглазым. Снова десять дней и ночей Длилась в долине борьба силачей»²². Это прискакал побратим Ай-Толая — Кюрен-Кылыш. Он вступил в поединок с врагом и спас Ай-Толая. Потом Кюрен-Кылыш станет рядом с Ай-Толаем и будет совершать вместе с ним долгое путешествие (пример: участие в борьбе против уплаты дани).

Образ побратима в поэмах шорцев занимает одно из центральных мест. Побратим совершает столько же подвигов, сколько главный герой, в некоторых поэмах — даже больше. Народные сказители рисуют его с особой любовью и теплотой. Они наделяют его не только большой физической силой, как главного героя, но и смекалкой. Побратим прост и, главное, более гуманен. Простота и гуманность в большой мере определяется его простым происхождением и тем, что он, так сказать, рядовой, как, например, Голый черный юноша. Притом, побратим оказывается вечно молодым и бессмертным. Побратим — символ бессмертия народа, его силы и могущества. Он является одним из главных образов шорских героических поэм, одним из главных выразителей идеино-эстетических идеалов народа, с ним связывается борьба народа за счастье, справедливость, нравственную чистоту. Не случайно так велика его роль в композиции героических поэм.

Кроме побратимов в шорских героических поэмах у главных героев бывает много различных помощников. Эти помощники героя в композиции отдельных поэм выполняют такую же объединяющую роль, как и побратимы. Введение их в повествование — самый распространенный и излюбленный прием эпического по-

²² Сб. «Ай-Толай», стр. 37.

вествования. Приведем несколько примеров из поэмы «Кеке Салгын»²³. Богатырка Кеке Салгын после смерти отца и брата в поединке с Кара Кирви, слугою одноглазого Пагыр Тайчи, ослабла; еще немного и она погибла бы. Она не знает, кто бы мог помочь ей. В самый критический момент к месту поединка прибывает юноша и заступается за нее. Юноша оказывается младшим братом Кеке Салгын. Он появился на свет после ее отъезда из отчего дома.

Второй пример. Этот же юноша в борьбе с Кара Кирви одерживает победу, но он не хочет жениться на красавице, за которую шла борьба. На ней должен был жениться его старший брат, однако он погиб. За кого выдать красавицу? В тот самый момент, когда юноша задается этим вопросом, вдруг появляется всадник. Им оказывается богатырь, который приехал жениться. За него и выдают замуж девушку.

Третий пример из того же произведения. Юноша, брат Кеке Салгын, по пути к одноглазому Пагыр Тайчи попадает в руки Кара Шибельдайки, вступает в борьбу, но победить не может, а помочь ему некому. И тут с неба спускаются золотые или железные цепи, подхватывают его и поднимают к небожителям. Юноша спасен, действие продолжение.

Много помощников у главного героя поэмы «Алтын Карагыга»²⁴. Одним из них выступает боевой конь побратима. Если бы не было повествования о приключениях боевого коня Алтын Топчу, то не было бы мотивировки дальнейших действий. Алтын Карагыга едет к Юзют-хану только потому, что долго не возвращался конь Алтын Топчу. Благодаря победе над Юзют-ханом Алтын Карагыга приобретает друзей, а Алтын Топчу фактически становится его побратимом. Без друзей и своего сына Алтын Чёбе Алтын Карагыга не мог бы победить многочисленных врагов отца, некому было бы спасти отца, и повествование оборвалось бы.

Говоря о единстве эпического повествования, мы, собственно, говорим о единстве принципиальном, доминирующем. Оно не исключает стилистических особенностей, несомненно свойственных и различным поэмам, и их вариантам, и разным эпизодам. Без них эпос потерял бы свое поэтическое богатство. Но стилевые пласти и стилистическое своеобразие отдельных поэм — предмет специального исследования.

Единство повествования выражается не только в композиции и «сквозных» образах. Оно в значительной мере определяется, как мы уже говорили, единством проблематики произведений.

В произведениях широкого эпоса много эпизодов, но они не закреплены за какой-нибудь одной конкретной поэмой, а являются общими для многих.

²³ Поэма «Кеке Салгын» записана нами от сказителя Д. Н. Толтаева в г. Междуреченске.

²⁴ Архив Н. П. Дыренковой. Л., Ин-т этнографии, ф. 3, оп. 1.

Практически это означает, что один и тот же эпизод может встречаться в самых разных эпических поэмах, а в пределах одной поэмы — при описании биографии каждого из богатырей.

К этому надо добавить, что в шорском эпосе много «общих мест». Разумеется, повествование в каждой поэме выглядит по-своему, но составным элементом его являются общие мотивы и эпизоды. Поэтическую систему шорского героического эпоса трудно представить себе без поэтизации рождения героя, наречения имени, без героического сватовства, без показа богатырских подвигов и т. д. — иначе говоря, без поэтизации биографии богатыря.

При изложении каждого момента этой биографии богатыря и появляются повторяющиеся мотивы, «общие места». Они встречаются во всех героических поэмах, а в тех из них, где повествуется о нескольких поколениях богатырей, звучат по нескольку раз.

Основной пафос древнего шорского эпоса состоит в утверждении идеалов рода, хотя конфликты и ситуации, изображаемые в эпосе, могут быть неодинаковыми по древности. В этом, на наш взгляд, основная идеальная предпосылка единства эпического повествования в шорских героических поэмах.

ГЕРОИЧЕСКИЕ ПЕСНИ СОБРАНИЯ АЛЕКСАНДРИ И ПРОБЛЕМА ИХ ОСНОВНОГО ТЕКСТА

В. М. ГАЦАК

Классическое собрание молдавского и румынского фольклора, принадлежащее В. Александри (1821—1890), включает в себя первую по времени и одну из самых богатых по составу подборку героико-эпических песен. Большинство из них Александри печатал по несколько раз. В 1849—1851 гг. героические поэмы наряду с другими текстами помещаются им в двух еженедельниках — первоначально в «Буковине» (г. Черновцы), а затем в «Зимбру» (г. Яссы), — с указанием, что они взяты «из коллекции баллад и песен, собранных в горах и долинах Молдавии»¹. В 1852 и 1853 гг. те же и некоторые другие произведения составили две части выпущенного в Яссах сборника «баллад» (точнее: героических поэм, исторических песен и собственно баллад)². Позднее отдельные новонайденные героические песни печатаются в приложении к журналу «Ромыния литерарэ» (1855) и в журнале «Ревиста ромынэ» (1863)³.

В начале 60-х годов (возможно, зимой 1861—1862) В. Александри собственноручно вносит почти все героико-эпические произведения, опубликованные им к тому времени, в тетрадь, хранящуюся ныне в Отделе рукописей Библиотеки Академии

¹ Цитируется письмо собирателя, посланное из Ясс 8 марта 1850 г. издателю «Буковины» А. Хурмузаки и опубликованное в черновицком еженедельнике 22 марта («Bucovina», 22.III 1850, № 20, п. 85).

² «Поэзий попорале. Баладе (Кынтече бэтрынешть)». Адунате ши ындрептате де В. Александри, партя I. Яший, 1852 (далее: Александри, 1852); «Баладе адунате ши ындрептате де В. Александри», партя II. Яший, 1853 (далее: Александри, 1853).

³ Кроме указанных, назовем еще два ранних источника, содержащих песни из собрания Александри: «Календарь» на 1848 г. (здесь помещена песня «Пэунашул») и автограф Александри начала 1850 г., воспроизводящий песню «Сырб-Сэрак» (Отдел рукописей Библиотеки Академии СРР — BAR, Msse rom., 3349, f. 60—61 verso. Далее: Р 3349).

Между 1852 и 1865 гг. перепечатки некоторых записей Александри появляются в журнале «Фоае пентру минте...» трансильванского литератора Г. Барициу и в «Календарях», издаваемых им (A. V a s i l i u. Gh. Barițiu și folclorul. — «Limbă și literatură», vol. 10. București, 1965, p. 351).

Социалистической Республики Румынии⁴. Эта тетрадь — неокопченный подготовительный вариант⁵ обширного сводного сборника произведений различных жанров народной поэзии. В завершенном виде сборник был издан в 1866 г. (на обложке некоторых экземпляров в отличие от титульного листа год выхода в свет — 1867)⁶.

Полевые записи Александри не сохранились, а в перечисленных источниках одни и те же произведения народного эпоса выглядят неодинаково. Академик Н. Йорга писал по этому поводу: «Действительно, мы имеем одну форму в «Буковине» и «Зимбру», другую в цельной публикации (т. е. в сборнике 1852—1853 гг. — *B. Г.*), затем песни проходят через третью форму, — в рукописи «Баллад и народных песен» Румынской Академии (№ 819⁷), и обретают, наконец, последнюю фиксацию, — и эта была бы в свою очередь изменена при новом издании, — в изящном томе «Румынских народных стихотворений» Александри...»⁸

Наличие различных редакций одних и тех же произведений ставит издателя перед необходимостью выбора основного текста. На практике эта проблема решается одним способом: во всех научных, научно-популярных и популярных изданиях⁹, в пе-

⁴ BAR, Msse rom., 814 (далее: Р 814). На первом листе тетради заглавие: «Balade și cântice populare culese în România de V. Alecsandri».

⁵ Во вступительной статье к недавнему новому изданию фольклорного собрания Александри румынский исследователь Г. Врабие называет эту тетрадь «полной рукописью», «почти точной копией коллекции 1866 года» («Poezii populare ale românilor, adunate și întocmite de Vasile Alecsandri». *Ediție îngrijită, studiu introductiv, note, variante de Gheorghe Vrabie*, vol. 1. București, 1965, p. 62. Далее: Александри, 1965).

Но проф. Врабие не прав. В рукописи 814 нет песни «Новак и ворон» (в издании 1866 г. она помечена; была эта песнь и в яссском сборнике), не дописана песнь «Черный Раду и Арджешский монастырь» (в книге 1866 г. она дана полностью, причем изменено название: «Арджешский монастырь»); еще одна песнь, «Раду Каломфиреску», вообще представлена только заглавием. В тетради иной, чем в книге 1866 г., порядок песен, во многом — другие орфографические принципы (кстати сказать, в рукописи 814 текстам песен предисловия «Замечания об орфографии», где говорится о стремлении упростить ее, но в то же время сообщается о частичной «адаптации итальянской орфографии»; в издании 1866 г. «Замечания об орфографии» опущены, а сама она пересмотрена). И, наконец, самое главное: значительно отличаются от опубликованных в 1866 г. тексты песен, что подтверждают, между прочим, обширные перечни расхождений между рукописью 814 и книгой 1866 г., приводимые самим же Г. Врабие во втором томе подготовленного им издания.

⁶ «Poezii populare ale românilor. Adunate și întocmite de Vasile Alecsandri». București, MDCCCLXVI (далее: Александри, 1866).

⁷ По новой инвентаризации — рукопись 814.

⁸ N. Iorga. Istoria literaturii românesti în veacul al XIX-lea, vol. III. Vălenii-de-Munte, 1909, p. 153 (далее: Йорга, 1909).

⁹ См., например: В. Александри. Опере алесе. Кишинэу, 1954; В. Александри. Опере, вол. 4. Кишинэу, 1959; Александри, 1965, I—II; V. Alecsandri. Opere. Poezii, vol. I. Text ales și stabilite de G. C. Niculescu și G. Rădulescu-Dulgheru. București, 1966 (далее: Александри, 1966).

реводных сборниках и антологиях¹⁰ героические песни собрания Александри печатаются по сборнику 1866 г. Издатели исходят из того, что книга 1866 г. дает «последнюю форму, подтвержденную автором»¹¹ (подразумевается Александри). Такой подход имеет давнюю традицию и никем не подвергается сомнению. Между тем он решительно не выдерживает фольклористической критики, так как упускает из виду «авторскую волю» эпического певца (и соответственно — «авторскую волю» народа). А именно она обладает определяющей силой при работе с фольклорными текстами. Совершенно ясно, что мы обязаны признавать основной ту из нескольких форм одной записи, которая в наибольшей степени отражает конкретный народный вариант, зафиксированный собирателем. К сожалению, под таким углом зрения различные издания Александри изучены еще недостаточно.

О фольклорном собрании В. Александри в печати появлялось немало суждений. В XIX в. после единодушных восторженных оценок стали раздаваться и критические голоса. Впрочем, критика вызывалась и поддерживалась не столько стремлением разобраться в существе дела, сколько различием позиций в литературной борьбе. Фольклористическая деятельность Александри не избежала нигилистических нападок, которым не раз подвергался поэт в последние годы жизни. В ответ следовали выступления в защиту Александри, тоже не лишенные крайностей¹². И не удивительно, что в обширной литературе о фольклорном собрании Александри очень мало попыток конкретно рассмотреть работу поэта над фольклорными текстами и, в частности, — проанализировать в сравнительном плане издания и рукописи разных лет.

В 1888 г. ясский журнал «Contempranul» поместил обширную статью не очень известного литератора и собирателя фольклора М. Шварцфельда: «Народные стихотворения. Коллекция Александри (критический этюд)». Таково название статьи в оглавлении журнала. А на странице, где она начиналась, и в отдельном издании, вышедшем в следующем году, заглавие несколько иное: «Народные стихотворения. Коллекция Александри, или как должны собираться и публиковаться народные песни»¹³. Это

¹⁰ См., в частности, переводы на русский язык: «Молдавский фольклор. Песни и баллады». М., 1953; «Румынские народные песни и сказки». М., 1953. В. А л е к с а н д р и. Молдавские баллады. Кишинев, 1956; «Антология румынской поэзии». М., 1958; «Румынские баллады и дойны». М., 1965, и др.

¹¹ Александри, 1966, стр. 4.

¹² Ср., например, высказывание известного критика первых десятилетий нашего века Е. Ловинеску: «Несколько правленых баллад Александри стоят больше, чем десятков томов лэутарских вульгарностей» (E. Lovinescu. Critice, vol. IV (ed. 2). Bucureşti, 1920, p. 143).

¹³ M. S c h w a r z f e l d. Poeziile populare. Colectia Alecsandri, sau cum trebuie culese și publicate cîntecele populare.— «Contempranul», Iași, 1888, N 7, p. 80—93; N 8, p. 148—168; N 9, p. 223—254; N 11, p. 383—408.

заглавие таило в себе негативное отношение к работе Александри, автор стремился рассмотреть сборник Александри, исходя из иных принципов, чем те, которыми в свое время руководствовался поэт. Надо сказать, что в годы публикации этюда Шварцфельда требование документальности изданий фольклора уже не было новостью. Причем оно не только провозглашалось, но во многом начинало соблюдаться на практике, чему способствовала деятельность плеяды фольклористов школы Б. П. Хашдеу. Немало полезного для внедрения научных норм записи и воспроизведения народной поэзии сделал и журнал «Контемпоранул». Но мы должны прибавить, что в 80-е годы и Александри, участвуя в Академии в обсуждении фольклорных сборников, председательствуя на этих обсуждениях, тоже ратовал за публикацию «подлинной поэзии народа»¹⁴ (к сожалению, еще не все выступления Александри в Академии извлечены из протоколов и оценены по достоинству).

М. Шварцфельд сличил некоторые тексты Александри разных лет, ограничиваясь в основном лирическими песнями; из героических он коснулся только «Вулкана» (в начале статьи Шварцфельд предупреждает, что из ранних публикаций Александри он располагает только приложением к журналу «Ревиста ромынэ» и перепечатками отдельных текстов из яссского сборника 1852—1853 гг.). По его наблюдениям, варианты 1866 г. несут в себе существенное нарушение и формы и содержания народных песен. Писал об этом Шварцфельд в атакующей, фельетонной манере, всячески осуждая Александри и не признавая за ним никаких заслуг. Он не отдавал должного Александри даже тогда, когда говорил о предпочтительности и ценности ранних текстов, словно они не опубликованы тем же Александри. Еще более резкой была новая статья Шварцфельда, помещенная в 1889 г. в журнале «Ревиста Олтянэ»: «Василе Александри, или мастер-ломастер и его защитники». Исторически несправедливые и грубые ипвективы в адрес Александри совсем заслонили и дискредитировали положительную, на наш взгляд, идею критика: «... тот, кто желает писать исследования на основе народной поэзии, должен обращаться не к изданию 1866 г., а к изданиям 1852, 1853, 1855 гг.»¹⁵

Различия между текстами ранних и позднейших фольклорных публикаций Александри учитывал Н. Йорга в 1909 г., определяя в «Истории румынской литературы XIX века» общий характер и направление работы поэта над народными текстами¹⁶. Специальные разделы своего труда он посвятил «Обработке формы народной песни», «Изменению чувств, свойственных народной песне» и «Тенденциям песни, исправленной В. Александри».

¹⁴ «Analele Academiei Române». Seria II, t. VII (1884—1885). Bucureşti, 1885, p. 145 (цитируется выступление Александри 28 февраля 1885 г.).

¹⁵ «Contemporanul», 1888, N 11, p. 405; Ср. «Revista Olteană», 1889, N 1, p. 217.

¹⁶ Йорга, 1909, стр. 152—169.

Йорга не давал систематического сличения текстов разных времен, не предлагал он и текстологических рекомендаций: какие из вариантов следует предпочесть. Но показательно, что элементы, идущие извне, когда поэт, по выражению Йорги, «дополнял народную поэзию от себя вне ее духа»¹⁷, автор выделял именно в книге 1866 г. и в ряде случаев особо акцентировал их отсутствие в ранних публикациях (например, в героических песнях «Михул Копилул», «Кодрян» и др.). В оценочных суждениях Йорги об Александри ощущалась известная жесткость (в дальнейшем им преодоленная). Но в принципе Йорга доказал возможность критического анализа издательской деятельности Александри-фольклориста без сенсационного дезавуирования ее. В этом, пам кажется, состояло особое значение незаслуженно забытых заметок Йорги о собрании Александри.

Из современных исследователей наибольшее внимание соотношению различных текстов одних и тех же произведений собрания Александри уделил Г. Врабие. Мы имеем в виду подготовленное румынским ученым критическое издание коллекции Александри (Александри, 1965, I—II). В этом двухтомнике Врабие дважды обращается к вариантам разных изданий Александри. Первый раз он это делает в небольшом разделе вступительной статьи к двухтомнику. Название раздела — «Характер «исправления» Александри народной поэзии» (Александри, 1965, I, 61—76). Здесь приведены и тонко прокомментированы наблюдения над расхождениями между первыми и последними публикациями. В частности, Врабие иллюстрирует видоизменение стиля и устанавливает, что в текстах 1866 г. в ряде случаев убраны специфические элементы устного поэтического повествования (повторения, анадиплоза, анафора и т. д.). В этом отношении, по мнению Врабие, «первая форма, опубликованная в «Буковине» или «Ромыния литерарэ», была более естественной, более близкой фольклору» (73). Говоря о различиях в содержании, проф. Врабие справедливо объясняет их тем, что в позднейших текстах получило выражение стремление Александри усилить историзм песен, «медиевизировать» их, умножая число соответствующих реалий. Более скрупульно говорится о разноточениях, связанных с известной переакцентировкой социальных мотивов и характеристик. Из числа героических песен Врабие останавливается на «Еркуляне», «Бадиуле», «Новаке и вороне», «Михуле Копилуле», «Штефэнице-водэ», касаясь, впрочем, только отдельных моментов в этих произведениях (66—70).

Анализ Врабие во многом перекликается с разбором, который в свое время был дан Н. Йоргой. Но у современного автора то преимущество, что ныне яснее осознается историческая объяснимость и закономерность для соответствующей эпохи такого подхода к фольклору, какой практиковал Александри. А большая

¹⁷ Там же, стр. 156.

диалектичность позволяет в должной мере оценить вклад Александри в культуру, при всем понимании преходящего характера тех средств, к которым он порой прибегал.

Вопреки собственному выводу о большей верности ранних публикаций фольклору, Врабие в качестве основного берет текст 1866 г., воспроизведя его в первом томе. Здесь он следует традиционному решению, уязвимость которого нами уже отмечалась.

И лишь во втором томе Врабие вновь обращается к двум более ранним источникам: одной из публикаций конца 40-х — начала 50-х годов и рукописи 814, начала 60-х. Но он не воспроизводит их полностью, а выписывает в два параллельных столбца разнотения между этими источниками и книгой 1866 г. Приложение, хотя бы частично отражающее ранний вид текстов, появляется впервые, и в этом отношении издание Врабие предлагает нечто большее, чем все предыдущие.

И все же второй том вызывает серьезные замечания фактического и теоретического порядка.

Приходится, во-первых, сожалеть, что из ранних берется лишь какое-то одно издание (чаще всего еженедельник «Буковина»), а другие оставляются в стороне (в одних случаях это еженедельник «Зимбру», в иных — яссский сборник 1852—1853 гг.; при сличении песни «Сырб-Сэрак» не привлекается ранняя рукопись, хорошо известная издателю). Разнотения между этими близкими по времени источниками обычно не велики, но в отношении некоторых трудно согласиться, что они «не являются чувствительными», как пишет Врабие (Александри, 1965, II, 6). Причем важны они не только сами по себе. Совсем не лишие проследить, какими реальными пределами они ограничены и есть ли в этом смысле разница между разнотениями в текстах конца 40-х — начала 50-х годов и разнотениями в текстах 60-х годов, между разнотениями первых текстов и теми, что отличают позднейшие варианты от наиболее ранних. Пока мы этого точно не знаем, нельзя судить окончательно, изменились ли принципы редакторской работы Александри в 60-е годы.

Во-вторых, малоудобен и спорен в своей основе сам принцип подачи разнотений. Получается, что вперед (т. е. в первый том) вынесен не исходный, а позднейший, вторичный текст (варианты 1866 г.). И к нему в качестве разнотений даются строки из текстов, которые фактически ему предшествовали. Такая подача ведет нас вспять (от позднейшего текста к более ранним), против того движения, которое имело место в действительности (от раннего текста к последующим). Отметим еще, что тексты 50-х годов, за которыми шли тексты рукописи 814, во втором томе издания Г. Врабие прямо сопоставляются с вариантами 1866 г. Последовательность эволюции нарушена, изъято и перенесено в конец связующее промежуточное звено: варианты рукописи 814. А без учета этого звена, как мы увидим позднее, у некоторых авторов создается превратное представление, что речь идет о разных за-

лисях песни. Так или иначе, вместо реального исторического ряда $A \rightarrow B \rightarrow C$ имеем $A \leftarrow C \rightarrow B$.

Точность приводимого в издании Г. Врабие перечня разночтений недостаточно высока (что и понятно при большом изобилии различий), есть пропуски и ошибки. А это значит, что второй том, не давая полных текстов ранних источников, не обеспечивает и надежной реконструкции их по тексту 1866 г. и сообщаемым разночтениям. Фактически и после выхода в свет издания 1965 г. читатели не располагают текстами в их ранних редакциях.

* * *

Время уже давно решило вопрос о том, признавать или нет заслуги Александри перед фольклористикой. Созданием первого в Молдавии и Румынии крупного фольклорного сборника Александри обессмертил свое имя. По меткому определению Б. П. Хашдеу, Александри — Колумб народной поэзии молдаван и румын, и эта оценка его неоспорима.

Но очень важно установить, какие именно тексты Александри обладают большей документальной ценностью для фольклористики. Неправильно думать, будто наличие скрупулезных записей собирателей позднейшего времени освобождает от необходимости решать этот вопрос. Если иметь в виду героические песни, то можно определенно сказать, что записи Александри навсегда сохранят свое особое значение. Это самая ранняя широкая фиксация живой эпической традиции, еще не идущей к своему закату и не подверженной обратному влиянию изданий эпоса. Мы уже не говорим о том, что в собрании Александри есть поэмы, которые больше никогда не встречались собирателями («Сырб-Сэрак», «Грозован»).

И если предвидится возможность привлечь из наследия Александри тексты, достоверность которых выше тех, какими ученые оперируют в настоящее время, цитируя книгу 1866 г., то не воспользоваться такой возможностью было бы непростительно.

Необходимо заново, уже на фольклористической основе, исследовать вопрос — какие тексты народных героических песен собрания Александри правомерно считать основными. Для этого требуется привлечь и изучить все имеющиеся источники, начиная с самых ранних, чтобы установить, в каких из них авторская воля сказителя претерпела наименьшие изменения. Понятно, что такая работа должна быть проведена по каждой песне в отдельности. В данной статье целесообразно ограничиться наиболее важными и характерными случаями¹⁸.

¹⁸ При цитировании источников разных лет тексты не унифицируются и воспроизводятся славянским или латинским шрифтом в зависимости от графики оригинала.

Необходимо иметь в виду, что в орфографии Александри есть много «непривычного» и неясного, требующего специальных лингвистических изысканий.

«СЫРБ-СЭРАК» («СЕРБ-БЕДНЯК»)

Эта песня — единственная, сохранившаяся в рукописи Александри периода первых его публикаций. Речь идет о копии, которая обнаружена среди писем В. Александри (а также Н. Бэлческу, И. Александри и Д. Болинтиняну) к братьям Хурмузаки (Р 3349, л. 60—61 об.). Напомним, что один из братьев Хурмузаки (Александр) издавал в Черновцах газету «Буковина» и поместил в ней целый ряд народных песен из коллекции Александри, а также знаменитое письмо собирателя о народной поэзии.

Песня переписана рукой Александри и занимает все четыре страницы двойного листа почтовой бумаги. Заглавие Александри вывел латинскими буквами, а текст песни — славянскими. Над заглавием — надпись другими чернилами: *Poesii poporale romanesci*¹⁹. В конце поставлена звездочка, отсылающая к сноске в нижней части страницы: *Vezi n-rii 32, 33, 36 din 1849 și n-rii 2, 4 din 1850 (Bucovina)*²⁰. Последнее слово вписано карандашом. За исключением этого слова обе приписки совпадают с рубрикой и пояснительной сноской, которые сопровождают публикацию песни «Сырб-Сэрак» в газете «Буковина» за 8 февраля 1850 г. (№ 8, стр. 35). Следует заключить, что сохранившийся среди бумаг братьев Хурмузаки двойной лист с песней о Сырбе — именно тот список песни, который был в свое время послан Александри в Черновцы на имя Хурмузаки и по которому, вероятно, песня набиралась при публикации в «Буковине». Характерно, что и в газете — как в рукописи — название рубрики и заглавие песни даны латиницей, а текст песни — кириллицей (с заменой некоторых букв: там, где в рукописи ъ, в печатном тексте — ѿ).

31 августа 1850 г. песня «Сырб-Сэрак» была помещена в газете «Зимбру» (№ 18, стр. 68—70), а позднее вошла в ясский сборник (Александри, 1852, 46—52). Текст рукописи 3349 и указанных трех публикаций 1850—1852 гг. — один и тот же, хотя имеются и некоторые различия. По-разному пишется имя героя. В заглавии текста из рукописи 3349 — *Serb-Sarac*²¹, но в самом тексте — Сърб-Сърак. В «Буковине» при том же заголовке и «Зимбру» («Сърб-Сэрак») в тексте — Сърб-Сърак (за исключением варианта в 24 строке «Буковины» — Серак; возможно, это опечатка) и Сърб-Сърак, изредка — Сарак (в «Зимбру»). Лишь в сборнике 1852 г. всюду Сърб-Сърак. Скорее всего, это читается как Сырб-Сэрак — наиболее естественное звучание.

¹⁹ «Народные румынские стихотворения».

²⁰ «См. № 32, 33, 36 за 1849 и № 2, 4 за 1850 гг. («Буковина»). Перечислены номера газеты «Буковина», в которых напечатаны песни из собрания Александри.

²¹ Здесь и в других аналогичных случаях опускаем конечное лат. ѿ (соотв.: ѿ), относительно которого известно, что при чтении оно не произносилось.

Лексических отличий в сущности два, причем оба в яссском издании 1852 г.: враг кормит своего коня «цветущим клевером» — «ку флоаря трифоюлуй». В рукописи 3349, «Буковине» и «Зимбру» называется гиждеу, т. е. разновидность клевера («ку флоаря гиждеюлуй»). 132 стих в издании 1852 г. — «пе Харап ыл урмэря» («арапа преследовал»), а в рукописи и в обеих газетах — «бидивиул урмэря» («скакуна преследовал») ²².

Приведем перечень основных слов, написание или форма которых не идентичны. В первом столбце указывается порядковый номер стиха, во втором дается написание рукописи 3349, в трех последующих столбцах — разночтения «Буковины», «Зимбру» и первой части яссского сборника (1852) — если разночтения имеются.

	Р 3349	Буковина	Зимбру	1852	Перевод
5	саяоа			сехоа	рубаха
13	галбенул	галбенул			золотой
29	сэ-л кумпэ- неск		сэ-л кумпэ- неск	сэ-л кумпэ- неск	чтобы я его взве- сил
52	ва кыштига			а кыштига	выиграет
61, 105,					
139	арап			Харап	арап
104	арипеле			арипиле	крылья
122	зилеле		зилиле		дни
127	ярэшь	ярэ-шь		ярэ	опять
139	Пе арапу-л ажуняя		... ажюняя	Пе харап ыл ажюняя	арапа настигал
146	чунт	чунг (сино- ним)			однорукий, искалеченный
158	〈еа ыл〉 рекоря			рэкоря	освежала
160	〈еа〉 ... ми-л стриняя		... стриняя	... ши-л стриняя	обнимала его
162	〈пунтъ〉 кэ-мъ Фечя			кэ фечя	устраивал (свадьбу)

Наблюдаемые различия неодинаковы. Изредка не совпадают морфемы (строки 127, 139, 160, 162). Иногда словно восстанавливается форма народной речи (особенно молдавской): галбенул, кумпэнеск, а вместо ва, арипиле, зилиле, ажюняя ²³. Происходит это спорадически, обычно не во всех публикациях (чаще — в яссском сборнике).

Несовпадения резко умножаются и усугубляются, когда с текстом 50-х годов начинаем сопоставлять позднейшие: из рукописи 814, начала 60-х годов и сборника, изданного в 1866 г.

²² Между прочим эти специфические детали текста 1852 г. прослеживаются в более поздних текстах, рукописи 814 и издания 1866 г., из чего надо заключить, что при дальнейшей работе над песней «Сырб-Сэрак» Александри пользовался яссским сборником 1852 г. или рукописью, которая легла в его основу.

²³ Случай с Харапом вместо арапа — особый. Восточнороманский фольклор знает обе формы. Для молдаван, пожалуй, привычнее Харап (ср. хотя бы сказку И. Крянгэ «Харап алб», т. е. «Белый арап»).

В рукописи 3349 и публикациях 1850—1852 гг. песня «Сырб-Сэрак» содержала 166 стихов. Из них в рукописи 814 отсутствуют 30, свыше 30 видоизменены, налицо новых 27 строк. Одни изменения, сокращения и дополнения осуществлены еще до того, как песня переписывалась в тетрадь, известную ныне как рукопись 814. Они самые многочисленные. Другие сделаны по ходу переписывания и при последующем чтении.

Обзор различий следует начать с того, что в рукописи 814 опущена прежняя характеристика героя: «Войничел ши спринтенел, //Дар сэрак ка вай де ел» («Могучий и ловкий, // Но увы, какой бедный»).

Внесен ряд уточнений исторического свойства. Новая строка рукописи 814 поясняет, в каком именно месте Цариграда оказался Сырб-Сэрак, когда приехал в турецкую столицу: «La fîntîna lui Murad» («у колодца Мурада»). Рядом с этой строкой в скобках — слово се şmeaşa («фонтан»). В дальнейшем, в тексте 1866 г., опо заменит слово «колодец»²⁴. Академик Н. Йорга приведет эту строку 1866 г. в качестве примера «необычайной исторической осведомленности»: «Сырб-Сэрак» в воспроизведении Александри хорошо знает, что в Цариграде есть «фонтан Мурада», имя которого следует писать именно так»²⁵.

Когда по ходу повествования Сырб-Сэрака окружают жители Цариграда и принимаются расспрашивать его, новое двустишие рукописи 814 называет по имени того, кто задает вопрос: «Ear unul, Hagî Baba, // Pe voinic îl întreba» («А один, Хаджи Баба, // У воиника спрашивал»). Правда, судя по изданию 1866 г., Александри впоследствии отказался от этого двустишия и ничем его не заменил. Почти то же самое произошло с другой вставкой — описанием внешности слуги султана, охраняющего гарем. В рукописи 814 это описание состоит из четырех строк, из которых две новые, а две варьируют текст начала 50-х годов. В издание 1866 г. не вошли новые стихи описания слуги («Cel cu buze roşii, late, // Si cu-n gheieb rotund în spate» — «Тот, с красными, толстыми губами// // И с круглым горбом на спине»). Остались только старые, но с большими изменениями (ср. деталь, которой не было ни в первых публикациях, ни в рукописи 814: «gas pe cap» — «с бритой головой»).

Особенно сильно изменилось по сравнению с текстом 50-х годов описание поединка между Сырб-Сэраком и слугой султана. Сырб-Сэрак должен во что бы то ни стало победить в скачке, иначе вперед выйдет его основной соперник, слуга султана и ему будет отдана в рабыни девушка, томящаяся за решеткой.

²⁴ Отсутствие строки о колодце Мурада в ранней публикации песни и ее изменение не отражены в перечне расхождений издания 1965 г. (Александри, 1965, II, 93). В то же время указывается, будто не было следующего стиха, который на самом деле в тексте 1850 г. имеется («Плимбэ-ми-се Сырб-Сэрак» — «Разъезжает Сырб-Сэрак»).

²⁵ Йорга, 1909, стр. 162—163.

Слуга султана (это «кызларь, сторожащий гарем») прибегает к коварной уловке («Остановись, подкова у коня оторвалась!»), и в ответ на это Сырб-Сэрак выбивает его из седла, а сам устремляется вперед и приходит первым. 13 строкам, которые прежде изображали эту сцену, в рукописи 814 соответствуют девять новых. Особенно заметно различается окончание скачки. В раннем тексте Сырб-Сэрак подхватывал кольцо (халкауа) и доставлял султану:

Ел ла фугэ нурчедя	Он устремился вскачь
Ши халкауа мъ-о приндя,	И подхватил кольцо,
· · · · ·	· · · · ·
Султанулуй о дучя.	Султану его доставил.

В рукописи 814 другие действия и детали, а султан назван падишахом, т. е. титулом, который в молдавском и румынском народном эпосе не встречается:

Si'nainte (одно слово вычеркнуто, — B. Г.) alerga,	И вперед поскакал,
Si năsrama și-o lega	И свой платок привязал
De halcaoa-trärrätească,	К кольцу государеву,
Patissahul s-o privească!	Чтобы падишах его видел!

Часть новых стихов, описывающих сцену состязания, сохранена и в издании 1866 г. Но добавлены и другие. Сырб-Сэрак оглушает кызляря двумя оплеухами. Об этом говорится в двустишии, которого раньше не было. Далее описывается, что слуга султана: 1) сброшен с коня, 2) катится по земле, 3) остается лежать в поле. Первое действие изображено стихами из рукописи 814 (два стиха), второе — новыми, принадлежащими только изданию 1866 г. (четыре стиха) и третье — двустишием из текста начала 50-х годов, вычеркнутым в рукописи 814 и опять восстановленным. Текст последнего издания по существу складывается из трех компонентов. Третью редакцию в 1866 г. обретает рассказ о победе в скачках. На этот раз оказывается, что надо попасть копьем (*djerdiul*) в кольцо. После меткого броска Сырб-Сэрак подъезжает к султану, чтобы по-мусульмански приветствовать его:

...se-nchina	...поклонился
Cu adîncă temenea.	С почтительным теменя ²⁶ .

Но вернемся к рукописи 814, чтобы отметить преобразование или замену некоторых бесспорно фольклорных строк. В раннем тексте при описании одежды героя применен стабильный стих,

²⁶ Ср. *turcet* [temenna, temennah] — «форма восточного приветствия (прикладывание руки к губам и лбу)» (Русско-турецкий словарь. М., 1945, стр. 605).

встречающийся во многих произведениях восточнороманского эпоса: «Вицеле' мплетите' н шасе» — «Из нитей, витых в шестеро». Текст из рукописи 814 предлагает другой стих (в издании 1866 г. его не будет): «Се la piele-i recoroasă» — «⟨Одежда⟩, от которой телу прохладно». Суть не только в отказе от традиционной формулы, но и в том, что сменились критерий определения, вызываемые им представления и ассоциации. Будет верно сказать, что оба стиха принадлежат разным стилевым системам. Второй явно тяготеет к литературной стилистике.

В другом месте исходного текста 50-х годов было двустишие, содержащее, между прочим, колоритное диалектное слово «мынештергур» («утиральник») и одну из устойчивых эпических «микроформул» (см. второй стих):

Кү мынештергүл штержя.
Ши ла сын кэми-лstryнжя. Утиральником его утираля
И к груди его прижимала.

Эти строки первоначально оставались в рукописи 814, но затем были в ней зачеркнуты (Р 814, л. 61). В тексте 1866 г. они уже не появляются, а на том же месте — другая строка: «Си пâграма-1 recorea» — «Платком его овевала».

Вместо старого именования коня — мургул, т. е. «гнедой», — почти во всех соответствующих строках песни появляется другое: negrul, т. е. «вороной». Это видим и в рукописи 814 и в издании 1866 г.²⁷ (правда, 124-я строка текста 1866 г. дает уже третье в ней наименование коня: Soimut — «соколенок»).

В тексте рукописи 3349, «Буковины», «Зимбру» и яссского сборника Сэрб-Сэрак восклицает, обращаясь к девушке-узнице:

Сэ н'ай фрикэ Не страшись
Де нимикэ! Ничего!

Эти строки есть не только в рассматриваемом произведении. Такими же словами успокаивает, например, свою сестру могучий Дончилэ, персонаж другой народной героической песни. Иначе говоря, перед нами одно из loci communes. Но в рукописи 814 (л. 14) устойчивость оказывается нарушенной. Приведенные строки объединены в одну и получают продолжение, которого эта формула никогда не знает:

Să n-ai grijă de nimică,
Floare de sarai dalbică!

Не опасайся ничего,
Цветок белый (турецкого) сарая.

По ходу изложения указывалось, что отдельные вставки и изменения, появляющиеся в рукописи 814, позднее, в тексте

²⁷ В трех случаях название различие между текстами 1866 и 1850 гг. в указателе расхождений издания 1965 г. не отражено.

1866 г. принятые не были. Отменено и только что приведенное исправление. Но в издании 1866 г. обнаруживаются другие вставки, выдержаные в том же ключе. Дважды встречается, например, следующее обращение Сырб-Сэрака к девушке (56—57 и 91—92 строки текста 1866 г.)²⁸.

Floricică din zebrea, Цветочек из-за решетки,
Resărătă în calea mea! Взошедший на моем пути!

По существу перед нами вариация того же новонайденного образа и столь же патетическая форма выражения.

В этом же стилистическом ряду — другие строки, введенные в текст последнего издания. Ср., например, 80-й стих текста 1866 г.: уподобление клевера, которым противник героя кормит своего скакуна, «сладкой райской пище» («Нгана dulce- а гаи-лui»). Ни в одном из более ранних текстов подобного стиха не было.

«ЕРКУЛЯН»

Единственная публикация этой песни в 50-е годы — в первой части яссского сборника (Александри, 1852, 81—84). Позднее песню о Еркуляне находим в рукописи Александри начала 60-х годов (Р 814, л. 19—19 об.) и в издании 1866 г. (Александри, 1866, 14—15).

По существу «Еркулян» — вариант эпической поэмы о богатыре-охотнике Йорговане. Причем он ближе всего к текстам с балладно-романическим толкованием сюжета и концовкой, рисующей счастливую встречу героя с девушкой, которая становится его женой (укажем, что в древнейшей версии повествуется не о поездке за невестой, а об охоте на злую кудесницу, «дискую деву из под камня», и герой часто погибает).

Нельзя утверждать, что в тексте Александри, — мы говорим о самом раннем, яссском издании, — все принадлежит народной традиции. Александри хотелось видеть в данной поэме отзвук «тех веков, когда господство римлян в Дакии было в зените и когда были столь известны среди Траяновых колоний Воды Геркулеса в Банате»²⁹ (т. е. в той местности, где протекает река Черна, упоминаемая в разбираемом эпическом произведении). Отсюда, очевидно, в тексте Александри имя героя — Ерку Еркулян, производное от Херкуле (Геркулес) и вместе с тем оформленное по образцу исконного песенного — Йоргу Йоргован. Что в песне из собрания Александри идет речь о том же герое, доказывается

²⁸ Указатель издания 1965 г. только в одном случае фиксирует отсутствие этого двустишия в тексте 1850 г.

²⁹ Александри, 1852, стр. 98.

пояснением самого поэта: «Еркулян или Йоргован» (Александри, 1852, 99)³⁰.

Местами в тексте 1852 г. улавливается романтическая экспрессия, тоже, по-видимому, привнесенная поэтом. Но вместе с тем значительная часть изложения близка другим вариантам песни, из чего надо заключить, что в 1852 г. исправлению подверглись только некоторые строки.

В рукописи 814 у песни сильно обновленный вид. Полностью или частично изменена 21 строка — четверть этого небольшого текста. Добавлено восемь новых строк.

В тексте 1852 г. имелись строки:

Ятэ ун Еркулян, Вот Еркулян,
Ятэ ун капитан. Вот капитан³¹.

В рукопись 814 это двустишие было сначала переписано без изменений. Но затем Александри стер слово «капитан» (следы его угадываются в рукописи) и написал другое слово: Râmlean, т. е. «Римлянин». Стока зазвучала по-новому: «Iată un Râmlean» («Вот Римлянин»). Подобное исправление, явно продиктованное стремлением преобразить богатыря в героя древней Романии, последовательно осуществлено во всем тексте: так, вместо старой строки «Мынду Кэпитан» («Славный капитан») в рукописи 814 трижды находим новую — «Capitan Râmlean» («Капитан Римский»).

В публикации 1866 г. указанные поправки сохранены, причем первая даже усиlena:

Iată-un căpitan, Вот капитан,
Căpitan Râmlean. Капитан Римский.

Старой строке 1852 г. «Славный капитан» во всех трех случаях соответствует, как и в рукописи 814, новая: «Капитан Римский» (профессор Врабие, отмечая разнотечения между самым ранним и самым поздним текстами «Еркуляна», в первом из трех случаев замену строки «Славный капитан» не фиксирует. — Александри, 1965, II, 23).

В рукописи 814 в двух местах убрана традиционная для данной песни локализация действия: опущено название реки Черны. Первый раз это сделано с целью избежать кажущегося противоречия между строками о едущем герое: «По Черне, вверх» (этой строки не стало) и «По Черне вниз». Второй раз (в обращении героя к реке — «Черно лимпезие», т. е. «Прозрачная Черна») название реки заменено новым, неизвестным восточнороманскому

³⁰ Это пояснение повторено и в рукописи 814 (л. 19 об.), но затем зачеркнуто в ней карандашом. В издании 1866 г. его уже нет.

³¹ Здесь — вожак.

народному эпосу, но очень напоминающим зато имя Нерея, морского божества древнегреческой мифологии, и Нереид, его дочерей, нимф моря: «Neră limpezie» («Прозрачная Нера»).

Новыми являются стихи, рисующие облик девушки. Они свидетельствуют о приверженности поэта к романтической манере изображения:

Cît o și zărește,	Едва ее увидит,
Soarele s-oprește,	Солнце останавливается,
Și fața i s-aprinde	И лицо его вспыхивает,
Și raza-i se-ntinde,	И луч его тянется к ней>,
Ca un sărutat,	Словно поцелуй,
Lung și încocat.	Долгий и страстный.

Причем к этим строкам в рукописи 814 прибавились еще две, приписанные карандашом:

Cu păr aurit,	С золотистыми волосами,
Pe umeri leit.	Льющимися по плечам.

Академик Н. Йорга, которому не было известно, что эти строчки вписаны в рукопись 814, тем не менее цитировал их как пример того, что Александри «стараётся добавлять украшения, т. е. выпливать городские цветы по канве простонародного узора»³².

Все восемь дополнительных стихов рукописи 814 содержатся и в издании 1866 г.

«МИХУ КОПИЛУЛ»

Остановимся прежде всего на ранних публикациях данной песни: в «Буковине» за 22 марта 1850 г. (№ 20), в «Зимбру» за 25 сентября того же года (№ 25) и в первой части яссского сборника (Александри, 1852, 60—72).

В основном тексты названных публикаций Александри совпадают. Правда, заметны колебания в написании ряда слов, в какой-то мере объясняемые отсутствием единого правописания: сэпат («вскопанный»), хаулинд («покривая»), сырмэ («проволока») и сирмэ (1852), зиоа («день») — в «Буковине» и сборнике 1852 г.; сапат, хэулинд, сырмэ, зиуа — в газете «Зимбру». Различны в одном и том же контексте отдельные грамматические формы и вспомогательные слова, совпадающие по значению: ярэшь, т. е. «опять» («Буковина» и сб. 1852 г.) — ярэ («Зимбру»); ш'аст-фел, т. е. «и так» («Буковина») — ши аша («Зимбру») — ш'аша

³² Йорга, 1909, стр. 157.

(сб. 1852 г.). Изредка в той же строке песни одни слова заменены другими ³³.

Стихов, которые различались бы полностью, немного. Так, стихам «Буковины» «Кодрий сэл умбряскэ» («Пусть кодры тень над ним держат») и «Бунь де витежие, // Унде-а фи сэ фие» («Готовые к богатырскому бою, // Где бы он ни был») в «Зимбру» и сборнике 1852 г. соответствуют: «Пи-н фрунзэ сэ хоцяскэ» («И в лесу пусты разбойничает») и «Бунь де хайдучие, // Вредничъ де хоющие» («годные в гайдуки, // Достойные разбоя»). Вместо двустишия из «Буковины» и «Зимбру» «Пе мургул с'арункэ, // Весел се порнеште» («На гнедого вскакивает, // Весело трогается») в сборнике 1852 г. — один стих: «Плякэ пе потикэ» («Уезжает по тропинке»). В тексте 1852 г. налицо два поэтических уточнения, отсутствующих в «Буковине» и «Зимбру»,

1850	1852
Ла дес пэлтиниш — В густой роще.	Ла дес пэлтиниш, Мэрунт алуниш — В густой роще, В мелком орешнике.
Стэ, ынкременеште — Стоит, столбенеет.	Стэ, ынкременеште, Окий ышь цинтеште — Стоит, столбенеет, Глаз не отводит.

В то же время в «Буковине» находим аналогичное уточнение в виде второй дополнительной строки, отсутствующей в «Зимбру» и сборнике 1852 г.:

Весел киуск, Кодрул векъ трезеск.	Весело кричат, Будят старый лес.
--------------------------------------	-------------------------------------

В тех же двух публикациях недостает четырех строк, имеющихся в «Буковине». Фольклорность их представляется спорной:

Унгурений тоцъ, Луй Януш непоцъ Стай ынкременицъ Пе гындуурь порницъ.	Венгры все, Януша внуки, Стоят, остолбенев, В мысли уйдя.
--	--

³³ Ср. валия кү'н плоп («долина с тополем»), вултурий («орлы»), адунате («собранные») в «Буковине» и, соответственно, валия де плопъ («долина тополей»), шоймий («соколы»), ыкэркате («увешанные») — в «Зимбру» и сборнике 1852 г.; «Армеле чокнеск» («брончат оружием») в «Буковине» и сборнике 1852 г., «Пахаре чокнеск» («стаканами стучат») — в «Зимбру».

А в «Буковине» явно пропущены восемь стихов, завершающих «Зимбру» и сборнике 1852 г. пролог песни:

Мержे ши се дуче,	Конь идет и идет,
Яр Миху-й тот зиче:	А Миху все говорит:
«Хай, мургуле, хай,	«Ступай, гнедой, ступай
Пе коастэ де плай,	На пригорок,
Ла поянэ грасэ,	К поляне тучной,
Думбравэ фрумоасэ	К дубраве красивой,
Ку ярбэ 'нверзитэ,	Травою покрытой,
Ку флорь ынфлоритэ».	Цветами расцвеченнай».

Приведенные разнотечения, за исключением последнего, скорее всего — результат редакторской работы над одним и тем же текстом песни «Миху Копилул». Причем факты показывают, что на этом этапе редактирование не было очень значительным. Что касается последнего случая (наличие в двух публикациях восеми стихов, недостающих в «Буковине»), то здесь нельзя усматривать произвольное вмешательство в текст. Приведенные стихи вполне фольклорные. Возможно, их отсутствие в отдельных публикациях начала 50-х годов объясняется недосмотром при снятии копии или наборе.

Совсем иную картину представляют тексты 60-х годов: в рукописи «Народных стихотворений» (Р 814, л. 16—18) и издании 1866 г. (Александри, 1866, 62—68).

При сравнении с текстом сборника 1852 г., взятым Александри за основу³⁴, в рукописи 814 обнаруживаются весьма радикальные изменения. Причем последний слой этих изменений наглядно представлен в самой рукописи: в ряде мест есть вычеркнутые строки и исправления. Всего из старого текста устранено более 50 стихов. Например, в самом начале песни уже в рукописи 814 зачеркнуты стихи «Păunaș de codru, // Vătăjel de lotru» («Павлин лесной, // Вожачок разбойников»), представляющие общее место ряда гайдуцких песен. В прологе нет 11 строк, в том числе — большей части прежнего обращения Миху к своему копию («Гнедой, доверься // Этим крепким рукам...» и т. д.). Заметна тенденция убирать типичные для эпического повествования повторения: палиологические, синонимические и др. (По справедливому заключению Врабие, эта тенденция вообще характерна для работы Александри над стилем народных текстов.)

Надо заметить, что в редакции 1866 г. восстановлены многие строки, убранные в тексте рукописи 814. Многие, но не все, а некоторые — не в исконном виде. Например, две строки начала, приведенные выше, выглядят уже совсем иначе: «Păunaș de frunte, // Copilaș de munte» («Павлин из первых, // Юноша горный»).

³⁴ Одно из исключений — пропуск восеми стихов из пролога, которые, как уже указывалось, были в тексте 1852 г. Но шесть из них вновь появятся в 1866 г.

Здесь сохранено только начальное слово, а последующие, определяющие, заменены другими, что меняет характеристику героя: он уже не разбойничий вожак.

В то же время в рукописи 814 не менее 40 новых строк, причем почти все они сохраняются и в редакции 1866 г. Лишь иногда можно предполагать, что добавлены народные строки (например, в ответе коня: «Узда не режет, // Подпруга не давит...»). Чаще — это явные авторские стихи. Примером могут послужить следующие строки, в отношении которых в издании Врабие (Александри, 1965, II, 63) неправильно указано, что их не было в рукописи 814. Приведем выписку из рукописи (Р 814, л. 17 об.) с указанием основного изменения 1866 г.:

Cruntă-i luptă lor,	Жестока их схватка —
Că e pe omor,	Кто кого убьет.
Cine va <1866: са> pica,	Кто упадет,
Nu s-a mai scula.	Тот больше не встанет.

Детали романтического арсенала появляются в обрисовке героев. Такова, например, новая строка «Cu flori în <1866: ре>obraz» (букв.: «С цветами в <1866: на> лице»); отсутствие ее в тексте 1850 г. не отмечено у Врабие. Обычное в эпосе образное именование витязя «детенышем змея» («пуишор де змеу») заменено следующими строками:

Tocmai ca doi tauri, <Бьются> точно два тура,
Sau ca doi balauri. Или как два дракона.

Усиления 1866 г.— в том же поэтическом стиле:

Ca doi zmei, ca lei, Как два змея, как львы,
Ca lei paralei! Как львы — чудовища!

Характерное добавление имеется и в сцене битвы с врагом: «<Ianus> Turbează și sare» («<Януш> Взбешенный, вскаивает»). Впрочем, оно, вероятно, было сочтено неуместным и в тексте 1866 г. урано.

Не так получилось с большим монологом героя. Вместо стихов, в которых Миху Копилул убеждает коня довериться его неподолимой силе, в рукописи 814 одиннадцать новых — оничтожестве врагов. Причем это место в рукописи (л. 16 об.) сохраняет следы авторской работы: четвертая строка вписана вместо какой-то другой, зачеркнутой; стерта еще одна строка, которая была бы двенадцатой в новом, вставленном отрывке. В тексте 1866 г. стихи о силе Михула восстановлены. Но сохранена (с правками) и уничижительная вставка о врагах³⁵. Она имеет

³⁵ В критическом издании 1965 г. в песне «Миху Копилул» (текст 1866 г.) здесь купюра; отмечено отточием без цифр изъятие одной строки, хотя опущено десять (Александри, 1965, I, 150). Отсюда — аналогичная количественная неточность в справедливом указании, что соответствующего места не было в тексте «Буковины» (там же, II, 61). Теряет смысл и различие из текста рукописи 814 к одной из сокращенных строк.

вид некой «этнической характеристики» Унгура и поражает своей искусственностью. Не подлежит сомнению, что это добавление, чуждое песне. Профессор Врабие относит его к числу «патриотизаторских передержек (exagerări patriotarde) поэта» (Александри, 1965, I, 68—69).

Немало в издании 1866 г. более частных исправлений, впервые появляющихся в рукописи ³⁶. Наряду с этим налицо новые вставки и редакционные изменения. Например, добавились следующие стихи о сбруе и оружии богатыря:

Ori frîul cu fluturi,	Или повод с мотыльками,
Ori scumpele rafturi,	Или дорогая сбруя,
Ori armele mele,	Или оружие мое,
Ce lucesc ca stele.	Что блестит как звезды.

В итоге всех нововведений и поправок текст песни примерно на треть состоит из стихов, которых не было в исходном варианте.

«НОВАК И ВОРОН»

Самый ранний у Александри текст песни под данным названием — во второй части яссского сборника (Александри, 1853, 58—63). В рукописи 814 это произведение отсутствует, но в издании 1866 г. его находим вновь (Александри, 1866, 144—147).

Сопоставление текстов 1853 и 1866 гг. приводит к заключению, что песнь о Новаке подверглась особенно существенным изменениям (таково же мнение проф. Врабие: Александри, 1965, I, 68). Достаточно сказать, что из старого текста сохранено со всеми специфическими подробностями не более 30 стихов, а около 80 исключено. В то же время в издании 1866 г. не менее 90 стихов, которые отсутствовали или выглядели иначе в 1853 г.

В разбираемом произведении описывается поездка сына Новака, Груи, в турецкую столицу, где он попадает в плен; Новак узнает, что сын заточен в темницу, спешит на помощь и освобождает его.

В тексте 1853 г., в других вариантах песни и вообще во всем восточнороманском героическом эпосе турецкая столица имеется только Цариградом (варианты: Цэриград, Цэлиград и др.). В издании 1866 г. песня «Новак и ворон» называет турецкий город Стамбулом (ст. 15), хотя в дальнейшем дважды встречается прежнее название, Цариград (ст. 23 и 124).

³⁶ Ср., например, переделку многократного обращения Януша «Вой, воин-чилор» («Вы, воинники») на «Voi, vitejilor» («Вы, витязи») и «Voi, copililor» («Вы, дети»); эта замена в указателе разнотипий издания 1965 г. не всегда отмечена.

В сборнике 1853 г. песня начинается следующим образом:

Фрунзэ верде мэндэнак	Лист зеленый мэндэнак ³⁷ ,
Фост-ау, чикэ, ун Новак	Жил, говорят, Новак
Ш'ун фичор мындура авя,	И славного сына имел,
• Кэруй Груя ый зичя.	Которого Груей звали.

И обращение к зеленому листку (обычный песенний запев) и содержание трех последующих строк — вполне традиционные. В тексте 1866 г. запев опущен. Начальной стала прежняя вторая строка, а дальше идут новые строки, объясняющие, кто такой Новак. Они обнаруживают знакомство с древними документами, где упоминается исторический деятель по имени Баба-Новак — знаменитый сербский гайдук, который в 1600 г. перешел в Валахию и стал одним из военачальников господаря Михаила Храброго. В эпосе память об этих фактах не сохранилась, хотя и предполагается, что реальный Баба-Новак послужил прототипом мучего богатыря Новака, выступающего в народных героических поэмах ³⁸.

Un Novac, Baba-Novac,	Новак, Баба-Новак,
Un viteaz di-ai lui Mihai,	Один из витязей Михая,
Ce sărea pe șapte cai,	Тот, что вскакивал на семерых
	коней <?>,
De striga Craiova vai!	Так что Крайова ³⁹ кричала ой!

Эти строки назывались не раз, когда заходила речь об «историзованности» текстов Александри ⁴⁰. Следует согласиться, что мнение о нефольклорном происхождении данной вставки 1866 г. справедливо.

Новое имя богатыря, Баба-Новак, встречается в повествовании еще дважды (ст. 84 и 112). А кроме него в начале песни встречаем еще одно именование старого богатыря. Проследим, как появилось оно. В тексте 1853 г. турки восклицали: «Иста-й Груя

³⁷ Непонятное слово. Возможно, искаженное мындулак — диалектное название лесного ореха.

³⁸ Более подробные сведения по данному вопросу см.: В. Г. а. к. Сходное и различное в балканском гайдуком и богатырском эпосе («Песни о Новаке и Груе и проблема жанрово-исторического соотношения молдавского и румынского эпоса с южнославянским»). — «Уч. зап. Ин-та языка и литературы АН МССР», т. Х. Кишинев, 1961, стр. 225—228.

³⁹ Крайова — город в Олтении (юго-западная Румыния), в прошлом — столица Валахского княжества.

⁴⁰ «Новак в песне» не есть, — как хочется верить Александри, который и вносит «в песню» соответствующие изменения, — Баба-Новак, сербский капитан Михаила Храброго» — писал Н. Йорга (N. Й о г г а. *Balada populargă gospodărească. Vălenii-de-Munte*, 1910, р. 30). Г. Врабие находит, что приведенные стихи «не чужды «Песни о Михаиле Храбром», одному из собственных творений поэта» (Александри, 1965, I, 68). Только напрасно в числе новых Врабие цитирует стих «Жил, говорят, Новак»; как мы видели, такой стих был в 1853 г.

луй Новак!» («Это Груя, сын Новака!»). В издании 1866 г. за приведенным стихом дан еще один, уточняющий: «Сын Новака КараИфлака». В примечании Александри поясняет, что КараИфлаками турки звали валахов. Здесь, нам кажется, проявилось желание, чтобы турки в песне объяснялись именно по-турецки. Поправки такого рода попадаются и в других песнях. Надо сказать, что иноязычные восклицания в народных текстах бывают. Эту особенность Александри тонко уловил, но нет уверенности, что и «Кара-Ифлак» взят из фольклора. Так или иначе, включение его в песню, где в 1853 г. он отсутствовал, в любом случае есть факт вмешательства в текст, и с этим приходится считаться.

В речи врагов опущены две строки, которые шли дальше: «Ши цэрь мулте а прэдат, // Ши-и урмэ-й фок а лэсат» («И много стран опустошил, // И за собою пепел оставил»). Между тем такая характеристика Новака дается в народных песнях часто и немаловажна для понимания образа богатыря.

Одной строке 1853 г. соответствуют иногда две-три в тексте 1866 г. В числе добавляемых есть, несомненно, авторские строки (например, о переживаниях Груи: «Dor cumplit inima-i seacă, // Plâns de jale mi-l îneacă» — «Страстное желание иссушает сердце, // Захлебывается он в жалобном плаче»). В то же время у части расхождений, устанавливаемых между «Новаком и вороном» 1853 и 1866 гг., есть одна существенная особенность. Специфические стихи 1866 г., главным образом во второй половине песни, зачастую имеют вполне фольклорный вид⁴¹. Так, в варианте последнего издания трижды дается следующая локализация:

În munții Catrinului,	В горах Катрина,
În pădurea Pinului,	В лесу Пина,
La conacul lui Novac.	У дома Новака.

Такой локализации нет в тексте 1853 г. Но вообще песне о Новаке она известна и встречается во многих вариантах.

К этому надо добавить, что последняя часть песни в редакции 1866 г. и в сюжетном отношении сильно отличается от соответствующей части текста 1853 г., что очень редко бывает у Александри (обычно сюжет во всех редакциях одного произведения у него весьма устойчив, как бы ни изменялось изложение как таковое, и это лишний раз доказывает, что разные публикации опираются на одну и ту же фольклорную запись). Согласно публикации 1853 г., Новак приезжает в Цариград, дает туркам деньги, и они отпускают Грую из темницы; выйдя на волю, Груя благодарит ворона, который выполнил его просьбу — помог известить Новака, что сын в беде. В тексте 1866 г. освобождение происходит иначе: пока турки считают деньги, Новак выводит Грую из темницы, они вдвоем уничтожают воинов сultана и воз-

⁴¹ Впервые это отметил проф. Г. Врабие (Александри, 1965, I, 68).

вращаются «В кодры Катрина, // В горы Пина...» При этом в тексте последнего издания содержится хороший образец одного из «общих мест» восточнороманского эпоса — формула боя.

Bate tu marginile, Eu să bat mijloacele, Că le știi soroacele. Ei tăia la turci, tăia, Pîn-ce bine ostenea.	Ты руби слева и справа, Я буду рубить середку, Потому что знаю, как с нею справиться. Они рубили турок, рубили, Пока совсем не устали.
---	---

Профессор Врабие выражает уверенность, что у Александри было два варианта песни «Новак и ворон», чем и объясняется фольклорность звучания несовпадающих с публикацией 1853 г. частей текста 1866 г. (Александри, 1965, I, 68). Это предположение можно конкретизировать. Располагая разными вариантами, Александри не заменил целиком один из них другим. Судя по всему, в первой части песни (до просьбы Груи, чтобы ворон полетел к Новаку) Александри, если и обращался к другому фольклорному варианту, то лишь эпизодически, для одной-двух небольших вставок в прежний текст, взятый здесь за основу. Но подойдя ко второй части, он полностью отказался от первоначального продолжения и заменил его новым, из другого записанного варианта (точнее — из другой версии). Причем и его тоже, выражаясь словами Врабие, Александри «модифицировал порой в своем личном тоне».

Таким образом, текст издания 1866 г. видоизменился не только в том смысле, что вобрал в себя ряд вставок нефольклорного происхождения, но и в том, что вторая часть его теперь замещена отредактированным фрагментом из другого сказительского варианта, в принципе весьма интересного.

«ДОНЧИЛЭ»

Песни о Дончилэ нет в публикациях Александри до 1866 г. Правда, в объявлении, которое помещено в первой части яссского сборника Александри (1852), она значится среди произведений, намеченных к опубликованию во второй части. Тем не менее во второй части она отсутствует.

Впервые у Александри «Дончилэ» появляется в рукописи начала 60-х годов (Р 814, л. 34 об.— 35 об.), а затем включается в издание 1866 г. (Александри, 1866, 112—114). Не исключено, что это один из текстов, полученных от Алеку Руссо (об участии Руссо в собирании материала говорится в предисловии Александри к первой книге народных эпических песен.— Александри, 1852, стр. III). В 1855 г. Руссо приводил отрывок из песни о богатыре Дончу (вариант имени Дончилэ) в своих «Воспоминаниях».

помещенных в яссском журнале «Ромыния литерарэ», редактором которого был Александри. В этом отрывке и в тексте из рукописи 814 есть совпадения, едва ли возможные в разных вариантах ⁴². Впрочем, имеются и расхождения. Возможно, они показывают, какие изменения внес Александри в запись, полученную им от А. Руссо.

Стиху «Ши де мулт заче, мэй фрате» («И давно лежит, брат») в тексте рукописи 814 соответствует «De mulți ani zace pe spate» («И много лет лежит на спине»). Здесь несколько иное содержание строки, но то же количество слов и почти тот же ритм. Слово «spate», как и слово «фрате», рифмуется с окончанием следующей строки, которая совпадает в обоих текстах: «Ноуэ ань ши жумэ-тате» («Девять лет с половиной»).

Дальше у Руссо идет формула, часто встречающаяся не только в эпических песнях, но и в сказках:

Ши ноуэ зиле де варэ,	И девять дней лета,
Ши ноуэ де примэ-	И девять дней весны.
варэ.	

У Александри таких строк нет. Но их опорные, рифмующиеся слова легко обнаружить в стихах, которые находятся на этом месте в тексте из рукописи 814 (третья строка явно добавлена):

Pentru dînsul nu e vară,	Для него нет лета,
Nu e dulce primăvară,	Нет сладостной весны,
Ci numai viață amară.	А только горькая жизнь.

Есть разночтения и в строках о сестре героя, не оставляющей богатыря в беде.

Текст Руссо:

Нумай сорэ-са Стэнкуца,	Только сестра его Стэнкуца,
Нумай сорэ-са, дрэгуца,	Только сестра его, милая,
Нич л-а уйтат, нич лэсат.	Не забыла его, не оставила его.

Ср. с текстом рукописи 814:

Numai sora lui Ancuța,	Только сестра его Анкуца,
Mîndrulica Româncuța,	Славная Ромынкуца (т. е. румынка). — В. Г.)
Nici l-au lăsat, [nici uitat.	Не оставила его, не забыла его.

Здесь вновь совпадают ритм и рифма, хотя имя сестры — другое, а во второй строке вместо «дрэгуца» стоит слово «Ромынкуца».

⁴² В частности, нигде больше не встречаются следующие строки, совпадающие у Руссо и Александри:
Суб чел пэр маре дин сат
З аче Дончу ынтр'ун пат.

Под той большой грушей в селе
Лежит Донч в постели.

Наконец, у Александри находим две строки, которые отсутствуют и в записи Руссо и в других вариантах песни.

Şi el se roagă tot mereu, И он все молится,
Să-l sloboadă dumnezeu. Чтобы господь его избавил.

Очень похоже, что во всех указанных случаях разночтения носят вторичный характер и появились в результате переделки тех стихов, первоначальную фольклорную форму которых следует усматривать в тексте Руссо.

По-видимому, в песне о Дончилэ из рукописи 814 есть и другие привнесения. Но об этом приходится только догадываться, потому что запись Руссо, вероятный прототип данного текста, известна нам лишь по отрывку, который процитирован в «Воспоминаниях».

Таким образом, полностью текст из издания 1866 г. мы можем сличать только с текстом рукописи 814. Это единственный сохранившийся предшественник последней редакции.

Прежде всего в тексте 1866 г. обращают на себя внимание две вставки. Первая из них — уподобление сестры богатыря лучафэру, т. е. утренней звезде, и «ожерелью государя»:

Luceafărul satului, Лучафэр селá.
Salba împăratului. Ожерелье государя.

Кстати сказать, по ходу повествования в тексте 1866 г. «лучафэр» появляется еще раз. Заплаканные глаза сестры раньше сравнивались с красными звездами, теперь они уподоблены двум «красным лучафэрам».

Другая вставка вносит своеобразное историческое уточнение. Иноzemный насильник получает имя — Крым-Ходжя. По-видимому, оно должно показать, что речь идет о крымском хане. Вот вставленное двустишие:

Şi-ntr-o clipă agiungea И вмиг оказался
La cortul lui Crîm Hogea. У шатра Крым-Ходжи.

Обе вставки надо признать нефольклорными.

Дважды встречается новый вариант имени сестры — Аникуца. Первый раз оно заменило слово «мындурилика», создавая усилительное повторение:

Numai soră-sa, Aneșa, Только сестра его Аникуца,
Anicușa, Româncușa. Аникуца, Ромынкуца.

Но в опущенном слове — четыре слога. Отсюда — дополнительная гласная в имени: Аникуца. Той же причиной вызвана замена старой формы имени сестры новой, при переделке строки «La

«Anicuța se ducea» («К Анкуце отправлялся»). В новом варианте не потребовался начальный предлог, т. е. выпал слог. Он заменяется новым вариантом имени: «Anicuței de zicea» («Анкуце говорил»).

В тексте из рукописи 814 богатыря зовут Дончилэ. Только в одном месте вариант: Дончу. Лишь в двух случаях (не считая заглавия) первое имя сохранилось и в 1866 г., а Дончу получило определенный артикль — Дончул (малоестественная форма) и употреблено еще трижды. Один раз оно заменило Дончилэ (во второй строке). В двух других появилось следующим образом. Старая строка, содержавшая два глагола, разбита на две. В каждой — по глаголу, и в каждой — имя Дончул.

1866: Nici pe Donciul l-au lasat, Дончул не оставили,
Nici pe Donciul l-au uitat. Дончул не забыли.

Еще одна строка развита в четыре:

Р 814: Noa ani ea l-a cătat. Девять лет она за ним смотрела.

1866: Noă ani ea l-a cătat, Noă ani și giumatăte L-a cătat ca pe un frate, Zi și noapte l-a vegheat.	Девять лет она за ним смотрела, Девять лет с половиной Смотрела, как за братом, День и ночь при нем сидела.
---	--

Правда, в данном случае произвольно возникшие строки сочетаются с фольклорными (см. вторую строку — «девять лет с половиной»; кстати, она есть и в начале песни, повторяющем текст Руссо).

Пять двустиший изъято из песни. Любопытно, что среди них имеются строки явно литературного звучания⁴³. Можно предполагать, что они были включены самим поэтом при подготовке рукописи 814, а затем не понравились ему. Но наряду с ними пропущены стихи, отвечающие устному стилю:

<p>Bunu-i și înțul dumnezeu Dar bunu-i și glanduł men!</p> <p>La Ancuța se ducea Si din gură-asa-i zicea.</p>	<p>Добр святой господь, Но хорошэ и то, что я задумал! К Анкуце (имя может варьироваться.— В. Г.) отпирался, И так ей говорил.</p>
---	---

Кроме указанных, текст 1866 г. несет в себе немало более мелких поправок. Заменены многие слова и грамматические формы:

⁴³ Doar s-a întâmpla să-mi easă i Может, оставит меня
Focul ce îne arde-n oase. Огонь, который жжет мои кости.

ау сосит («прибыли») вместо ау венит («принли»); пыслит («обытый войлоком») вм. пырлит («обгоревший»); далбе («белые», «нежные») вм. албе («белые»); сэ те вэз («чтобы увидеть тебя») вм. синонимичного сэ те вэд; некезя («кражал») вм. некеза того же слова в устной форме (три последних разночтения у Врабие не отмечены); турецкое восклицание «Халал!» вм. «вай иш амар!» и напротив — «Ах, амар, амар!» вм. турецкого аман; субцире («тонкая» вм. албэ («белая»); зингенитор («дребезжащий», «звенящий») вм. дулуче, сунэтор («сладкий», «звенящий»); динтр'ун («из одного») вм. де ун («об одном»); луй («его») вм. сэу (два последних разночтения у Врабие не учтены) и т. д. В некоторых из приведенных случаев чувствуется стремление внести более благозвучные слова, заменить устные формы литературными.

НОВЫЕ НАРОДНЫЕ ВАРИАНТЫ ИЛИ НОВЫЕ РЕДАКЦИИ ИЗДАТЕЛЯ?

Несколько лет назад видный румынский литературовед и фольклорист И. Конст. Кицимия высказал новый взгляд на издательскую деятельность Александри. Этому вопросу Кицимия посвятил статью⁴⁴, воспроизведенную позднее в содержательной книге этюдов о фольклористах XIX в.⁴⁵ Мнение проф. Кицимии расходится с существующим и в силу многих причин аксиоматичным убеждением, что сборник 1866 г. есть прежде всего переиздание заново отредактированных текстов из более ранних публикаций собирателя. И. Конст. Кицимия же полагает, что «Александри не перепечатывал произведений, опубликованных им ранее, а выпускал в свет, в большей мере, новые варианты, так что изменения от одной версии к другой не внесены его первом⁴⁶, а в большинстве своем принадлежат собранным вариантам» (20). Поправки Александри, по мнению Кицимии, «сводятся главным образом к устранению некоторых неувязок и быть может изъянов ритма па основе других вариантов» (23)⁴⁷. Вывод сделан без учета фактов противоположного свойства, упомянутых под конец

⁴⁴ I. C. Chițimia. *Vasile Alecsandri și problemele folclorului românesc la jumătatea veacului al XIX-lea*. — «Revista de istorie și teorie literară». București, 1966, N 1.

Отметим, что в том же номере журнала помещена положительная рецензия на издание Г. Врабие (Александри, 1965, I—II), исходящего из иных представлений.

⁴⁵ I. C. Chițimia. *Folclorist și folcloristică românească*. București, 1968. В дальнейшем ссылки на страницы этого издания приводятся в тексте.

⁴⁶ Ср. менее решительную формулировку статьи 1966 г.: «...не всегда внесены его первом» (стр. 36).

⁴⁷ Согласие с этим замечанием (впервые изложенным в указанной работе 1966 г.) было выражено в историко-литературной статье журнала «Нистру» («Нистру», Кишинэу, 1966, № 6, п. 150).

работы: «...кое-где он, кажется, добавил определенные стихи в записанный оригинал... в других случаях целиком создал не- сколько песен... но это легко увидеть» (33).

Можно было бы заметить, что этот взгляд трудно согласовать с некоторыми обоснованными указаниями самого поэта, по-иному освещавшими историю знаменитого фольклорного собрания⁴⁸, принципы работы над текстами⁴⁹. Позволительно было бы добавить, что, оспаривая факт перепечатки и переработки песен от издания к изданию, автор новой концепции полемизирует с М. Шварцфельдом, но не называет Н. Йоргу, Г. Врабие, не разбирает их доводов и наблюдений. Наконец, было бы резонно задаться вопросом, не происходит ли некое историческое смещение, когда Александри периода работы над «Народными стихотворениями» предстает уже не столько фольклористом-романтиком (т. е. сыном своего времени), сколько ревнителем более поздних фольклористических принципов.

Однако вернемся к данным самих текстов. Предположение о полной замене одних народных вариантов другими недоказуемо в силу двух решающих обстоятельств. Первое — совпадение множества уникальных, не могущих повториться в разных устных вариантах деталей,— своего рода «меченых атомов» — в тех частях песен, которые от издания к изданию правке не подвергались, а переписывались с сохранением последовательности строк, порядка слов в строке, специфических форм, служебных слов и т. д. Второе — самоочевидное авторское, внефольклорное происхождение многочисленных вставок и исправлений. А в том, что именно они во многом определяют специфику текстов 1866 г. по сравнению с первопечатными, мы имели возможность убедиться (кстати сказать, даже те отличающиеся строки, фольклор-

⁴⁸ Неоднократно,— например, в послании, которым открывается сборник 1866 г.,— Александри указывал, что часть предлагаемого материала уже публиковалась: «Часть тех драгоценностей увидела свет» (Александри, 1866, стр. V).

⁴⁹ Принцип своей работы Александри определил словом «ынтокмите» (примерно: «наложенные», «исправленные»), содержащимся в подзаголовке «Народных стихотворений» 1866 г., а в письме, относящемся еще к середине 50-х годов, объяснял, что считает своей задачей «...придать им блеск, вернуть примитивное состояние, интеркалировать их по-своему, чтобы восстановить древние поэтические творения наших предков». Ср. высказывание 1876 г.: «Я должен их очистить, придать им примитивную форму и блеск, упорядочить их,— как я делал с теми, что опубликованы до сих пор» (V. A l e c s a n d r i. Din albumul unui bibliofil.— «Con vorbiri literare». Iași, 1876, N 5, p. 191).

Характерную для фольклористов-романтиков «идентификацию» сопирателя с исполнителем и даже творцом эпического текста легко уловить в следующем признании Александри, которое содержится в цитированном письме середины 50-х годов: «Я достиг такой легкости работы в этом жанре, что зачастую доводилось связывать различные куски одной баллады своими стихами и находить их (?) — В. Г.) позднее у какого-нибудь старика, который исполнял мне не известную легенду» (BAR, Msse rom., 3370, f. 259—260).

ность которых вполне допустима, показывают, что собиратель дополнял ими сохраняемый исходный текст или замещал отдельные части — например, финал в песне о Новаке, но не заменял целиком один фольклорный вариант другим). К сожалению, оба указанных обстоятельства оказались вне поля зрения при выработке новой концепции.

И. Конст. Кицимия кратко останавливается на нескольких эпических песнях. Из публикаций Александри разных лет им выписаны пассажи с не очень большими, частными различиями. Исследователь призывает согласиться, что подобные частные расхождения вполне возможны в фольклорных вариантах. Подобные, но такие ли именно? И как быть с нечастными расхождениями — например, новыми добавленными многостиями явно литературного стиля, пропусками и т. д., — не говоря уже о купюрах и исправлениях, сделанных рукой Александри в рукописи 814? На этот вопрос ответ не дается.

И все же работа проф. Кицимии в некотором отношении является весьма своевременной и важной. В ней впервые обращено внимание на ряд обстоятельств и фактов, до сих пор не оцененных исследователями или преданных забвению. Она побуждает учесть и проанализировать их, и в этом — бесспорная ее поучительность, даже если объяснение новых дополнительных фактов и копечные выводы совсем не совпадут с теми, какие находим у И. Конст. Кицимии.

В труде проф. Кицимии разбираются только две героические поэмы: «Тома Алимош» и «Миху Копилул» (27—31). В первом случае сопоставлено 15 строк из вступительной части текста «Буковины» и текста, опубликованного в сборнике 1866 г. (последний берется не в подлиннике, а в переиздании 1944 г.). К сожалению, выписки не точны, в силу чего соотношение сличаемых отрывков показано не совсем верно; неполно выявлены различия.

Первая, вторая и пятнадцатая строки цитаты, даваемой под 1850 г. (и в статье и в книге), на самом деле тексту «Буковины» не принадлежат (это подтверждает и перечень разночтений, составленный проф. Врабие.— Александри, 1965, II, 67).

Исследователь предлагает такое сличение:

1850: Iată, mări, cum grăia,	Вот, стало быть, пока говорил,
Că-n departe auzea.	Издалека донеслось.

1866: Iată, mări, cum grăia,	Вот, стало быть, пока говорил,
Iată ca mi-ş auzea.	Вот до него донеслось.

Получается, что заменена лишь часть второй строки. Ср. действительную эволюцию текста (с добавлением промежуточной формы — по рукописи 814).

1850; 1852: Ятэ кэ ми-шъ аузя.	Вот до него донеслось.
P 814, л. 11: Iată, mări, cum grăia, Ca de-o dată auzea.	Вот, стало быть, пока говорил, Вдруг донеслось.
1866: Iată, mări, cum grăia, Că-n de parte auzea.	Вот, стало быть, пока говорил, Издалека донеслось.
Таким образом, в рукописи 814 одна первоначальная строка рассечена и с помощью вставки расширена до двух, вошедших (с поправками) и в текст 1866 г.	
В результате другой неточности тексту 1850 г. в рассматриваемой работе приписано двустишие, которому в издании 1866 г. будто бы соответствует один стих:	
1850: Cu соjos mare, nițos, Cu соjos întors pe dos.	В кожухе большом, лохматом, В кожухе, вывернутом наизнанку.
1866: Cu соjos mare, mițos.	В кожухе болыпом, лохматом.

«В силу какого мотива Александри стал бы исключать последний стих?» — недоумевает автор, считающий, что перед нами два фольклорных варианта. Вопрос резонный, но все дело в том, что процесс был обратным. В «Буковине» — не два стиха, а один: «Ку кожок маре, ницос» («В кожухе большом, лохматом»). В рукописи 814 он видоизменен: «Cu соjos întors pe dos» («В кожухе, вывернутом наизнанку»). Этот видоизмененный стих вошел и в текст 1866 г., но перед ним восстановлен и первоначальный стих. В итоге, как и в первом случае, исходная строка расширена до двустишия: «Cu соjos mare mițos, // Cu соjos întors pe dos».

Картину же в целом способно дать силошное сопоставление первоначальных публикаций песни о Томе Алимопе («Буковина», 13.I 1850, № 2, 7—8; «Зимбру», 21.VIII 1850, № 15, 62—63; Александри, 1852, 40—44), текста рукописи начала 60-х годов (Р 814, 11—11 об.) и последнего сборника (Александри, 1866, 72—74).

В первых трех публикациях текст идентичен, за исключением трех-четырех слов⁵⁰. В двух последующих источниках около 70 стихов, т. е. большине половины текста, скрупулезно повторены. В то же время в рукописи отсутствуют или имеют другой вид 25 первоначальных строк (из них 15 восстановлено в сборнике 1866 г.). Причем уже в самой рукописи две строки вписаны вместо стертых, а еще две густо зачеркнуты. Целиком новых стихов в тексте рукописи — 23, из них 15 есть и в позднейшем сборнике. Приведем примеры новых строк рукописи, не встречаемых в фольклорных вариантах и имеющих характер вставок и привнесений.

⁵⁰ В «Буковине» и «Зимбру» «шесул Нииструлуй» («Днестровская равнина»), «пaloшул кэ ми-шъ голя» («Палаш обнажал»), «зичя» («говорил»). В яссском сборнике «черул Нииструлуй» («Днестровское небо»), «Тома пaloшул голя» («Тома палаш обнажал»), «гряя» («говорил»).

Că e fuga sănătoasă
Pentru firea ticăloasă.

Потому что бегство спасительное
Для человека подлого.

Și pala cînd arunca,
Drept în doă'l despica;
Apoi Toma se'ntorcea
Și cu glas de mort zicea.

И палаш когда бросил,
Точно надвое его рассек;
Затем Тома вернулся
И голосом мертвеца сказал.

Cît mi-oiu face două cruci.

Пока я дважды перекрещусь.

По-видимому, в дальнейшем сам Александри нашел эти строки слишком искусственными. Во всяком случае в тексте 1866 г. приведенных вставок уже нет. Но другие добавления, обнаруживаемые в рукописи 814, сохранены и в сборнике 1866 г.:

Murgul ochi-șî aprindea,
Cu nechezul <1866: Neche-
za șî> respundea.

У гнедого глаза загорелись,
Ржанием <1866: заржал и>
ответил.

Stai pe loc să ne-ntîlnim,
Două vorbe să vorbim,
Două vorbe oțelite
Cu paloșile grăite.

Остановись, повстречаемся,
Двумя словами обменяемся,
Двумя словами стальными,
Палашами произнесенными.

В обоих случаях оправдание всего говорить об авторских добавлениях в исходный текст, несмотря на некоторую кажущуюся фольклорность мотивов как таковых.

В примечаниях к «Томе Алимопу» Александри сообщал, что некоторые певцы «добавляют» к песне ряд стихов, и тут же в примечаниях приводил эти стихи. Собственно, они представляют не дополнение, а вариант финала песни — завещания умирающего богатыря своему коню. Поэтому вряд ли стоит акцентировать, что собиратель «не приклеивает его к опубликованной версии» (Кицимия, 27): речь могла идти лишь о выборе между двумя видаами одного финала, и Александри сделал этот выбор. Вынесение одного из вариантов в примечания скорее обусловлено альтернативностью их, нежели мыслью о неприкосновенности текста. Что это именно так, подтверждает незамеченное до сих пор обстоятельство: двадцатистрочный текст финала, помещенный в примечаниях, не остался неизменным. По сравнению с изданием 1852 г. в рукописи 814 в него добавлено шесть новых стихов⁵¹, пять изменено и еще два исключено. Эти и некоторые новые изменения налицо и в сборнике 1866 г.

Профессор Кицимия обращает также внимание, что «в газете «Буковина» за 1850 г. *(Александри)* публикует вариант «Тома а луй Мошиу», а в издании 1866 г. помещает вариант «Тома Алимош», определенно записанные от различных певцов» (28). Но

⁵¹ В числе добавленных — характерное двустишие:

Una floare de bujor,
Ce pare că arde-n dor.

Один цветок пиона,
Который словно сгорает от грусти.

вопрос предстанет в ином свете, если сообщить, что вторая форма имени героя — Тома Алимош заменила первую еще в сборнике 1852 г., где помещен тот же самый текст, что в «Буковине». Иначе говоря, это варьирование в написании имени (может быть, под влиянием того факта, что устной традиции известны обе формы), а не показатель нового фольклорного варианта песни в целом.

Рассматривая другую песнь — «Миху Копилул», ученый сравнивает три отрывка из текста 1850 г., всего 28 строк, с соответствующими 32 стихами текста позднейшего издания. Расхождения, в число которых не попали самые главные (см. выше, стр. 125—127), отнесены за счет фольклорной вариативности, хотя приводимые параллели вовсе не содержат, например, образов, имеющихся в четырех дополнительных стихах 1866 г. («повородок с мотыльками», сабли, «что сияют как звезды»). Появление новой характеристики героя («Пэунаш из первых, // Юноша горный») объяснено ссылкой на примечание Александри: «...вместо этих двух стихов один из вариантов дает: «Пэунаш лесной, // Вожак разбойничий». Однако рукопись начала 60-х годов показывает, что это строки не другого, а того же самого текста: в тетрадь они внесены, но зачеркнуты и там же заменены новыми (Р 814, л. 16).

Дословное совпадение значительных частей обеих песен (возможное при работе издателя над одним и тем же текстом, копировании сохраняемых страниц) и ряд крупных новаций нефольклорного свойства, — противоречащие тезису о параллельном фольклорном происхождении вариантов Александри разных лет, — остались за пределами анализа.

Свой основной вывод, — что Александри не перепечатывал (подвергая пересмотру) прежних текстов, а заменял их новыми фольклорными вариантами, — проф. Кицимия распространяет и на другие героические песни. Комментарии его предельно кратки, но на них необходимо остановиться.

О песне «Сырб-Сэрак» исследователь пишет: «В примечании к изданию 1866 г. Александри указывает, что в предыдущем издании, 1852 г., он опубликовал вариант с другим финалом, который и воспроизводит» (32). Здесь, правда, неточность. Александри не говорит о другом варианте, его примечание в книге «Народных стихотворений» гласит: «В издании «Баллад» 1852 г. в финале баллады «Сырб-Сэрак» были напечатаны иные стихи» (Александри, 1866, 110). Ясно, что речь идет только о другой концовке, о замене ее. Сличение текстов позволяет сказать еще вернее: концовка текста 1866 г. — результат преобразования первоначальной. В один генетический ряд их неопровержимо связывает промежуточная форма, которая налицо в рукописи 814. Здесь финал песни еще содержит изъятые затем четыре строки 1852 г. (две из них — «Утиральником его утирала, // К груди прижимала», — как уже указывалось, вычеркнуты в самой рукописи), но в то же время в нем уже есть новые строки и слова («In cîntări și veselii, // Кум е рындул la Domnii» — «В песнях и весельи, // Как при-

чию при дворах»), вошедшие и в позднейшую редакцию концовки.

Интересно замечание проф. И. Конст. Кицимии о гайдуцкой эпической песне «Бадиу», которой мы еще не касались: «...Александри указывает, что лэутар из села Фолтешть возле Галац дал гораздо более развитый образ, говоря о шелковой веревке, которой турки связывают Бадиула, и воспроизводит его». Из этого делается заключение: «Поэт не представлял себе, что можно взять выразительные строки отсюда и вклеить туда. Ясно, что у него было чувство уважения к аутентичности фольклорного произведения, и это, таким образом, констатируется еще раз» (33).

Вариант описания, о котором идет речь, действительно привлекателен, хотя не все в нем бесспорно⁵². Но одного факта не включения его в песню слишком мало для решения вопроса об аутентичности текстов «Бадиула» в разных сборниках Александри. Требуется сличить сами тексты (Александри, 1853, 90—94; Р 814, 21—22; Александри, 1866, 124—127).

Из 123 стихов 1853 г. в тексте рукописи 814 повторены 56. Причем совпадение охватывает самые мелкие, даже случайные особенности и детали: позицию слов, грамматические формы, предлоги, частицы и т. д. (ср. хотя бы: «Далбо, далбэ жупынясэ» — «Пригожая, пригожая красавица», — где в первом случае вокатив на -о, а во втором — обычная форма на -э; повторение имени та-кого сочетания в разных изустных вариантах невероятно). Не возникает сомнений, что текст 1853 г. использовался при подготовке сборника «Пародных стихотворений». При этом в рукописи 814 оказались исключенными или видоизмененными 60 стихов. Один из них (второй в зачине: «Ла скурсурпле гырлий» — «Где сливаются русла») зачеркнут в самой рукописи; в ней же в 10 других случаях прежние строки стерты. Внесено 60 новых строк.

В тексте 1866 г., кроме тех, что сохранены в редакции тетради 814, восстановлено еще 14 строк текста 1853 г. Из новых стихов рукописи 814 здесь повторено 48, к ним прибавилось еще 15, отсутствующих в прежних двух редакциях.

Надо сказать, что в числе новых в рукописи 814 и сборнике 1866 г. попадаются вполне фольклорные строки, встречающиеся во многих вариантах песни о Бадиуле. Таково, например, описание турецкого «каика»⁵³, плывущего по Дунаю (типичность этого описан-

⁵² Следует отнести к dubia последние строки описания:

Numai lațul de mătasă	Только петля из шелка
Nu-i da drumul ca să easă,	Не давала ему выйти,
Ci-l strîngea, strîngea cumplit,	А сжимала, сжимала люто,
Ca un șarpe-ncolăcit.	Словно свернувшаяся змея.

Слово «лац» («петля, силок») в таком контексте не встречается (кстати, в начальных стихах того же описания — не лац, а фрынгия — «веревка»).

И совсем не в стиле эпоса заключительные строки (см. повторение стрынжя, стрынжя, эпитет кумилит, сравнение веревки со змеей).

⁵³ Каик — большая лодка.

сания для народного эпоса отмечал А. Руссо). Начало его есть уже в рукописи 814:

Iată că venia <1866: Iată
se zărea> plutind,
Cu lopețile vîslind.

Вот приближался <1866: Вот пока-
залась> плывя,
Веслами гребя.

В 1866 г. прибавилось продолжение этого общего места различных вариантов:

Cu pînzele fîlfiind,
Un caic mare, bogat
Cu postav roșu îmbrăcat.
Pe-n afară zugrăvit
Și pe margini poleit.

Паруса раздувая,
Каик большой, богатый,
Красным сукном устланный.
Снаружи расписанный
И по краям покрашенный.

Есть, по сравнению с первоначальным текстом 1853 г., и другие вставки, принадлежащие эпической традиции. Но нельзя утверждать, что они преобладают. Уже в продолжение нововведенного, но традиционного описания плывущей лодки в рукописи 814 вместо какого-то стертого стиха написан «титул» врага: «Baș-agaua turcilor» («Баш-ага турецкий»). А в 1866 г. стих о баш-аге предварен новой уточняющей деталью историзирующего характера: «Era capitân-paşa» («Это был капитан-паша»).

В дальнейшем возрастает доля новых стихов, сочетающих романтическую стилистику с колоритными турцизмами и медиевизмами. Показательна новая тирада рукописи 814 и сборника 1866 г.:

«Badiule, te ține bine,
Ca urdia⁵⁴-ntreagă vine.
Turcii vin grămadă, clae,
Capul, dreapta <1866: Ca-
pul tău> să mi-ți<->taie,
Să le ducă pe tipsie
De poclon <1866: De
peșcheș⁵⁵> la-mpărătie».
Iată lupta se-ncleșta,
Badiul singur se lupta,
Chiar în sînge se scălda
Și viteazul <1866: Și de
loc el> nu se da.

«Бадиу, держись крепко,
Потому что вся орда <?> идет.
Турки идут толпой, турьбой,
Чтобы голову, десницу <1866: Чтобы
голову твою> срубить,
Чтобы отнести их на подносе
В знак поклона <1866: В подарок>
государеву двору».
Вот битва завязалась,
Бадиулился один,
Прямо купался в крови <?>
И витязь <1866: И совсем он>
не сдавался.

Авторство этого стилизованного пассажа и других вставок аналогичного звучания ⁵⁶ определенно принадлежит литератору. «Добавление поэта обращает на себя внимание искусственностью

⁵⁴ «Урдис — отряд, войско» (примеч. В. Александри).

⁵⁵ «Пешкеш — турецкое слово, означающее подарок» (примеч. В. Александри).

⁵⁶ См., в частности, реплики персонажей:

Răsărit-ai ca o stea!

Ты взопла словно звезда!

Mișei dușmani și violeni!

Подлые враги и коварные!

и некоторыми словами, вроде типсие...» — замечает по данному поводу Г. Врабие (Александри, 1965, I, 67).

Называя песню о гайдуке Кодряне, проф. Кицимия пишет о том, будто «... примечания к балладе подтверждают, что и здесь налицо вариант» (32). В книге 1866 г. примечание Александри гласит: «Некоторые из певцов упоминают турка вместо грека... См. первую часть «Баллад», издание 1852 г.» (Александри, 1866, 95). Действительно, из приведенных слов вытекает, что текст 1866 г. записан от одного певца, а текст 1852 г. — от другого. Не останавливаясь пока на этом моменте, воспроизведем примечание к публикации 1852 г.: «... баллада о Кодряне, как я ее записал из уст слепца из Бохотина по имени Некулай Настаси, упоминает о турках, а за границей, в Буковине, она упоминает греков (см. № 33 газеты «Буковина» за 1849 г.)» (Александри, 1852, 88). Отсюда тоже как будто следует, что речь идет о текстах разных исполнителей; во всяком случае ясно указано, что текст «Буковины» не принадлежит Некулаю Настаси и вообще происходит из другой местности. А теперь обратимся к названному номеру черновицкой газеты. В помещенной здесь песне и в самом деле упоминается грек — советник господаря (в яссском издании советник — турок). Чей же это текст? Ответ покажется неожиданным, но он принадлежит самому Александри: «Эту балладу о Кодряне мне пропел слепец по имени Некулай Настасе из села Б. в сентябре 1847 г.» («Буковина», 7.Х 1849, № 33, стр. 181).

Наконец, возвращаясь к изданию 1866 г., узнаем из примечания, что и здесь помещен текст того же певца: «Так мне спел балладу о Кодряне слепец из Бохотина, Некулай Настаси» (Александри, 1866, 96) ⁵⁷.

Итак, во всех случаях сам Александри закрепляет «Кодряна» за одним певцом (причем нигде нет речи о повторной записи). Остается считать, что в основе всех публикаций Александри лежит одна и та же запись, подвергнутая собирателем обработке. Тем важнее сличить все тексты Александри разных лет («Буковина», 7.Х 1849, № 33, стр. 181—183; «Зимбру», 7—10. VIII 1850, № 11—12, стр. 41—49; Александри, 1852, 9—21; Р 814, л. 4—6; Александри, 1866, 86—92).

Остановимся сначала на публикациях 1849—1852 гг. Абсолютное большинство стихов в них совпадает до мельчайших деталей. Лишь в небольшой части строк различается форма одних и тех же слов:

1849, 1850	1852	Перевод
жур	жюр	клянусь
мечеашь (1850: мәчиашь)	мәчиеш	шиповник
Яшь	Ешь	Яссы
Илиаш	Илиеш	Илияш
порцеле	порциле	ворота

⁵⁷ Ср. в рукописи 814: «Эту балладу мне поведал слепец по имени Некулай Настаси из с. Бохотин на берегу Прута» (Р 814, л. 7).

1849, 1852	1850	1852	Перевод
ку сарика	ку сарика	в кожухе	
ку кушма	ку кушма	с шапкой	
спринтинел	спринтенел	ловкий	
бэлтаг	балтаг	балтаг	
пистоалеле	пистоалиле	пистоли	
сэ ну гречискэ	сэ ну гречискэ	чтобы не ошибиться	
яртаган	ертаган	ятаган	
1849	1850	1852	
се резема	се вэсма	се резэма	опирался
не'ншэоат	не'ншэоат	не'ншэуат	неоседланный
ризынд	ризинд	рызынд	смеясь

В приведенных случаях налицо колебание между двумя рядами гласных: э — а, э — е, и — е, а — я, е — я. Гласные, перечисленные первыми, в выписанных словах характернее для устной диалектной молдавской речи, в то время как вторые в тех же словах больше отвечают складывающейся литературной норме (это верно и в отношении жур — ёюр; во втором варианте уловлена весьма колоритная особенность диалектного произношения). Но предпочтение, оказываемое той или иной форме, ни в одном из трех источников не является полным. Видимо, для каждой публикации этих лет Александри переписывал песни заново, не согласовывая с предыдущей копией; устные формы в разной мере оказались убранными.

Если теперь обратиться к тем различиям, которые имеются в содержании текстов первых публикаций, то можно отметить, что два-три мало существенны или случайны⁵⁸. Тем разительней несовпадение характеристики врага Кодряна — господарева советника. Впервые еще Н. Йорга заметил, что в публикациях Александри сначала врага звали «цариградским турком», затем его заменил «цариградский грек». Но Йорга был уверен, что эта перемена произошла позднее, после объединения Дунайских княжеств в 1859 г. Он писал по этому поводу: «... одно время для Александри врагов олицетворяли неверные (т. е. турки.— В. Г.), но после того, как вопреки им осуществилось объединение (княжеств) и следует примирение со старыми хозяевами, в новом издании, там, где идет речь о враге, «цариградский турок» заменяется «цариградским греком»⁵⁹.

Факты свидетельствуют, что замена произошла гораздо раньше. «Цариградскому турку» сборника 1852 г. соответствует

⁵⁸ Слову «мокан» («горный пастух») и стихам «Кыт е зиуа чя де варэ» («Сколько длится летний день»), «Фесул дин капый змулжям» («Феску с его головы срывал») публикаций «Буковины» и «Зимбру» в сборнике 1852 г. соответствуют: «мунтяя» («горец»), «Пин потиче фэрэ соаре» («По тропам, укрытым от солнца»), «Ын кап мына кэ-й цуняя» («Хватал его за голову»). В черновицкой газете и яссском сборнике имеется строка, пропущенная, очевидно, в «Зимбру»: «Ла чокине ми-л лега» («Привязал его к седлу»).

⁵⁹ Йорга, 1909, стр. 161.

«цариградский грек» еще в «Буковине» за 1849 г. и «Зимбру» за 1850 г. Йорга прав — это замена в одном и том же тексте песни. Только следует все же помнить, что она могла быть подсказана другой фольклорной версией (подобные версии встречаются)⁶⁰. Но чего решительно нельзя было найти в народных вариантах песни о Кодряне — это четверостишия о греках, впервые даваемого в той же «Буковине». Имея в виду издание 1866 г., где оно тоже присутствует, Йорга писал об этом четверостишии: «... греческому характеру дается оценка, совершенно чуждая мышлению народа, который видел плохого грека только в арендаторе, собирателе податей, в мироедах, и проклипает их только в этой связи»⁶¹.

Содержание и форма стихов о греках (нарочито фольклорная система созвучий, сочетаемая, однако, со странными образами, вроде «фяэр лунекоасэ» — «скользкий хищник») не оставляют сомнений в их привнесенности, вторичности в рассматриваемом песенном тексте. Противоречит ли этому то обстоятельство, что стихи, о которых идет речь, отсутствуют не в первой публикации (1849), а в двух более поздних? Еще раз взвесим известные факты. У Александри уже в конце 40-х годов была «коллекция песен», подготовленная к печати. Из нее он переписывал отдельные тексты и отсыпал в газеты. Таким образом, между публикациями газет и сборником Александри всегда стоит копия, т. е. имеется посредник. Снимая копию, Александри вполне мог внести в отсылаемый текст какие-то изменения и дополнения, не трогая оставляемого у себя оригинала «коллекции». Затем в печать пошел сам оригинал: был опубликован сборник 1852—1853 гг., оказавшийся прямым отражением текстов — без того дополнения⁶², которое появилось в копии, направленной в газету «Буковина» (отсутствие добавленных стихов в другой копии — напечатанной в «Зимбру», тоже подсказывает, что их не было в оригинале).

⁶⁰ Надо иметь в виду еще одно обстоятельство. Как явствует из примечаний, Александри полагал, что песенный господарь Илиеш — это Александр Илиаш, о котором известно, что он правил в 1620—1621 и 1631—1633 гг. и привез с собой много греков-фанариотов, помогавших ему добиться престола. Таким образом, замена советника-турка советником-греком могла быть вызвана и стремлением поэта придать песне большее соответствие конкретной истории, а не теми причинами, на которые указывал Н. Йорга.

⁶¹ Йорга, 1909, стр. 161. Справедливости ради укажем, что в примечаниях 1866 г. Александри тоже оговаривал именно это обстоятельство, в самом добавлении четверостишии не отраженное: «т. е. грек из Фанара (район Константиноополя. — В. Г.), один из тех услугливых интриганов» (Александри, 1866, 95). В издании 1965 г. это пояснение не воспроизведено.

⁶² Как отмечалось в начале статьи, в указателе разночтений издания 1965 г. из ранних публикаций Александри проф. Врабие учитывается лишь какая-то одна. В случае с «Кодряном» это текст «Буковины». Тем самым составитель лишился возможности показать, что стихи, о которых идет речь, не присущи всем ранним публикациям и, больше того, не являются исконными в песне.

В этой связи приобретают особое значение сравнительные данные о принципах написания одних и тех же слов в разных публикациях конца 40-х — начала 50-х годов. Очень важно отметить, что сохранение диалектных, устных форм, о котором говорилось при сличении текстов, чаще всего наблюдается в тексте яссского сборника. На сборник 1852 г. приходится около 15 таких случаев против четырех-пяти в «Буковине» или «Зимбру». И это не единичный случай: напомним, что и при рассмотрении публикаций других песен («Сырб-Сэрак», «Миху Копилул») мы наблюдали сохранение некоторых особенностей устного произношения в сборнике 1852—1853 гг. чаще, чем в газетных публикациях. В то же время говорилось о наличии в яссском сборнике отдельных строк или даже многостиший, отсутствующих в газетных публикациях явно в силу недосмотра, что тоже является признаком более внимательного, исправного воспроизведения текстов в сборнике 1852—1853 гг. и менее тщательного — в газетных публикациях.

Из всего этого напрашивается важный общий вывод о большей (по сравнению с газетными публикациями) точности передачи текстов в яссском сборнике.

Что же происходило с песней о Кодрянэ в дальнейшем? Тексты рукописи 814 и «Народных стихотворений» 1866 г. в точности сохраняют более 200 первоначальных строк. Судя по некоторым приметам, использовалась в основном редакция яссского сборника (сохранило много специфических форм этого источника и строки, пропущенные в газетных публикациях). Но издатель имел перед собой и текст «Буковины»: в соответствии с ним даны все строки о враге. Около 60 стихов раппного текста в рукописи 814 отсутствуют или изменены (в 1866 г. 10 из них восстановлены). В разных местах появилось не менее 30 новых строк, в значительной части сохраненных и в сборнике 1866 г.

Наличествуют в рукописи начала 60-х годов, но в дальнейшем исключены, например, такие новые строки:

Mult e ginggaş la saptură Очень нежного он облика
Şi semet̄ la cătatură. И гордого взгляда.

К числу впервые обнаруживаемых в рукописи 814 и повторенных в сборнике 1866 г. принадлежит другое двустишие:

Ear Codrean în gîndul său А Кодрян про себя
Zicea: bunu-i dumnezeu! Сказал: добр господы!

Уже в издании 1866 г. прибавилась, в частности, уточняющая деталь описания господаря: «Şi re сар си gugiuman» («И с гудюманом на голове»).

Если в других песнях заменялись или добавлялись довольно большие отрывки, то эволюция «Кодряна» появляется главным

образом в изменениях менее обширных по объему, но тоже весьма чувствительных. Показателен следующий пример преобразования исходного текста.

Ранние публикации

Домну'н бечурь с'аскундя. Господарь в подвалы прятался.
P 814, 1866

Domnul fața-și aprindea. У господаря вспыхнуло лицо.
Grecu-n beciuri s-ascundea. Грек в подвалы спрятался.

В рукописи 814 опущено ироническое обращение Кодряна к господарю Илиешу:

(1) Рэмый Доамне сэнэтос, Оставайся, господарь, здоровым,
Кэ ту вредник ну мъ-ай фост. Ты не был достоин меня.

Вместо этих строк, имеющихся в ранних публикациях, в рукописи 814 даны четыре других:

(2) Rămîi sluga turcilor, Оставайся, слуга турок,
Batgiocora grecilor, Над которым смеются греки,
(3) Că nici tu nu ești de mine, Потому что и ты не подходишь мне,
Si nici eu nu sînt de tine. И я не подхожу тебе.

В издании 1866 г. первоначальные строки (1) восстановлены. Два стиха рукописи 814 о «турецком слуге» (2) убраны. Сохранено лишь более нейтральное двустишие (3), предваренное смягчающим восклицанием: «Ilieș rămîi cu bine!» («Илиеш, оставайся с добром!»).

В обоих случаях от одного этапа к другому взаимоотношения Кодряна с господарем претерпели переакцентировку, улавливающую и в других местах песни.

Из приведенных примеров явствует, что нет оснований принять новую точку зрения, объявляющую тексты позднейших публикаций Александри фольклорными вариантами.

Факты показывают, что следует решительно разграничить два ряда текстов одних и тех же произведений, содержащихся в разных по времени публикациях и рукописях В. Александри. Первый ряд — ранние тексты песен. К этому ряду принадлежат тексты рукописи 3349, «Буковины», «Зимбру», яссского сборника 1852—1853 гг.⁶³

Их важнейший текстологический признак состоит в значительно большем (по сравнению с вариантами 60-х годов) сохранении авторской воли сказителя. В каждом случае здесь фактически один и тот же текст произведения, отличающийся только

⁶³ Для песен, появляющихся у Александри позже, первыми источниками служат: «Ромыния литерар», 1855 («Петря Витязул», «Ревиста ромынэ», 1863 («Вулкан»), рукопись 814 («Дончу» и «Корбак»).

отдельными разнотениями (написание слов, отсутствие или наличие отдельных специфических стихов и т. д.); характер разнотений доказывает, что одно издание этих лет от другого не отделяет радикальная редакторская правка.

Из их числа и следует выбирать *основной* текст для фольклористических изданий героических песен собрания Александри. Причем в силу большей исправности таковыми могут служить тексты сборника 1852—1853 гг.⁶¹ Вместе с тем при воспроизведении текстов этого сборника целесообразно отразить и особенности всех других источников раннего ряда, снабдив песни исчерпывающим перечнем разнотений. Весьма желательно фототипическое воспроизведение яссского сборника, так как передача текстов современной транскрипцией в некоторых случаях оказывается недостаточно достоверной и точной.

Возвращение в научный обиход текстов ранних публикаций Александри следует признать исключительно важным и необходимым. Фольклористика обретает в них весьма ценный источник. Их учет позволяет более полно оценить заслуги В. Александри в созиании и издании народной поэзии⁶⁵.

Второй ряд текстов собрания Александри составляют позднейшие варианты — рукописи 814 (начала 60-х годов) и сборника 1866 г. Их качественное текстологическое своеобразие состоит в том, что в результате переработки и дополнений они дальше отстоят от вариантов, первоначально опубликованных в конце 40-х — начале 50-х годов и в значительной степени отразили в себе авторскую волю В. Александри. Слов нет, в свое время в составе широко известных «Народных стихотворений...» они сыграли большую роль. Но их неправомерно включать в *основной* корпус современного фольклористического издания коллекции Александри. В подобном издании они могут даваться в виде *приложения*.

Между прочим такое издание представило бы немалый интерес и для литературоведов. Установление в позднейших версиях значительного авторского участия, во многих случаях поддающегося четкому выделению, важно для изучения поэтических пристрастий Александри, для освещения мировоззрения его в той сложности и противоречивости, которые порою слаживаются.

⁶⁴ Текстам этого издания Александри было нами отдано предпочтение при подготовке разделов «Герический эпос» и «Исторические песни» хрестоматии молдавского фольклора («Фолклор молдовенеск. Крестоматие». Колежиул де редакции: Г. Г. Ботезату, В. М. Гацак, А. С. Хынку, И. Д. Чобану. Кишинэу, 1966). По яссскому сборнику брались и песни, перевод которых помещен в кн.: В. М. Гацак. Восточнороманский герический эпос. Исследование и тексты. М., Изд-во «Наука», 1967, стр. 235—236 («Войник и змей»), 387—393 («Кодрян»).

⁶⁵ В этой связи становится ясной неосмотрительность и неоправданность предложения Ал. Пиру «сказать в конце концов, что Александри... просто-напросто сочинил народные стихотворения, как и свои собственные» («Contemporanul», Вискуреши, 1968, 28.VIII).

ИЗ ИСТОРИИ ИЗДАНИЯ АДЫГСКОГО НАРТСКОГО ЭПОСА

А. И. АЛИЕВА

В 1864 г. в тифлисской военно-походной типографии Главного штаба Кавказской армии была напечатана книга «Отрывки из народной поэмы «Сосыруко» и рассказы, переведенные на кабардинский язык Кази Атажукиным»¹. Это — первая книга на кабардинском языке и вместе с тем — первая публикация адыгского нартского эпоса на языке оригинала. В книге 52 страницы, 29 из них занимают переводы из «Гюлистана» Саади.

Другую часть составляют два народных сказания о Сосруко: о возвращении огня и о бое Сосруко с Тотрешем, опубликованные на кабардинском языке. Обоим сказаниям предпослан заголовок: «Сосрыкъэ и пшинальэм едзыгъуит!» («Два отрывка из пшинатля² о Сосруко»). На самом деле эти так называемые отрывки бытуют как самостоятельные произведения. Они входят в один цикл, но единой «поэмы» не составляют.

Сравнение с более поздними записями позволяет заключить, что тексты Атажукина содержат все основные эпизоды соответствующих сказаний, причем изложение является весьма обстоятельным и совершенным. К сожалению, Атажукин не указывает, когда и от кого были зафиксированы тексты. Тем не менее публикация Атажукина представляет ценный источник для изучения сказаний о Сосруко.

В 1871 г. в пятом выпуске «Сборника сведений о кавказских горцах»³ в русском переводе был помещен ряд сказаний об основных героях нартского эпоса адыгов. Эта публикация, подготовленная тем же Атажукиным, содержала два сказания о Сосруко, сказания о Пшибадиноко и Ашамезе. «Представляемые ниже песни о нартах,— писал Атажукин,— составляют самую незначительную часть существующих о них в Кабарде сказаний. Не можем ручаться за совершенную полноту приводимых нами сказаний, так как по редкости лиц, которые хорошо знали бы

¹ Экземпляр этой книги хранится в отделе редких книг Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина.

² Пшинатль — эпическая поэма.

³ Далее: ССКГ. Римская цифра указывает номер выпуска, арабская — страницу.

песни, с каждым днем все более забываемые, мы не могли записать их от разных лиц и сличить варианты. Желание возможно ближе держаться подлинника и потеря значения многих выражений, теперь вовсе не употребляемых и не разъясненных никем из лиц, к которым мы обращались, служат причиной темноты некоторых мест нашего перевода этих сказаний» (ССКГ, V, 52).

В новой публикации также отсутствовали сведения о месте, времени записи и исполнителе, т. е. не было паспортизации текстов.

Самая полная подборка адыгских нартских сказаний на языке оригинала помещена в XII выпуске «Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа» (1891)⁴.

Долгое время книга Атажукина 1864 г., материалы, помещенные в «Сборнике сведений о кавказских горцах» и «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа», рассматривались как публикации разных текстов (см., например, примечания М. Е. Талпы к книге «Кабардинский фольклор», изданной в 1936 г.). Однако сличение показывает, что в 1871 г. были опубликованы в русском переводе те же сказания о Сосруко, что и в книге 1864 г., а в 1891 г.— оригиналы почти всех сказаний, включенных в «Сборник сведений о кавказских горцах».

В примечаниях к изданию 1891 г. Л. Г. Лопатинский сообщает, что сказания о рождении Сосруко, песнь о том же герое, а также сказания о бое Сосруко с Тотрешем представлены Талибом Кашежевым; сказание о возвращении огня воспроизводит текст из книги Атажукина 1864 г.; тексты сказаний о Сосруко и впервые напечатанные на кабардинском языке сказания об Ашамезе и Бадиноко с русским подстрочным переводом переданы редакции «Сборника» также Атажукиным.

Сказания о Сосруко, присланные Кашежевым, сохраняют традиционный сюжетный контур: они воспроизводят эпические истории о рождении Сосруко и о бое его с Тотрешем в том виде, что и многочисленные последующие записи. Только однажды в тексте Кашежева не повторен эпизод — первая встреча богатырей (в сказании о бое с Тотрешем этот эпизод, как правило, излагается дважды: первый раз — от лица сказителя, второй — в речи Сосруко). Пропуск у Кашежева отмечен многоточием. Остается неизвестным, повторил ли сказитель этот эпизод во второй раз слово в слово, как и в первый раз (что маловероятно), или изложил его иначе.

Сравнение сказаний о Бадиноко в публикациях 1871 и 1891 гг. свидетельствует, что тексты эти идентичны. В публикации 1891 г. отсутствует только одна фраза, произнесенная Бадиноко: «Я не венчун и не близкий ваш сосед; также и не искатель любовниц и пиров и не обычный посетитель лагуны»⁵ (ССКГ, V, 62).

⁴ Далее: СМОМПК. Римская цифра указывает номер выпуска, арабская — страницу.

⁵ Лагуна (каб.) — комната для новобрачных, женская половина дома.

Отметим основные расхождения между текстами сказания об Ашамезе (в публикации 1871 г. оно напечатано под названием «Насранжаке»):

1) В тексте, опубликованном в 1871 г., дано описание табуна Тлебицы и его вожака: «Таковым оказывается конный табун Тлебицы, пасущийся в промежутке двух морей и охраняемый только пегим конем» (ССКГ, V, 65). Упоминание о вожаке табуна, играющем важную роль в развитии сюжета (он предупреждает своего хозяина о приближающейся опасности), в XII выпуске «Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа» отсутствует.

2) В публикации 1871 г. о гибели отца сообщает Ашамезу мать «коростливого мальчика»: «Прибежала мать коростливого, крича: «да снесут тебя на кладбище! Не его (т. е. мальчика.— А. А.), а убийцу отца твоего ты лучше убил бы!» (ССКГ, V, 66). В тексте 1891 г. об этом говорит мальчик: «Тогда коростливый кричит: «Меня не убивай! Отчего ты не убиваешь того, кто убил твоего отца?» (СМОМПК, XII, 52).

3) В публикации 1871 г. рассказывается, как Ашамеза научили выпытать у матери имя убийцы отца: «Как же я заставлю ее сказать, если она не захочет». — «Притворись больным и скажи, что будешь здоров, только поевши печеного горячего ячменя из ее рук; как подаст она тебе, ты крепко сожми ее руки, и она скажет тебе все, что пожелаешь» (ССКГ, V, 66). В публикации 1891 г. это описание отсутствует.

4) Не является одинаковым описание переправы нартов через реку. В первом случае оно таково:

«Из всего нартовского отряда никто не решился въехать в воду.

Наутро нарты увидели на другом берегу Идыля стреноженным и пасущимся белого Ашамезовского коня» (ССКГ, V, 68).

Ср. в публикации 1891 г.:

«Молодой Ашамез, поищи броду! Когда Ашамез своего белого коня вогнал в воду, то он тотчас же переплыл через реку».

Однако в остальном тексты двух публикаций совпадают слово в слово. Сравним литературный перевод начала сказания:

ССКГ, V: «Господин нартов, Насренжаке,— у него золотая борода. Белоснежная борода покрывает его грудь и с гривою коня сплетается; его старая белая бурка раскинута над задом коня; сам он в волчьей шубе, в накидку; искрометный он постоянно с пенковою трубкою в зубах, дым из которой то втягивает в себя, то выпускает».

СМОМПК, XII: «У нартовского князя Насренжаке золотая борода; белоснежная борода покрывает его грудь и сплетается с гривою коня; белая его бурка раскинута над задом скакуна, сам он в волчьей шубе, в накидку; искрометный, он постоянно с пенковою трубкою во рту, дым из которой то втягивает в себя, то выпускает».

Текстуальное совпадение прослеживается и в дальнейшем (за исключением тех случаев, которые указаны раньше).

Как соотносятся между собой эти тексты? Что это — варианты одного сказания или перепечатка одного и того же текста?

Совпадения в разных вариантах — явление вполне возможное; но, как правило, такие совпадения наблюдаются при изложении «общих мест» или постоянных характеристик. В данном же случае буквально совпадают эпизоды, в изложении которых вполне обычны вариации⁶.

Между тем известно, что записи, сделанные в разное время даже от одного и того же сказителя, не могут совпадать буквально (тем более, что речь идет о прозе). Остается предположить, что, готовя сказания для нового издания, Атажукин использовал прежнюю публикацию, но местами изменил текст; может быть, он обращался для этого к другим вариантам, которые были в его распоряжении⁷. (Кроме того, следует учитывать возможность литературной правки при подготовке текстов к новой публикации.)

Таким образом, перечень сказаний, опубликованных в XIX в., несколько меньше, чем принято думать (из него следует исключить тексты, которые не были результатом новых записей, а представляли собой перепечатку). Разумеется, при всем этом публикации К. Атажукина, Л. Г. Лопатинского и Т. Кашежева имеют неоспоримое значение.

Одним из значительных изданий советской фольклористики дооценного периода является антология «Кабардинский фольклор»⁸. (Мы остановимся только на помещенных в антологии сказаниях о нартах.)

В Центральном государственном архиве литературы и искусства находятся рукописные материалы этого издания⁹. В фонде Ю. М. и Б. М. Соколовых хранятся: 1) машинопись книги «Ка-

⁶ Ср. «Молодой Ашамез входит на лед, аульные же мальчишки расходятся. Но тут явился Нартовский коростливый мальчик. «Коростливый мальчик нартовский, поиграем в альчики». — «Я бы играл, но когда я выиграю, ты отберешь назад свои альчики» (ССКГ, V, 65).

В публикации 1891 г.: «Молодой Ашамез спускается на лед, а аульные ребята разбегаются. Но тут явился нартовский коростливый мальчик. «Коростливый мальчик нартовский, — сказал Ашамез, — поиграем в альчики!» — «Я поиграл бы с тобою, но когда я выиграю, ты отберешь назад свои альчики» (СМОМПК, XII, 52).

⁷ О том, что Атажукин располагал несколькими вариантами сказаний, свидетельствует его примечание: «По другому варианту, после того, как Ашамез догнал пегого, «белый конь его вырывает из ляжки пегого кусок мяса» (ССКГ, V, 68).

⁸ «Кабардинский фольклор». Общая редакция Г. И. Брайдо. Вступительная статья, комментарии и словарь М. Е. Талпы. Редакция Ю. М. Соколова. М. — Л., «Academіa», 1936.

⁹ Рукописи книги «Кабардинский фольклор» обнаружены в ЦГАЛИ В. М. Гацаком, сообщившим о них в докладе на конференции по нартскому эпосу в Сухуми (ноябрь 1963).

бардинский фольклор» с редакторской правкой — 904 стр. (ф. 483, оп. 1, ед. хр. 349); 2) замечания М. Талпы к переводам песен (ф. 483, оп. 1, ед. хр. 554); 3) письма Талпы к редактору Ю. М. Соколову (ф. 483, оп. 1, ед. хр. 1890); 4) фото кабардинских народных сказителей (ф. 483, оп. 1, ед. хр. 264). В фонде издательства «Художественная литература» — полный машинописный экземпляр с редакторской правкой сборника «Кабардинский фольклор» в двух томах: т. I — 556 стр., т. II — стр. 557—1158 (ф. 613, оп. 1, ед. хр. 7874). Кроме того, имеется отдельная папка текстов — «Нартовский эпос» — 201 стр. Подстрочный перевод Б. Балкарова, А. Шомахова и др. (ф. 613, оп. 1, ед. хр. 5073).

Названные рукописи отражают разные этапы работы над книгой. «Нартовский эпос» — вероятно, один из первых вариантов книги (точнее, части ее). Тексты сказаний даны в подстрочном переводе. Но уже унифицированы имена нартских богатырей (вместо Шабантоко везде Шибадиноко, вместо Саусырыко — Сосруко) и внесены некоторые стилистические поправки. Каждое сказание представлено несколькими вариантами; называются исполнители подстрочного перевода. Все тексты имеют краткие паспортные данные, правда, кем и от кого осуществлены записи, указывается в немногих случаях, сообщается, кем представлен тот или иной вариант. Так, абсолютное большинство вариантов «сообщили» Н. Цагов и А. Кешоков; другие сказания «сообщили» сказители Х. Хацуков, П. Сандыков, «С. Кожаев со слов Б. Кожаевой» и т. д. Н. Цагов — один из адыгских просветителей начала XX в., по возвращении из Турции в 1913 г. (куда он был увезен ребенком), занялся интенсивным собиранием адыгского фольклора. Часть своих материалов он и представил в Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт, где готовилась эта книга. К сожалению, Цагов только в единичных случаях указал, от какого сказителя зафиксирован текст (сказание «Хымышев сын Батрез» — от Хизешлева Ибрагима в 1924 г.; сказание «Сын Сосран-Жаке» — со слов М. Шогенова). Не был сказителем и Кешоков. Лица, от которых Цагов и Кешоков записывали тексты, остались неизвестными.

Вторая рукопись (фонд издательства «Художественная литература») состоит из текстов — сказок и нартских сказаний, слова-ря и комментариев. Паспортные данные здесь полностью отсутствуют. Подстрочный перевод заменен литературным. Многие сказания все еще представлены несколькими вариантами (рождение Сосруко — двумя, сказание о бое с Тотрешем — двумя); некоторые тексты даны в первоначальном виде, без сокращений («Сосруко жив», «Если Сосруко вернется, обилие земли иссякнет»).

Рукопись «Кабардинский фольклор» из архива Соколовых содержит исправления: фиолетовыми чернилами — рукой М. Талпы, карандашом — Ю. М. Соколова. Поправки Соколова носят стилистический характер. Редактура Талпы более радикальна:

завершена унификация имен эпических героев, уточнены переводы, заменяются отдельные детали (например, в предложении «Почему, я не узнал тебя по твоим же коленам?» уточнено: «по твоим *криевым* коленам»); сокращены некоторые тексты («Как был убит наарт Сосруко», «Смерть Сосруко», «Сосруко жив», «Если Сосруко появится, то масло (жир) земли исчезнет») и т. д.

Сравнение трех рукописей с антологией «Кабардинский фольклор», изучение переписки Талпы и директора Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института А. Пшенокова с Ю. М. Соколовым позволяет восстановить историю создания этой книги, определить, какие источники использованы в ней, кем были записаны тексты народного эпоса, кто выполнил подстрочные переводы. И что особенно важно — можно проследить, какая работа проведена при окончательной подготовке текстов к печати.

В 1934 г. Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт приступил к подготовке книги «Кабардинский фольклор» — ее предполагали издать к 15-летию автономной республики. К этой работе были привлечены кабардинские ученые и писатели — П. Цагов, А. Пшеноков, Н. Кешоков, А. Кешоков, А. Шортанов, А. Шомахов, Дж. Налоев, С. Кожаев, Т. А. Шеретлоков, Б. Балкаров, М. Талпа. «Не отказываясь от систематики и изучения ранее опубликованного, Научно-исследовательский институт Кабардино-Балкарской автономной области принял такие меры по собиранию фольклора: а) были приобретены все собранные любителями материалы, б) многократно были организованы выезды на места к сказителям-певцам, в) была мобилизована общественность и с мест присыпались записи, г) зимой 33—34 года была созвана конференция стариков-сказителей. Так возникло наше собрание, часть которого предлагается вниманию читателей в русском переводе, максимально близком к подлиннику», — писал М. Талпа в одном из первых вариантов вступительной статьи к книге «Кабардинский фольклор» (ЦГАЛИ, ф. 483, оп. 1, ед. хр. 349, стр. 24).

Составитель книги учел все дореволюционные записи адыгского эпоса и — в раннем варианте книги — почти все включил в сборник. Отметим, что варианты, об идентичности которых уже говорилось (опубликованные в 1871 и в 1891 гг.), он рассматривает как разные записи. Видное место занимали новые записи¹⁰, принадлежавшие главным образом Цагову: из 33 текстов, зафиксированных в 30-е годы, 18 представлены им. Остальные варианты сообщили П. Кешоков, Х. Хацуков, Г. Кожаева, П. Сантиков, Т. А. Ше-

¹⁰ Новые записи наартского эпоса оказались не столь многочисленными, как можно было ожидать, учитывая интенсивность работы института по сбору фольклора. Это подчеркивал и Талпа: «Созванная КБНИИ в 1934 г. конференция сказителей обнаружила решительное оскудение в памяти сказителей тем и сюжетов наартского эпоса» (ЦГАЛИ, ф. 483, оп. 1, ед. хр. 349, стр. 38).

ретлоков, Б. Метезов¹¹. Подстрочные переводы в заполнили Пипеноков, Кешоков, Шортанов, Шомахов, Кожаев, Налоев, Шеретлоков, Балкаров.

Из письма Талпы узнаем, что он представил в издательство также ноты мелодий кабардинского фольклора, фотографии сказителей и фото кабардинских тавр (для художника)¹². Однако эти дополнительные материалы в книгу «Кабардинский фольклор» не вошли. В архиве Соколовых сохранились лишь фотографии сказителей; записи нот обнаружить не удалось¹³.

В книге «Кабардинский фольклор» впервые были опубликованы сказания обо всех героях адыгского нартского эпоса. Цикл Сосруко включает все сказания, составляющие «эпическую биографию» этого богатыря; цикл сказаний о нарте Бадиноко впервые представлен несколькими текстами: кроме сказания о боевом соперничестве Сосруко и Бадиноко, известного по публикации Атажукина под названием «Пши Бадиноко», здесь напечатаны варианты «Гибель Бадиноко» и «Гыбза Бадиноко», «Похищение Аканды». В отличие от более ранних изданий антология содержит не только сказания об отдельных героях — «Адиюх», «Кянжко-ко Шаой, родительницы грозной сипи» и «Гармошка Ляшын», но и весь цикл адыгских сказаний о Батрезе (четыре текста).

Во вступительной статье Талпы дана научная характеристика адыгского эпоса; в комментариях публикуемые варианты сказаний сравниваются с архивными, приводятся разночтения, предлагается новое, нередко оригинальное и убедительное толкование многих неясных мест в текстах. В этом отношении опыт Талпы заслуживает всяческого внимания при подготовке научных изданий адыгского эпоса.

Мы уже говорили, что в первый вариант рукописи вошли многие тексты из дореволюционных публикаций. Как правило, Талпа называл соответствующий источник. Исключение составляет лишь отрывок песни «Сосруко наш кан» — составитель не указал, что это перепечатка из публикации 1891 г. (СМОМПК).

В примечаниях не оговорено, как соотносятся сказания о возвращении огня, о бое Сосруко с Тотрешем и о Бадиноко, представленные Цаговым, с текстами, опубликованными Атажукиным (ССКГ, V; СМОМПК, XII). На первый взгляд это как будто разные тексты. Некоторое различие имеется в перечне эпических героев¹⁴. У Атажукина он более полный: здесь названы Имыс, Сосым, Жинду Жаке, Арыкшу, Озырмет, Насреи Жаке, Ашамез, сын Аши, Батрез, сын Хымыша, Сыбыльши и Тотреш, сын Аль-

¹¹ ЦГАЛИ, ф. 483, оп. 1, ед. хр. 349.

¹² Там же, ед. хр. 264.

¹³ Возможно, они затерялись в архиве издательства. Во всяком случае Талпа в своих письмах к Соколову несколько раз писал о том, что запись мелодий ведется (ЦГАЛИ, ф. 483, оп. 1, ед. хр. 1890, стр. 6, 7).

¹⁴ Это отметил и М. Талпа.

бека (СМОМПК, XII, 7). У Цагова имен меньше, но они в основном совпадают с именами текста Атажукина: Имыс, Сосым Жинду Борода (Жаке — по-кабардински «борода»), Аракшу, Озырмес, Батырбеков Хымыш, сын Альбека Тотреш («Кабардинский фольклор», 15).

В сказании о возвращении огня несколько разнится последний эпизод. У Атажукина он изложен более подробно: «Войско из нартов, для которого возвратился, в одну кучу налегло, кто от холода умер, кто от духоты умер. В ее середине находящейся, оставшейся малости, огонь большой для них сделал. После грабежей многое позволивши сделать, вот домой привел Сосруко» (СМОМПК, XII, 12).

У Цагова этот эпизод передан одной фразой: «Нартов войско мерзло, часть погибла. Оставшимся в живых развел огонь, а сам отправился в свой поход».

Другие различия в текстах менее значительны: у Атажукина — гора Кашукай (СМОМП, XII, 9); у Цагова — обрыв Шопшикой («Кабардинский фольклор», 17). При описании последнего испытания великаны — вмораживания его в воду — у Атажукина говорится: «... его нога до земли не доставала, в его рот вода не вливалась» (СМОМПК, XII, 11); у Цагова Сосруко «... погружается в самые глубокие пучины, не доставая ногами дна» («Кабардинский фольклор», 18).

Вместе с тем обращает на себя внимание поразительное сходство вариантов Цагова и Атажукина — совпадает не только сюжет, но и язык, стиль, специфические обороты, отдельные детали. Можно сказать, что текст Цагова в значительной части почти дословно повторяет атажукинский. Сходство их отметил и Талпа, правда, он писал: «Некоторые сказители берегут текст, как святыню. Мы имели возможность убедиться в полной идентичности двух текстов, запись которых отделена одна от другой спорока годами»¹⁵.

Между тем совершенно очевидно, что вариант Цагова — перепечатка текста Атажукина: в устной традиции такое сходство двух вариантов невозможно; оно может быть лишь следствием копирования более ранней публикации¹⁶.

То же самое можно сказать о тексте, посвященном Бадиноко. Удивительно, как составитель книги не заметил, что он полностью совпадает с текстом, опубликованным Атажукиным в 1871 г. (Талпа рассматривает их как разные варианты). Правда, сказание о Бадиноко принадлежит к числу самых устойчивых в адыгском эпосе — оно складывается из комплекса «общих мест» — портрет Бадиноко, описание его богатырских доблестей, диалог Сатанией с нартами и т. д. Но даже учитывая это, невозможно представ-

¹⁵ ЦГАЛИ, ф. 483, оп. 1, ед. хр. 349, стр. 38.

¹⁶ См. Б. И. Путилов. Текстологические заметки к песням разинского цикла. — «Русская народная поэзия», I. Горький, 1964, стр. 96.

вить, чтобы тексты, записанные с перерывом в 70 лет, могли совпадать дословно.

При подготовке сказаний к печати некоторые тексты остались неприкословенными («Кянжоко Шаой, родительница грозной супруги», «Гармошка Лапин»). Но гораздо чаще, как показывает сличение окончательного варианта с первыми рукописями книги, практиковалось сокращение сказаний, разбивка одного текста на несколько самостоятельных или объединение разных текстов. Особенно много сводных текстов, причем обнаруживаются своды двух типов. Обычно за основу взят наиболее полный вариант; в него вставлены эпизоды из других текстов. Правда, справедливости ради надо отметить, что при этом никогда не прибавляются вводные слова, соединительные предложения и т. д.

В цикле Сосруко сводным текстом такого типа является сказание о рождении Сосруко. В ранней рукописи книги «Кабардинский фольклор» (ЦГАЛИ, ф. 613, оп. 1, ед. хр. 5073, л. 28) это сказание было представлено четырьмя вариантами. В рукопись с редакторской правкой включены уже только два варианта (ЦГАЛИ, ф. 483, оп. 1, ед. хр. 349, л. 71—73), а в издании сборника опубликован лишь один. Этот текст в чем-то совпадает со всеми четырьмя исходными вариантами и вместе с тем отличается от каждого из них. В нем опущены некоторые натуралистические детали; кроме того, он включает в себя основные эпизоды и значительные детали, находящиеся в разных вариантах («идеальный» текст, который объединял бы их, от сказителей не зафиксирован, да и вряд ли он существовал). В основу сводного текста положен вариант № 1 из ранней рукописи; отдельные фразы и характеристики взяты из других вариантов: слова «девять месяцев, девять дней и девять часов лежал» — из № 3, сравнение Сатаной с Мезитхой — лесной богиней — из № 4, фраза «как жар, Сосруко выпал, Сатаной на подол ее упал, прожег рубашку, на землю упал» — из № 3.

Несколько изменен конец сказания, взятый из варианта № 4 ранней рукописи книги. В указанном варианте говорится: «Его мать звала «ножной чувяк», коровьим пастухом найденный, сын злого пастуха» (перевод подстрочный). В изданным тексте уже не мать, а сами народы «называли Сосруко чувяком, подкидышем, отродьем дрянного пастуха коров». Это, конечно, существенное изменение.

Сводным является в антологии и сказание о возвращении огня. Сначала оно было представлено двумя полными вариантами и небольшим отрывком. Один из полных текстов сообщил Цагов (подстрочный перевод Пшеникова), другой перепечатан из СМОМПК, XII; отрывок представил Коняев. В книге «Кабардинский фольклор» опубликован один текст. В основу его положен вариант Цагова, дополненный эпизодом из «отрывка» — о предсмертных кознях Иныжа.

Сказание о бое Сосруко с Тотрением было представлено в ран-

ней рукописи пятью вариантами: тремя полными и двумя — в виде отрывков¹⁷. В «Кабардинском фольклоре» опубликован сводный текст, составленный из двух вариантов — № 1 и № 3 (ЦГАЛИ, ф. 613, оп. 1, ед. хр. 5073, л. 34—40 и 48—54). За основу взят вариант Хацукова: он дополнен отдельными эпизодами из сказания «Смерть Тотреща». Один из них — выезд Сосруко на охоту. В первоначальном варианте сборника этот отрывок имел прозаическую форму (во всяком случае, в подстрочном переводе нигде не указано, что это стихи):

«Нартов Сосруко, голос ночи, черный мужчина. Чудный паездник по гвоздям. Для зла ты рожден, ко добру ты склонен. Тебе ли сидеть, нас голод морит (сказали рабы княгини Сатаней)».

В книге «Кабардинский фольклор» (стр. 23) он передан стихами:

Нарт Сосруко,
Ночи черной зов,
Наездник грозный,
Наездник чудный,
Острые гвозди коню нипочем!
Для зла ты рожден,
Но склонен к добру.

Другой эпизод, взятый из того же первоначального текста, — напутствие Сатаней Сосруко: «Иди теперь, не жалей врага, пусть он будет мой отец, — сказала Сатаней Сосруко. — Не жалей врага, который вчера хотел убить тебя. Зная, что он тебя не покалеет, я посылаю тебя. Твой враг — назначивший время битвы, стоит на холме, ожидая с нетерпением встречи с тобой. Из ноздрей его лошади идет дым, от которого мир тебе покажется туманным. Он состоит из ядов, — сказала мать сыну. Сатаней тоже подготовила противоядие и послала Сосруко».

Наконец, в финал варианта Хацукова включен эпизод о встрече Сосруко с сыновьями аталаика (воспитателя) Тотреща и его разговор с Сатаней из того же варианта № 3. При этом была опущена заключительная фраза: «Раз ты сделала так, твой брат убит тобою, и ты в дальнейшем не будешь иметь никакого отношения ко мне» — на этом Сосруко разошелся с мачехой».

В известных нам вариантах такая характеристика отношения Сосруко к Сатаней не встречается, и приходится сожалеть, что смысл заключительного эпизода после редактуры несколько изменился.

¹⁷ Полные варианты: 1) «Смерть Тотреща» — сообщено сказителем Хацуковым, подстрочный перевод Шенокова; 2) вариант из СМОМПК, XII, 4—7; 3) «Смерть Тотреща» — не указывается, от кого записано, подстрочный перевод Кешокова. Отрывки «Почему Сатаней уничтожила племянников» сообщены Цаговым, подстрочный перевод Шенокова.

Сводным оказывается и текст «Сосруко жив» («Кабардинский фольклор», 30—31): он составлен из текста «Сосруко жив» (сообщил Цагов, перевел Пшеноков) и из варианта, опубликованного в ССКГ, V. Вариант Цагова сокращен — опущено начало.

В опубликованном тексте «Сосруко жив» есть стихотворная вставка:

Там, где небо синеет,
Где земля зеленеет,
Семь дней походить
Я свободно хочу.
Жить хочу,
Чтоб врагам отомстить,
Им вырвать глаза ненавистные,
Сравнять на земле все первое.
С острым копьем Альбеков Тотреш
На дороге стоит, не пускает.
Задыхаюсь в тоске по старой земле,
Разломать не могу
Землю черную, крепкую землю.
В тоске разрывается сердце.
С острым копьем Альбеков Тотреш
На дороге стоит, не пускает.

(Кабардинский фольклор, 31)

Этот стихотворный текст также сводный. В него вошли: 1) строки из варианта «Сосруко жив»: «Небо синеет, земля где зеленеет, семь дней свободно ходить и жить желаю, чтобы отомстить, выколоть глаза врагам»; 2) отрывок из ССКГ, V, стр. 50: «... От горя я разрываюсь, прорвал бы черную землю и вышел бы на старый свет, но Альбеков сын мне препятствует: он стоит надо мною в полном вооружении, готовый при первом моем движении приколоть меня. Когда Бештау был не больше кочки и через Идыл шагали мальчики, я был старик в полной силе. От горя я разрываюсь, прорвал бы черную землю и вышел бы на старый свет, но Альбеков сын мне препятствует: стоит надо мной в полном вооружении, готовый при первом движении приколоть меня».

В первоначальном тексте эти строки переданы прозой. Правда ни в одном варианте рукописи книги «Кабардинский фольклор» не указано, какие тексты в оригинале были стихотворными, а какие — прозаическими. Поэтому мы не имеем возможности говорить с полной уверенностью о том, насколько правомерен стихотворный перевод этих строк. Можно только отметить, что стихи точно передают содержание отрывков из разных текстов.

В сказании «Гибель Бадиноко» (первоначально — «Иныж и Эльмирзепши». Сообщено Сантыковым, подстрочный перевод Пшено-

шокова) в заключительный эпизод вставлено описание чудесных свойств волшебного нартского меча.

В цикл «Ашамез» включен сводный текст, в основу которого положен вариант Цагова «Ашамез и Тлебица» (подстрочный перевод Пшенокова). Изменено название сказания (в книге — «Ашамез»). В текст Цагова включены эпизоды из варианта, опубликованного в СМОПИК, XII: как нарты хотели идти в набег, а Ашамез заставил их отправиться во владения Тлебицы, как Тлебица волочил по земле израненного Ашамеза, диалог Ашамеза с женой Тлебицы, изменен конец сказания.

Другой тип свода, обнаруженный в книге «Кабардинский фольклор», — объединение ряда сказаний. Так составлено сказание о светлорукой красавице Адиюх. Его сообщил Цагов, подстрочный перевод сделал Пшеноков (ф. 613, оп. 1, ед. хр. 5073, стр. 27—28). Первоначально было несколько текстов об Адиюх: «Адиюх», «Дом Адиюх», «Адиюх муж утонул», «Гора красной осталась», «Нарт Сосруко и Адиюх». Они излагают разные моменты из жизни одной и той же героини. Вероятно, это и дало основание объединить все тексты в один, под общим заглавием «Адиюх» («Кабардинский фольклор», 21—23).

При подготовке сказаний к печати иногда изменялись их названия и сокращались повторяющиеся эпизоды. Так, вариант «Как нарт Сосруко был убит» в книге называется «Звери и птицы», опущено его начало — описание того, как нарты искали способ известить Сосруко (см. ЦГАЛИ, ф. 483, оп. 1, ед. хр. 349). Текст «Как был убит нарт Сосруко» (сообщил Кешоков, подстрочный перевод Пшенокова) опубликован под названием «Смерть Сосруко» без изменений; опущена лишь последняя фраза: «Выкопали большую яму и живьем закопали Сосруко и Тхожея».

Сказание «Если Сосруко появится, то масло (жир) земли исчезнет» опубликовано под названием «Если Сосруко появится, иссякнет обилие земли» («Кабардинский фольклор», 31—33). При публикации оно сокращено: опущен заключительный эпизод — игры Сосруко с волшебным колесом жен-шерх и так называемые «этиологические мотивы».

Все сокращения вариантов сказания о гибели Сосруко были произведены редактором книги (см. ЦГАЛИ, ф. 483, оп. 1, ед. хр. 349).

Сказание «Сын Сосрена Бороды» (первоначально — сын Сосрен-Жаке, сообщено Цаговым со слов Шогенова, подстрочный перевод Дж. Налоева) напечатано не полностью: опущено начало — игра в альчики,ссора с Куйцуком, испытание матери, добывание отцовского оружия и усмирение богатырского коня.

«Кашемировый пепел» («Кабардинский фольклор», 59—60) — первоначально — «Песня о Батрезе», сообщено Кешоковым, подстрочный перевод его же. При подготовке к печати сделаны сокращения: опущено начало сказания — игра в альчики, встреча с Пшидадой и приезд Батреза к нартам.

Иногда одно сказание разбито на два или более: «Хымышев сын Батрез» (сообщено Цаговым, записано у Хизешлева, подстрочный перевод Шеретлкова) оказалось в «Кабардинском фольклоре» разделенным на несколько самостоятельных текстов («Детство Батреза»— стр. 53—54; «Батрез мстит убийце»— стр. 54—55; «Батрез и парты»— стр. 55—59).

Текст, опубликованный под названием «Фрагменты. Крепостной разрушитель» («Кабардинский фольклор», 61) напечатан в книге в виде двух самостоятельных отрывков, хотя в первом варианте сборника («Фрагмент», сообщено Цаговым, подстрочный перевод Ишенокова) это единый текст.

При подготовке текстов унифицированы диалектные разновидности имен народных богатырей (Сос-Сосыр, Бадиноко-Шабынто, Сотреш-Тотреш); они заменены кабардинским (нигде в комментариях это не оговорено).

Сличение подготовительных рукописей книги «Кабардинский фольклор» показывает, что на первом этапе работы выдерживался принцип достоверной передачи текстов, в дальнейшем, однако, была взята ориентация на составление сводных вариантов.

Характерно, что машиноисписные варианты сборника, где тексты остаются в большей или меньшей неприкословенности, сохранились в архиве Ю. М. Соколова. Что касается дальнейшей правки, сведенияя текстов и т. д., то они обнаруживаются в опубликованной книге. Из этого напрашивается вывод, что те изменения в текстах, о которых говорилось выше, появились именно тогда, когда рукопись уже находилась вне наблюдения Ю. М. Соколова, будучи переданной в издательство. К сожалению, подготовка рукописи в издательстве в ряде случаев вылилась в явный редакторский произвол, и с этим нельзя не считаться.

П. Д. МАРТИНОВИЧ И СОБИРАНИЕ ДУМ

Б. П. КИРДАН

Фольклористы конца XIX — начала XX в. (В. Антонович и М. Драгоманов, Н. Костомаров, А. Пыпин, И. Франко, Ф. Колесса) проделали большую работу по критическому анализу текстов дум и песен. Они доказали, что некоторые произведения, опубликованные в прошлом как народные, к таковым не относятся.

Представляется необходимым продолжить эту работу. Без критического анализа произведений устно-поэтического творчества, напечатанных в сборниках и хранящихся в архивах, невозможно подготовить подлинно научное издание фольклора; без него затрудняется изучение материала.

В данной статье мы попытаемся осветить некоторые стороны фольклористической деятельности П. Д. Мартиновича, записавшего большое количество произведений украинской народной поэзии.

Порфирий Денисович Мартинович (1856—1933) — известный украинский художник. Собирать фольклор он начал очень рано — первая запись сделана им в 16 лет. Свыше пятидесяти лет Мартинович записывал произведения народной поэзии на родной Полтавщине. Часть собранного им материала была напечатана в журнале «Киевская старина»¹, а чуть позже вышла и отдельная книга². Большинство записанных им произведений украинского фольклора и этнографических наблюдений хранится в отделе рукописей Института искусствоведения, фольклора и этнографии им. М. Ф. Рыльского АН УССР³.

В 1872 г. Мартинович приехал в Петербург и поступил в Академию художеств. В Петербурге он познакомился и часто встречался с такими значительными деятелями украинской культуры, как П. Чубинский, А. Русов и особенно Н. Лысенко. Знакомство с ними значительно усилило его интерес к фольклору. По предложению Лысенко студент Мартинович рисовал иллюстрации для «Славянских концертов», которые в 1875 г. в Петербурге

¹ «Украинські записи Порфирия Мартиновича». — «Киевская старина», 1904, февр., март, июль — ноябрь.

² «Украинські записи Порфирия Мартиновича». Киев, 1906.

³ Отд. рукоп. Ин-та искусствоведения, фольклора и этнографии им. М. Ф. Рыльского АН УССР, ф. 11-3 и 11-4 (далее: ИИФЭ).

устраивал выдающийся украинский композитор⁴. В том же году Мартинович познакомился у Лысенко с кобзарем О. Вересаевым, который в то время выступал в столице. От него Мартинович записал несколько песен (они хранятся в его рукописном фонде⁵) и узнал, что в Лохвице на Полтавщине живет бандурист И. Г. Кравченко-Крюковский, который очень хорошо играет на бандуре и знает много дум⁶. Летом 1876 г. Мартинович вместе со студентом Академии художеств А. Сластионом отправился в Лохвицу и записал от Кравченко-Крюковского несколько дум и других произведений. Этим же летом он записывал фольклор от кобзаря Т. Магадина из с. Вороньки Лохвицкого уезда⁷.

Варианты Кравченко-Крюковского предполагалось опубликовать в третьем томе «Исторических песен малорусского народа», издававшихся В. Антоновичем и М. Драгомановым, но том этот не вышел. Материалы Мартиновича находились у М. Драгоманова, уехавшего за границу. Собирателю понадобилось более десяти лет, чтобы добиться возвращения своих записей⁸. За это время от того же Кравченко-Крюковского в 1882 г. записал думы В. Горленко и сразу же напечатал их в «Киевской старине». Более ранние записи Мартиновича были опубликованы лишь в феврале 1904 г. в том же журнале. При этом оказалось, что Мартинович в 1876 г. записал от Кравченко-Крюковского думу «Самойло Кошка» в весьма развернутом и цельном виде, а Горленко, спустя шесть лет, — лишь ее отрывки. В 1882 г. Горленко отметил, что даже эти небольшие части ему «нелегко было выпытывать» у Кравченко-Крюковского: думу «Самойло Кошка» кобзарь не пел свыше двадцати лет и почти совсем забыл ее⁹.

Мартиновичу кобзарь тоже говорил, что забыл эту думу: «Знаю, что не так было»¹⁰, — признавался Кравченко-Крюковский.

Возникает вопрос: как же тогда Мартинович записал от него цельное художественное произведение, которое к тому же разительно отличается от отрывочной записи Горленко? Ответ на этот вопрос находим в письме самого собирателя, адресованном Горленко 26 ноября 1887 г. «Кошка Самойло», — писал он, — у меня более полно записан, чем у Вас, потому что в то время,

⁴ ИИФЭ, ф. 11-3, ед. хр. 59, л. 1—40; ед. хр. 143, л. 1; ед. хр. 150, л. 5.

⁵ Там же, ед. хр. 562, л. 1—9.

⁶ Там же, л. 1.

⁷ Там же, ед. хр. 59, л. 42—43.

⁸ Там же, ед. хр. 53, л. 30—31.

⁹ «Больше двадцати лет, как пел! — говорил кобзарь. — Прежде было старику какому-нибудь проною, так он и сам старицу вспоминает... А иногда, когда никому не случалось петь, то придет охота, — сам себе, бывало, проною. — Так давнее то дело! — Это может через десятое в двадцатое слово!» (В. Горленко. Бандурист Иван Крюковский. — «Киевская старина», 1882, дек., стр. 504).

¹⁰ П. Мартинович. Украинськи записи, стр. 23.

когда я записывал, я имел статью Костомарова о думах, где были приведены в извлечениях варианты Котляревского и Зайкевича. Я подсказывал Кравченку те части дум, какие были напечатаны в статье, а Кравченко по-своему их варьировал. Если бы у меня в то время был в руках весь вариант Зайкевича, то я бы тогда записал от Кравченко целиком всю думу от начала до конца. Кравченко легко припоминал, когда я ему читал части думы из варианта Зайкевича ¹¹.

Мартинович говорит в письме о рецензии Костомарова «Историческая поэзия и новые ее материалы» на первый том «Исторических песен малорусского народа» В. Антоновича и М. Драгоманова ¹². В своей рецензии Костомаров цитировал большие отрывки из думы «Самойло Кошк» по варианту 1805 г., который ему передал проф. А. А. Котляревский ¹³, и привел отрывки этой думы из варианта, записанного и присланного ему проф. Зайкевичем. Из варианта, переданного Котляревским, Костомаров процитировал одиннадцать отрывков (167 стихов). Из варианта, присланного проф. Зайкевичем, — шесть небольших отрывков (37 стихов) ¹⁴.

Мартинович читал эти отрывки кобзарю, как мы уже видели из его письма к Горленко, а тот их повторял, по-своему варьируя. Так был создан вариант думы «Самойло Кошк», который вошел в науку как вариант Кравченко-Крюковского. В этом варианте крайне мало текстуальных совпадений с вариантами, которые были напечатаны в статье Костомарова. Если бы не было письма Мартиновича, то нельзя было бы даже заподозрить, что кобзарь исполнял думу при содействии собирателя.

Совпадение налицо лишь в самом начале думы. Вариант, записанный от Кравченко-Крюковского, начинается словами:

Ой у лузі Базалузі там був курінь петязький,
Там жив-проживав Кішк Самійло гетьман козацький;
То він там жив-проживав,
Та коло себе сорок два чоловіна петяг мав.
То турецьке баша, молоде паня, по Чорному морі безпешно
гуляло...

¹¹ Отд. рукоп. Ин-та литературы им. Т. Г. Шевченко АН УССР, ф. 102, ед. хр. 82, л. 1 (далее: ИЛ АН УССР).

¹² «Вестник Европы», 1874, дек., стр. 573—629.

¹³ Там же, стр. 597—606. Е. Грушевская допустила большую неточность, когда писала в предисловии к первому тому «Українських народних дум» (Харків, 1927), что Н. Костомаров в упомянутой рецензии только называл, а не цитировал думы из рукописного сборника А. Котляревского (см. стр. XXI—XXII). Г. С. Сухобрус вслед за Грушевской повторила эту неточность (см. Г. С. Сухобрус. Українсько-російські фольклорні зв'язки в освітленні вітчизняної науки першої половини XIX ст. Київ, 1963, стр. 52).

¹⁴ «Вариант Зайкевича скуден, — писал Костомаров. — Очевидно, бандурист позабыл многое из думы и сообщил записавшему только то, что случайно удержалось у него в памяти...» («Вестник Европы», 1874, дек., стр. 606).

И несколько дальне:

Усіх козаків нетяг гетьманських, запорозьких, сонних
забрали,
Там залізпі пута їм на руки, на ноги понадівали...¹⁵

Та же часть думы в варианте, который прислал Костомарову проф. Зайкевич:

Ой у лузі Базавлуці там стояв курінь бурлацький,
Там був-пробував Кішка Самійло, гетьман козацький,
І мав він собі товариства сорока чоловіка.
То турецьке паня, молоде башя, по Чорному морю
безпечно галерою гуляв...

Усіх козаків гетьманських запорозьких на місті заставав,
Залізні їм пута подавав¹⁶.

Остальные части думы представляют собой настолько свободную импровизацию, что трудно установить, какой эпизод Кравченко-Крюковский действительно вспомнил, а какой, услышав от собирателя, «по-своему варьировал».

Из сказанного можно сделать вывод, что дума «Кішка Самійло», записанная от Кравченко-Крюковского, в основе народная, но в момент записи кобзарь ее не помнил и воспроизвел по подсказкам собирателя.

В собирательской практике Мартиновича это был первый, но, к сожалению, не последний случай. В 1887 г. Мартинович и Горленко записали от кобзаря Мусея Гордеевича Куліка из Полтавской губ. несколько дум. После смерти Горленко думы эти хранились у Мартиновича, затем он передал их комиссии исторической песенности украинской Академии наук.

Грушевская во вступительной статье к первому тому «Українських народних дум» писала: «Записи были сделаны совместно с Горленко так, что Мартинович расспрашивал кобзаря и напоминал ему различные темы, а Горленко записывал тексты»¹⁷.

В письме Мартиновича, адресованном Грушевской 1—3 марта 1929 г., содержится ряд важных подробностей происхождения записей отдельных дум. Оказывается, что в 1887 г., как и в 1876 г., Мартинович «напоминал» кобзарю думы, а тот их по-своему варьировал.

На этот раз Мартинович не читал кобзарю думы из книги, а произносил по памяти — он их уже хорошо знал. Так были за-

¹⁵ П. М а р т и н о в и ч. Українські записи, стр. 16.

¹⁶ «Вестник Европы», 1874, дек., стр. 596.

¹⁷ «Українські народні думи», т. 1, стр. СХХVIII. Из записей М. Куліка в этом томе были напечатаны думы: «Три брата самарские», «Плач невольников», «Маруся Богуславка» и «Алексей Попович».

писаны «Плач невольников», «Маруся Богуславка», «Три брата самарские»¹⁸.

Совершенно очевидно, что по этим записям нельзя судить ни о репертуаре кобзаря Кулика, ни о состоянии традиции дум. Неоправданной была бы и публикация названных текстов без соответствующих комментариев¹⁹.

Нами приведены два свидетельства самого Мартиновича о том, что он иногда записывал не только те думы, которые кобзарь знал, но и те, которые исполнитель воссоздавал после прослушивания.

Аналогично, вероятно, Мартинович записал и некоторые произведения на сюжеты былин. В письме от 21 сентября 1932 г. он просил своего знакомого, И. Хоткевича, прислать ему сборник былин для того, чтобы «напоминать» исполнителям содержание былин, а затем, в их пересказе, записывать²⁰.

Сказанное заставляет с большей осторожностью относиться ко многим текстам в архиве Мартиновича. К их числу принадлежат произведения, которые по своей форме не относятся к жанру дум, но используют их образы и отдельные мотивы (например, «Канивец-молодец», «Канивченко-Вдовиченко», «Вдовиченко»²¹), а также уникальные думы, записанные Мартиновичем не от кобзарей и лирников²².

При решении вопроса о том, возникло подобное произведение независимо от собирателя или при его помощи, следует обращать внимание на реплики исполнителей — их Мартинович иногда записывал. Например, в рукописи после упомянутых текстов «Канив-

¹⁸ ИИФЭ, ф. 11-3, ед. хр. 103, л. 12.

¹⁹ Вероятно, в 1927 г. и Е. Грушевская не напечатала бы «вариантов» дум Кулика, если бы знала, как они были записаны. Во всяком случае, во второй том «Украинских народных дум», вышедший в 1931 г., она не включила думу «Бедная вдова и три сына», которая также была записана от Кулика.

²⁰ В своих монографиях об украинских народных думах мы не анализировали тексты, записанные от кобзаря Кулика, а лишь назвали их в «Указателе опубликованных вариантов дум» (см. Б. П. Кирдан. Украинские народные думы (XV — начало XVII в.). М., 1962; Б. П. Кирдан. Украинский народный эпос. М., 1965).

²¹ ИИФЭ, ф. 8-4, ед. хр. 310, л. 18.

²² Явным пересказом былины «Илья Муромец и Соловей-разбойник» является, например, сказка «Илья Муравець», записанная Мартиновичем в 1882 г. от К. Пашковского (Пашко). — П. Мартинович. Украинские записи, стр. 242—247.

²³ ИИФЭ, ф. 11-4, ед. хр. 665, л. 231, 237—238.

²⁴ В среде кобзарей и лирников думы сформировались как жанр народной поэзии. Эти две категории певцов и донесли их до нас, что неоднократно отмечалось в науке. Мартиновичу, напротив, представлялось, что думы формировались вне среды кобзарей и лирников, а лучшие кобзари и лирники лишь приспособили часть дум к кобзю (ИИФЭ, ф. 11-3, ед. хр. 62а, л. 26—27). Подтверждением этой концепции и должны были служить записи от непрофессиональных исполнителей. Мартинович сообщал, что он записал около ста (!) вариантов «дум» и что у него, якобы, собрано больше, чем за предыдущие сто лет до него (там же).

ца-молодца» и «Капивченко-Вдовиченко» воспроизведена реплика исполнительницы, от которой Мартинович их записал: «Ну-ну, две сложили, слава богу. Ну-ну, третью как бы бог помог!»²³. Из реплики можно заключить, что эта исполнительница сама создавала думы и притом, вероятно, вместе с собирателем — ведь она все время подчеркивала, что они «сложили».

В рукописном фонде Мартиновича хранится много дум, которые были известны лишь по записи 1805 г. от «слепца Ивана» и в репертуаре кобзарей больше не встречались. Так, например, от некой Оксаны Кобыланки из Николаевки (Полтавская губ.) Мартинович записал думы: «Иван Богаслав», «Старый атаман Матяш», «Три брата самарские», «Федор — сирота безродный», «Копка Самойло», «Сиркова Иванова», «Десна — Днепр — Дунай-река»²⁴. Все эти думы входили в репертуар «слепца Ивана» — кобзаря начала XIX в. Четыре из них — уникальные²⁵. Они, как уже отмечалось, впервые были записаны в 1805 г. В 1872, 1874 и особенно в 1880-х годах цитировал их иногда почти целиком Н. Костомаров²⁶. Полностью эти думы опубликовал П. Житецкий²⁷ в 1893 г.

Итак, в репертуаре Оксаны Кобыланки оказались все думы, включая уникальные, которые были записаны в 1805 г. от «слепца Ивана». Маловероятно, чтобы все они дошли путем устной передачи: даже кобзарь, как правило, не знал всех дум своего учителя. Весьма симптоматична и близость (или даже совпадение) дат

²³ ИИФЭ, ф. 11-4, ед. хр. 665, л. 231.

²⁴ Там же, л. 20 и сл.

²⁵ «Иван Богаслав» в публикации Житецкого назван «Иван Богославец», «Старый атаман Матяш» — «Атаман Матяш старый», «Сиркова Иванова» — «Вдова Сирко Ивана», «Десна — Днепр — Дунай-река» — «Разговор Днепра с Дунаем».

²⁶ «Беседа», М., 1872, кн. V, стр. 115—116; «Вестник Европы», 1874, дек., стр. 597—606, 609—611; «Русская мысль», М., 1880, кн. I, отд. II, стр. 10—27, стр. 30—33; кн. II, отд. II, стр. 10—11, 34—38; кн. V, отд. II, стр. 33—35. Думу «Разговор Днепра с Дунаем» Н. Костомаров почти полностью опубликовал еще в 1872 г. в исследовании «Историческое значение южнорусского народного песенного творчества» («Беседа», М., 1872, кн. V, стр. 115—116).

²⁷ П. Житецкий. Старинная запись народных малорусских дум с обзором вариантов к ним. — «Киевская старина», т. XL, 1893, янв. (думы «Три брата самарские», «Федор безродный» и «Иван Богославец, гетман запорожский» напечатаны на стр. 106—107, 108—110, 122—125); февр. (думы «Кишка Самойло», «Атаман Матяш старый», «Вдова Сирко Ивана», «Разговор Днепра с Дунаем» напечатаны на стр. 296—302, 307—309, 310—312, 313—314).

Мартинович поставил под своими записями дату — 29 мая 1892 г. (ИИФЭ, ф. 11-4, ед. хр. 665, л. 20 и сл.). В другой рукописи сказано, что дума «Сиркова Иванова» записана 19 февраля 1893 г. (там же, ед. хр. 666, л. 11), т. е. указана дата значительно более поздняя. Есть основания предположить, что более правильной является дата «19 февраля 1893 г.» — в этом месяце была окончена публикация Житецкого. Впрочем, Мартинович мог взять эти думы и из исследований Костомарова «История казачества в памятниках южнорусского песенного творчества» (1880) и «Историческое значение южнорусского народного песенного творчества» (1872).

публикации дум «слепца Ивана» и появления записей от Оксаны Кобылочки. Не исключено, что Мартинович в данном случае, как иногда и раньше, читал исполнительнице думы, а затем записывал их в ее изложении.

Нельзя считать случайной и близость некоторых других дум, хранящихся в архиве Мартиновича, с опубликованными вариантами, особенно если налицо текстуальные совпадения (например, в думе «Веремія Волошина пісня», записанной Мартиновичем, и в думе «Про Веремія Волопынца» — из сборника Метлинского «Народные южнорусские песни» (Киев, 1854, стр. 413)).

В рукописи Мартиновича:

Це той, що дванадцять літ у мене за джуру
пробував,

Усі мої звичай познав,
Правою рукою чутъ мене пополам не неретяв...
Оце він мені за мою хліб-сіль таку благодарность
оддав.

(ИИФЭ, ф. 11—4, ед. хр. 623, л. 17—18)

В сборнике Метлинского:

Которий у мене дванадцять літ за джуру пробував,
І всі мої звичай познав,
Дак се за мою хліб-сіль благодареніе мені оддав:
А правою рукою чутъ мене пополам не неретяв...

Последний отрывок записал П. А. Кулиш от кобзаря А. Шута в м. Александровке Сосницкого уезда Черниговской губ.

Наши знания о кобзарях не слишком богаты. Поэтому мы готовы допустить, что даже тексты, исполненные кобзарем после прослушивания им думы, не лишены известного интереса (мы убеждаемся в умении певцов «ловить» думу и передать ее, иногда по-своему изменив, и т. д.). Но все же их никак нельзя приравнять к думам, которые действительно были в репертуаре того или иного кобзаря или лирника. Они не могут служить документом непрерывной устной традиции в передаче того или иного произведения, не могут свидетельствовать и о репертуаре исполнителя.

Еще один вопрос, на котором необходимо остановиться и который постоянно надо иметь в виду. Как Мартинович относился к записанным произведениям народной поэзии, допускал ли он их редактирование? Когда знакомишься с письмами Мартиновича, то картина становится довольно ясной.

В письме от 26 ноября 1887 г. Мартинович писал Горленко, что в думе Сокура об Ивасе Коновченко он исправил некоторые исковерканные слова ²⁸. «Убедительнейше прошу Вас, Василий

²⁸ В это время Горленко готовил двухтомное издание украинского сборника, в котором предполагал напечатать и новые фольклорные записи (см. его письмо к Мартиновичу от 24 мая 1887 г. — ИЛ АН УССР, ф. 102, ед. хр. 17).

Петрович,— обращался он далее к Горленко,— не печатайте записанных Вами дум без реставрации. Репительно нет никакого резона печатать их в таком виде. Ведь не искажение слов характеризует упадок дум, а совсем другие причины. Такой вариант, как Сокура, может быть, будут учить когда-то в учебных заведениях и искажения слов будут затруднять только будущих читателей думы»²⁹.

Если принять во внимание решительность тона письма и убежденность его автора в своей правоте, то нетрудно предположить, что к этому периоду у Мартиновича была уже выработана своя методика подготовки народных текстов, хотя еще не была опубликована ни одна его запись.

Но в какой степени Мартинович «реставрировал» собственные записи, трудно сказать, так как не удалось разыскать черновиков. Можно предположить, что он «реставрировал» не только слова.

Когда в 1904 г. в «Киевской старине» были напечатаны «Украинськи записи», Мартинович сделал список ошибок. В думе «Маруся Богуславка», записанной им 30 января 1886 г. от лирника С. Чекана, были напечатаны следующие стихи:

Пан од двору од'їжджатиме,
Ключі мені у руки уручатиме,
То я буду на білій світ вас випущати.
То ви біжіте,
Тільки города Богаславії не миніте,
Там моєму отцеві накажіте,
Що нехай монетов не збуває,
Мене відсіля не викупляє,
Бо вже я потурчилась... ³⁰

Мартинович отметил, что в первой строке этого отрывка прощено слово «турецький» («Турецький пан»). Далее он указал на пропуск между второй и третьей строками и привел стихи, которых не было в печатном варианте:

То я буду до темниці приходжати,
На білій світ вас випущати.
Став турецький пан з двора виїжджати,
Став він ій ключі вручати.
Стала дівка-бранка до козаків приходжати,
І бідних неволиників з темниці винищати
І біжіте ви біднії неволиники,
Тільки города же Богаславії не миніте,

²⁹ ИЛ АН УССР, ф. 102, ед. хр. 2, л. 2, 3.

³⁰ «Киевская старина», 1904, сент., стр. 309. В таком же виде эта дума вошла и в сборник «Украинськи записи Порфирия Мартиновича» (Киев, 1906, стр. 257).

Там моєму отцеві накажіте,
Що нехай маєтків не збуває,
І мене відсіля не викупляє,
Бо вже я тут потурчилась...

Если сравнить этот отрывок с напечатанным, то легко заметить, что Мартинович не только восстановил пропущенную часть думы между вторым и третьим стихами, как он сам писал, но изменил, хотя и незначительно, все стихи. Особый интерес представляет примечание, которое собиратель сделал к рассматриваемой части думы. Мартинович писал в сноске: «Это лирник говорил во второй раз так... И в первой записи моей этих слов нет... Эти слова были записаны во второй раз. И находятся в другой моей рукописи, которая дома и не была дана для публикации» ³¹.

Таким образом, Мартинович считал возможным не только дополнение одной записи другой, хотя и сделанной от того самого исполнителя, но и восстановление текста по памяти (из примечания не видно, чтобы рукопись была перед собирателем).

Мартинович иногда восстанавливал по памяти не только части дум, но и целые произведения других жанров народной поэзии. Так, во вступительной заметке к записям Мартиновича от казака Григория Ганчара редакция журнала «Киевская старина» писала: «Печатаемый в настоящей книжке рассказ о кошевом Гладком писан П. Мартиновичем по памяти, так как точная запись, сделанная со слов козака Грыцька Ганчаря в с. Веремеевке (Золотоноп. уезда), записывателем утеряна, и сохранился только последний полулист...» ³² Заметки редакции, предпосланные публикациям Мартиновича, в отдельное издание его «Украинских записив» не вошли. Рассказ «Про кошевого Гладкого», таким образом, был опубликован уже как записанный непосредственно со слов носителя ³³.

В заключение необходимо подчеркнуть, что исследователи, которые были незнакомы с архивом собирателя, высоко оценивали собирательскую деятельность Мартиновича. Так, Е. Грушевская писала, что Мартинович записал думы от Кравченко-Крюковского «очень старательно» и что собирательская работа Горленко и Мартиновича «является образцом для других подобных работ, которые подготавливают почву для дальнейших теоретических исследований» ³⁴. Как мы видели, положение гораздо сложнее. Столь высокая оценка собирательской работы Мартиновича во многом не оправдывается, с чем нельзя не считаться при подготовке научного издания украинских народных дум.

³¹ Отрывок думы и сноsku см.: ИИФЭ, ф. 11-4, ед. хр. 1011, л. 26.

³² «Киевская старина», 1904, июль — авг., стр. 11.

³³ П. М а р т и н о в и ч. Українські записи, стр. 215—220.

³⁴ «Українські народні думи», 1, стр. СХХVI, СХХХ.

РАБОТА Э. К. ПЕКАРСКОГО НАД ТЕКСТОМ ОЛОНХО
«СТРОПТИВЫЙ КУЛУН КУЛЛУСТУУР»
(К проблеме научного редактирования
эпического текста)

И. В. ПУХОВ

Эдуард Карлович Пекарский (1858—1934) — крупный лингвист, этнограф и фольклорист. Поляк по национальности, Э. К. Пекарский за участие в народническом движении России был сослан в 1881 г. в Якутскую область. В ссылке и началась его многолетняя научная деятельность. Пекарскому принадлежит заслуга быть создателем трехтомного «Словаря якутского языка» (свыше 25 тысяч слов), изданного Академией наук СССР. В работе ему помогали представители самых различных слоев якутского народа (первый якутский ученый С. А. Новгородов, выдающаяся сказительница, знаток якутского языка и фольклора М. Н. Андросова-Ионова и др.). Широкую поддержку его труду оказал и восточно-сибирский отдел Русского географического общества. С большим участием относились к работе Пекарского крупнейшие ученые России (К. Г. Залеман, В. В. Радлов, А. Н. Самойлович, Б. Я. Владимирцов, С. Е. Малов, К. К. Юдахин, Н. Ф. Катанов и др.). Работы Пекарского принесли ему широкое признание. Он удостаивался научных премий, а в советское время был избран членом-корреспондентом АН СССР (1927) и почетным академиком (1931).

Особое значение для фольклористики имеют три тома «Образцов народной литературы якутов», куда Пекарский помимо собственных записей включил записи других собирателей (И. А. Худякова, В. Н. Васильева и др.). В этом издании, осуществленном по типу «Образцов народной литературы тюрksких племен» В. В. Радлова, главное место занимает героический эпос олонхо.

Пекарский был не только составителем, но и редактором всех трех томов. Им проделана вся текстологическая работа, характеризуемая точностью и глубокой продуманностью исходных принципов.

Иллюстрацией послужит краткий анализ работы Пекарского над текстом олонхо «Строптивый Кулун Куллустуур».

Олонхо «Строптивый Кулун Куллустуур» впервые было издано на якутском языке Э. К. Пекарским в 1916 г.¹ Оно было записано этнографом Виктором Николаевичем Васильевым от известного якутского олонхосута (сказителя) Иннокентия Гурьевича Тимофеева-Теплоухова (1865—1962) в с. Амга Якутской обл. в 1906 г.²

Сохранились свидетельства собирателя и самого сказителя о том, как проводилась запись олонхо. Из них можно заключить, что Васильев стремился к максимальной точности. Он пишет: «Все сказки³ записывались под диктовку сказочников (запись олонхо вручную во время пения невозможна⁴. — И. П.), причем я старался возможно точно воспроизвести их произношение. Во избежание возможных пропусков, изменений и сокращений со стороны того или другого сказочника, каждая сказка предварительно прослушивалась мною полностью в ее нормальной передаче при соответствующей обстановке и ее обычных слушателях⁵. Олонхосут в свою очередь рассказывал: «Если я при диктовке пропускал повторяющиеся места, то Виктор Николаевич говорил: «Погоди, Иннокентий Гурьевич, надоело что ли? Как ты говоришь сейчас, олонхо что-то не получается плавно. Повидимому, пропустил что-то. Да, не так ты сказывал олонхо. Не пропускай, говори полностью», — и снова начинал записывать»⁶.

Благодаря подобной тщательности, запись Васильевым олонхо «Строптивый Кулун Куллустуур» до сих пор остается одной

¹ «Образцы народной литературы якутов, издаваемые под редакцией Э. К. Пекарского, т. III. Тексты. Образцы народной литературы якутов, записанные В. Н. Васильевым», вып. I, сказка «Куруубай хааннаах Кулун Куллустуур». Петроград, 1916 (далее: «Строптивый Кулун Куллустуур», 1916).

² У Э. К. Пекарского указывается 1905 г., но это дата отправления В. Н. Васильева в Туруханский край с экспедицией Академии наук, а запись олонхо осуществлена в Якутской области, куда он добрался в начале 1906 г.

³ В дореволюционных русских изданиях олонхо ошибочно называли сказкой, а олонхосутов — сказочниками.

⁴ Запись под диктовку была неизбежной, так как олонхо исполняется в очень быстром темпе и объем его нередко превышает 20 тысяч стихотворных строк (средними считаются олонхо в 10—15 тысяч строк). Ни одной магнитофонной записи полного олонхо от крупных олонхосутов нет.

⁵ «Строптивый Кулун Куллустуур», 1916, стр. 1 («От собирателя»).

Говоря о «нормальной передаче при соответствующей обстановке и ее обычных слушателях», В. Н. Васильев имеет в виду широко практиковавшееся раньше в якутском быту сказывание олонхо в семье, пригласившей олонхосута. Оно происходило в присутствии немногих гостей — преимущественно соседей.

⁶ Из автобиографии И. Г. Тимофеева-Теплоухова «О моей жизни», записанной якутским фольклористом Н. В. Емельяновым 22—24 декабря 1957 г. (Архив Якутского филиала Сибирского отделения АН СССР. Копия — в архиве сектора фольклора Ин-та мировой литературы им. А. М. Горького).

из наиболее удачных фиксаций якутского олонхо⁷. Сейчас все исследователи пользуются текстом Васильева (в издании Пекарского).

Удаче записи этого олонхо⁸ способствовало то, что В. Н. Васильев, несомненно, хорошо знал олонхо. Он родился и вырос среди якутов в период широкого бытования олонхо и большого расцвета искусства олонхосотов. Конечно, нельзя считать, что в методе и в самой записи еще молодого тогда Васильева нет никаких недостатков. Васильев, по-видимому, не зачитал весь текст олонхосуту после завершения записи (но это за редкими исключениями не практиковалось и другими собирателями олонхо, так как на проверку потребовалось бы еще много дней).

У дореволюционных якутов не было общепринятой письменности и орфографии. Васильев в своих записях олонхо пользовался так называемой «академической транскрипцией». Но вследствие своей сложности она была неудобна для скорописи, невозможно было избежать ограхов. Кроме того, не обладая специальной лингвистической подготовкой, собиратель не смог достаточно точно обозначить все звуковые особенности олонхо. УстраниТЬ допущенные собирателем неисправности записи и предстояло Э. К. Пекарскому при подготовке издания олонхо «Строптивый Кулун Куллустуур».

II

Ко времени издания в третьем томе «Образцов народной литературы якутов» олонхо «Строптивый Кулун Куллустуур»

⁷ Точность записи олонхо «Строптивый Кулун Куллустуур» от Тимофеева-Теплоухова отмечалась неоднократно. Так, А. А. Попов, переводчик этого олонхо, пишет: «Следует отметить, что хотя В. Н. Васильев в 1906 г. только начинал свою этнографическую деятельность и не имел достаточного опыта, благодаря знанию языка с детства, сделал запись олонхо на весьма высоком уровне даже с точки зрения требований современной фольклористики» (А. А. Попов. От переводчика. Архив Якутского филиала Сибирского отделения АН СССР).

Другой исследователь, Г. У. Эргис, в марте 1959 г. провел специальное прослушивание на соборе олонхосотов исполнения олонхо «Строптивый Кулун Куллустуур» Тимофеевым-Теплоуховым. Он отмечает исключительную память тогда уже престарелого олонхосута и большую достоверность записи Васильева. Эргис пишет: «Слушателей поразил он своей памятью и мастерством сказывания. Многие места из своего олонхо он сказывал буквально так, как было записано в 1906 году. В отдельных местах для достижения большей ритмичности он переставлял слова, однако порядок следования распространенных членов предложения, последовательность развития сюжета оказались устойчивыми даже в деталях. Иннокентий Гурьевич ввиду старческой слабости сокращал речи-песни персонажей олонхо» (Г. У. Эргис. О подготовке текста олонхо. Архив сектора фольклора Ин-та мировой литературы им. А. М. Горького).

⁸ Во всем тексте, который записал Васильев, имеются только два пропуска в сюжете (эти пропуски отмечены Пекарским: «Строптивый Кулун Куллустуур», 1916, стр. 2 и 59). Но они все же не мешают пониманию содержания олонхо в целом.

Э. К. Пекарский имел большой опыт собирания и публикаций олонхо. В первом томе «Образцов народной литературы якутов» было издано двенадцать олонхо (в том числе семь полных текстов), записанных самим Пекарским, и три сюжета из прежних изданий. Во втором томе «Образцов» напечатан якутский текст «Верхоянского сборника» И. А. Худякова, в котором было четыре олонхо (в том числе одно крупное олонхо — «Хаан Дъаргыстай»).

В своей работе издатель стремился к максимальной лингвистической точности. Для Пекарского характерны:

- 1) исключительно бережное и внимательное отношение к народному слову, требование точного его воспроизведения в записи и в издании;
- 2) блестящее знание особенностей языка, всех оттенков слова;
- 3) умение находить в записи малейшую неисправность, малейшую неточность речи.

В свое время Пекарский подверг уничтожающей критике непродуманное, поверхностное отношение, некомпетентность редактора «Верхоянского сборника», приведшие к множеству ошибок и искажений текста записей И. А. Худякова и его перевода с якутского языка на русский.

Пекарский с возмущением приводил «крупнейшие примеры неразобранных редактором (или его переписчиками) слов, так или иначе изменяющих смысл текста», и добавлял: «Мелких же описок и опечаток, а также пропусков отдельных слов и целых фраз и не оберешься»⁹.

Редакторы «Верхоянского сборника», чтобы не загрязнить подлинник исправлениями и помарками, для работы над текстом сначала снимали копию. По поводу издания «Верхоянского сборника» с подобной копии Пекарский пишет: «Точная копия в данном случае тем более важна, а описки, опечатки и недосмотры тем более нежелательны, что Худяков старался вполне передать все малейшие оттенки говора верхоянских русских¹⁰. Между тем в некоторых случаях редактор или его переписчик исправляли этот местный русский говор (например, вместо простреливают напечатано постреливает, вместо широко раздолье — широкое раздолье, вместо тятинька — тятенька, вместо когда — когда и т. д.)»¹¹.

В то же время Пекарский упрекал редактора «Верхоянского сборника» за то, что он не исправлял явных ошибок самого Худякова.

Интересно мнение Пекарского о переводе якутских текстов, на русский язык: «Что касается знаков препинания, то Худяков,

⁹ Э. К. Пекарский. Заметки по поводу редакции «Верхоянского сборника» И. А. Худякова.—«Изв. Восточно-Сибирского Отдела Русского Географического общества», т. XXVI, № 4—5, Иркутск, 1896, стр. 201.

¹⁰ В «Верхоянском сборнике» наряду с якутскими текстами есть тексты, записанные от местных русских старожилов.

¹¹ Э. К. Пекарский. Указ. соч., стр. 201.

расставляя их в русском тексте, сообразовался с тою или иною конструкцией якутского текста, которая слишком отличается от русской. В печатном же издании знаки расставлены произвольно, без соображения с якутским текстом: иногда одна фраза разбита на две, отделенных одна от другой точкою, и, наоборот, две фразы, разделенные точкою, соединены в одну»¹².

Как мы увидим, стремление к полной языковой точности проявилось и при подготовке к печати олончо «Строптивый Кулун Куллустуур». В предисловии «От редакции» к изданию «Строптивого Кулуна Куллустуура» Пекарский писал, что при подготовке публикации «пользовались не подлинной записью, а копией, сделанной И. Н. Малыгиным, И. И. Говоровым, Г. Носовым¹³ и (с 91 стр.) самим В. Н. Васильевым».

По из дальнейшего сообщения Пекарского в упомянутом предисловии видно, что он пользовался не только копией. Он пишет: «Из рассмотрения рукописей видно, что В. Н. Васильев старался закрепить на письме выговор сказочника». И тут же продолжает, что «в беловых рукописях переписчики, в том числе и сам собиратель» (подчеркнуто мною. — И. П.) допускали ошибки в транскрибировании.

По-видимому, копией переписчиков Пекарский пользовался как «беловой рукописью», на которой делал исправки и сличал ее в нужных случаях с рукописью первоначальной записи¹⁴.

Э. К. Пекарский придавал серьезное значение подлиннику. Так, в статье «Миддендорф и его якутские тексты» он сожалел, что у него «нет подлинных текстов Миддендорфа», и подчеркивал: «Подлинные тексты могли бы помочь правильному толкованию произношения того или другого слова»¹⁵.

Едва ли можно сомневаться, что в работе над текстом олончо «Строптивый Кулун Куллустуур» Э. В. Пекарский обращался и к рукописи первоначальной записи.

Как бы там ни было, олончо «Строптивый Кулун Куллустуур» в издании 1916 г. под редакцией Э. К. Пекарского в текстовом отложении можно считать безупречным.

¹² Э. К. Пекарский. Указ. соч., стр. 202.

¹³ Речь идет о молодых якутах, проживавших тогда в Петрограде. М. М. Носов впоследствии стал народным художником Якутской АССР, а И. И. Говоров — переводчиком.

¹⁴ Судя по времени проживания в Петербурге переписчиков (а также и самого Васильева), переписка копии должна была состояться между 1910—1914 гг., т. е. незадолго до начала работы по изданию олончо «Строптивый Кулун Куллустуур».

Следует отметить, что часть рукописи, которую переписывал и транскрибировал сам В. Н. Васильев (с 91 стр. книги), Пекарский называет «подлинником» (см. текст сносок), в то время как другую часть он и называет «рукописью».

¹⁵ Эд. Пекарский. Миддендорф и его якутские тексты. — «Зап. Восточного отделения Русского Археологического общества», т. XVIII, вып. 1. СПб., 1907, стр. 47.

Чтобы иметь полное представление о степени точности и достоверности текста олонхо «Строптивый Кулун Куллустуур», остановимся на текстологических исправлениях и замечаниях Э. К. Пекарского. Их можно сгруппировать так:

1. Слова, написанные в рукописи, по его мнению, явно неправильно (неверное транскрибирование, грамматические ошибки, описки, слова, написанные правильно, но не подходящие по смыслу), он исправлял или даже заменял (с соответствующей оговоркой).

Например, в рукописи было «ирэр былыт»—«теплеющее облако»; в тексте издания исправлено (стр. 7): «ширэр былыт»—«сумасшедшее облако»¹⁶. Наличие в рукописи краткого гласного вместо долгого искажало смысл фразы.

В рукописи было: «дъиэгитин иччилии»—«заселить ваш дом»; в тексте издания исправлено (стр. 15): «дъиэтин иччилии»—«заселить его дом». Эта ошибка привела к неправильной замене одного местоимения другим.

В рукописи было: «сэттэ дъиэктээх»—〈жилище〉 «с семью отверстиями»; в тексте издания исправлено (стр. 5): «сэттэ си-иктээх»—«с семью креплениями». Здесь очевидна подмена одного слова другим из-за близости звучания, что часто бывает и у самих олонхосотов.

В рукописи было: «малыччи мэлигир эбитэ үхү»—«вовсе не было, говорят»; в тексте издания исправлено (стр. 6): «мэличчи мэлигир эбитэ үхү». В живой якутской речи, особенно в поэтической, часто на всю фразу влияет характерный для якутского языка закон сингармонизма¹⁷.

Ошибка, вероятно, была допущена В. Н. Васильевым в процессе быстрой записи. Мог оговориться и сказитель при диктовке.

В рукописи было: «сайынгы кун саар күөлүн айацын саға буолап»—«летнее солнце, став как отверстие большого озера»; в тексте издания исправлено (стр. 7): «сайынгы кун саар күө-

¹⁶ Гласные звуки якутского языка делятся на краткие и долгие. От длительности гласного зависит смысл слова. В современном якутском письме краткие гласные изображаются через одну букву (и : ирэр), а долгие — через две буквы (ии: иирэр). В академической транскрипции долгие гласные обозначались черточкой над буквой (й : йэр).

¹⁷ «По этому закону употребление в якутском языке как гласных, так и согласных звуков строго упорядочено определенными нормами и правилами. Так, гласные звуки в пределах одного слова сочетаются и стоят друг за другом в совершенно определенном порядке, как этого требует так называемый закон гармонии гласных. В одном слове могут встречаться или только задние (а, ы, ыа, о, у, уо), или только передние (э, и, иэ, ө, ү, үо) гласные. При этом за каждым гласным может следовать или тот же гласный или другой, ему постоянно соответствующий» (Г. М. В а с и л ь е в. Якутское стихосложение. Якутск, 1965, стр. 20). Нередко закон «гармонии» гласных распространяется и на соседние слова. В приведенном случае задние гласные слова «малыччи» нарушают гармонию гласных во всей фразе, а Пекарский восстанавливает ее, заменяя «малыччи» соответствующим ему словом «мэличчи», по звукам «гармонирующими» с гласными других слов фразы: «мэличчи мэлигир» («вовсе нет»).

һүн¹⁸ айагын саға буолан»—«летнее солнце, став как отверстие большого горшка».

Как видим, простая описка совершенно искажала смысл фразы.

Во всех случаях Пекарский неправильно написанное слово показывал в сноске так, как оно было написано «в беловой рукописи»: ирэр, дьиэгитин, дьиэктээх, малычы, күөлүн¹⁹.

2. Во многих случаях Э.К. Пекарский, не внося исправлений в текст, давал в сносках различные варианты, сопровождая их то вопросительным знаком: сиинэстиэ? (стр. 5, сн. 2 — к слову силигирии: «раскачается»²⁰); то знаком равенства: = субан (стр. 3, сн. 2 — к слову суман: «вольный, холостой»); то поясняя свою мысль словами: лучше: модун (стр. 5, сн. 1 — к слову дьип-хаан: «массивный»), обычно: тулхатыйыа (стр. 5, сн. 3 — к слову толугуруо: «расшатается»), вместо: көнгүлүнэн (стр. 5, сн. 5 — к слову көннүүнэн: «привольный»).

В некоторых случаях («неизвестные нам и сомнительные слова») он не давал вариантов, а ставил вопросы в тексте, заключая их в квадратные скобки: күндэли [?] балык («күндэли-рыба»), аңаат [?] балык («аңаат-рыба»).

3. Различные пропуски, а также слова и слоги, которые по мнению Пекарского следовало бы ввести в текст, он давал в квадратных скобках: «алта хос чиргэл [мас] муосталаах эбит» (стр. 5) — «оказывается, имел шестиriadный пол из крепкого дерева».

Древние якуты знали только земляной пол. Впоследствии у них появились и деревянные полы, которые якуты просто называли «мост» (муоста), а дома (юрты) с таким полом стали называть «муосталаах дьиэ» — «замощенный дом». Указание, что пол богатыря не простой, а устлан крепким деревом во много (в данном случае в шесть) рядов, в олонхо превратилось в традиционную гиперболу. Таким образом, здесь Пекарский следует традиции олонхо и исправляет упущение олонхосута или (что более вероятно) собирателя.

Приведем еще несколько подобных примеров. В рукописи было: «орулуур олох маастаах» — «имеет ревущую табуретку». Пекарский дает в квадратных скобках слова, которые более подходят к данному случаю: «орулуур [удъалаах, олонхолуур] олох маастаах» (стр. 5) — «имеет ревущий [черпак, сказывающую олонхо] табуретку»²¹. И здесь он следует традиции олонхо: в олонхо в таких случаях «ревущим» обычно называется черпак (ибо предполагается, что он

¹⁸ «Саар күеңүн» — букв.: «парский горшок».

¹⁹ В сносках Пекарский приводил только то слово, которое было написано неправильно.

²⁰ Вариант Пекарского «сиинэстиэ» обозначает: «обрушится».

²¹ В якутском языке нет различия по родам, поэтому взятые в скобки слова не нарушают согласования слов, оставшихся здесь за квадратными скобками.

такой большой и вычертывает так много жидкости, что она вычертывается и льется с шумом, «напоминающим» рев). Но «сказывать олонхо» черпак «не может»; этим свойством в олонхо наделяется табуретка, имеющая как бы симпатическую связь с олонхосутом, который сказывает свои олонхо, обычно сидя на табуретке²². Совершенно очевидно, что и здесь олонхосут или собиратель допустил упущение, исправленное Пекарским.

Особенно много вставок Пекарский давал в случаях более или менее явных пропусков.

Например, в рукописи было: «хаана-сиинэ сукуна курдук кытара кынан» — «густо покраснев, подобно сукну». Пекарский в этот текст вставляет пропущенное слово (стр. 79): «хаана-сиинэ [кыныл] сукуна курдук кытара кынан» — «густо покраснев, подобно [красному] сукну».

В рукописи было: «сэттэ иирээн дъэллик эмэгэтэ, кэлэн, самацын ыкк'ардынан уот-бурут булгунньяхха инэцхаллылар» — «прибыл, семь духов²³ раздора и скитаний проскочили между ног и исчезли в огненном ядовитом холме». Пекарский вносит характерное для олонхо разъясняющее уточнение (стр. 76): «сэттэ иирээн дъэллик эмэгэтэ, кэлэн, [билиги кишибит] самацын ыкк'ардынан уот-бурут булгунньяхха инэн хааллылар» — «прибыл, семь духов раздора и скитаний проскочили между ног [нашего человека] и исчезли в огненном ядовитом холме».

В рукописи было: «билиги удаан дъахтар, үс төгүл күн диэки өттүнэн дьиэтин төгүрүйэ хааман иһэн, булаайацынан²⁴ саба охсон кэбистэ да, сэбэ-сэбиргэлэ алаас сыһыны бынацаанын сага көмүстээх кыныл солко былаат буола түстэ» — «та женщина-шаманка, три раза обходя свой дом по ходу солнца, смахнула колотушкой — и вещи и снаряжение ее сразу превратились в расшитый золотом красный шелковый платок величиной с половину елани»²⁵. Пекарский вводит в текст пропущенные слова: «билиги удаан дъахтар, үс төгүл күн диэки өттүнэн дьиэтин төгүрүйэ хааман иһэн, булаайацынан [сэбин-сэбиргэлийн] саба охсон кэбистэ да [бу охсорун гытта] сэбэ-сэбиргэлэ алаас сыһыны бынацаанын сага көмүстээх кыныл солко

²² В бытовой обстановке, в зимние вечера, сказывая в полумраке юрты семье, пригласившей его спеть, олонхосут обычно садился на табуретку перед очагом — спиной к камельку, положив ногу на ногу. Он нел и декламировал, мерно покачиваясь корпусом, полузакрыв глаза, закрыв указательным пальцем или ладонью одно ухо. Это наиболее характерная поза поющего олонхосута, часто встречающаяся в описаниях исполнения олонхо.

Во время пения на больших летних кумысных празднествах народ располагался на поле, кругом, а певца сажали в центре, на подстилку из оленьей или лошадиной шкуры (якуты раньше овец не держали).

²³ Семь духов — здесь числительное семь представляет эпическое число.

²⁴ Булаайах — плоская шаманская колотушка для бубна, обтянутая шкуркой с ног оленя.

²⁵ Елань (алаа) — «луговое или полевое пространство, окруженное лесистою горою, [подгорная] долина» (Э. К. Пекарский. Словарь якутского языка, т. 1. М.—Л., 1958, стлб. 67).

былаат буола түстэ» (стр. 99) — «та женщина-шаманка, три раза обходя свой дом по ходу солнца, смахнула колотушкой [вещи и снаряжения свои], и [как только смахнула] вещи и снаряжения ее сразу превратились в расшитый золотом красный шелковый платок величиной с половину елани».

4. Слова и слоги, которые он считал лишними, Пекарский в тексте заключал в обычные скобки²⁶.

5. Искаженный в рукописи порядок слов Пекарский в тексте заменял правильным: «эстаас саңа» (стр. 5) — «как глыба камня». В рукописи было: «таас өс саңа» — «как каменная вражда».

Как видим, неправильный порядок слов в рукописи совершенно изменил значение фразы. Порядок слов, имевшийся в рукописи, показан и в сноске: «таас өс» (стр. 5, сн. 7) — «каменная вражда».

Таковы наиболее характерные исправления и замечания Пекарского. В одних только сносках насчитывается свыше 900 различных исправлений, замечаний, вариантов, вопросов.

Некоторые поправки устранили редкоупотребительные формы диалектного характера. Например, в рукописи было: «нарадар түестээх» — «с выпяченной грудью»: в тексте издания исправлено (стр. 1): «нанаңар түестээх» (смысл тот же). Хотя в таких случаях исправленное Пекарским слово бывает предпочтительнее (ибо более употребительно), но возможно и произношение типа нарадар, как особенность, присущая отдельным группам лиц (в данном случае олонхосуту).

Пекарский вносит исправление и в таком случае: в рукописи было: «отун- маңын кытary үүнэн — үөдүйэн тахсыбытым эбитэ буоллар» — «если бы я вырос и пышно развелся вместе с травами и деревьями». Пекарский исправляет: «отун- маңын кытary үөскээн — үөдүйэн тахсыбытым эбитэ буоллар» — «если бы я зародился и пышно развелся вместе с травами и деревьями». Бесспорно, предпочтительней фраза в редакции Пекарского (ибо здесь речь идет о самом рождении героя, который не знает и гадает, откуда же он появился). Но нельзя считать грубой ошибкой слово үүнэн (по всей видимости, сказанное самим олонхосутом при быстрой декламации).

Все же в подавляющем большинстве случаев исправления Пекарского вполне оправданы. Следует только иметь в виду, что многие ошибки произношения могли принадлежать и самому олонхосуту. Каждый олонхосут часто по-своему произносил отдельные слова, имел свой выговор. Пекарский и в «Словаре якутского языка», и в «Образцах народной литературы якутов», и в других работах боролся за установление правильной речи, за определенные нормы произношения и языка. Тексты олонхо, как и тексты

²⁶ Чаще всего эти случаи относятся к вспомогательным, не имеющим самостоятельного значения, словам или слогам в слове; ограничимся одним примером: «ойбонун хайынгын диэки(иэн) дагдас гына түнэр» (стр. 7) — «она, растопырив крылья, падает и садится возле проруби».

других фольклорных произведений, включенные в «Образцы народной литературы якутов», привлекали внимание Пекарского не только как памятники народного творчества. Они одновременно были и фразеологической основой его «Словаря якутского языка»²⁷. Пекарский стремился получить образцы чистой народной речи. И он не только исправлял явно неправильную запись собирателей или переписчиков, но вторгался и в самую речь олонхотов, если находил ошибки в произношении или отклонение от общеупотребительного произношения данной местности.

На наш взгляд, теоретические положения Пекарского не вызывают возражения, как не вызывает возражения и его работа над текстом олонхо «Строптивый Кулун Куллустуур».

Можно только заметить, что доведенное до крайности требование Пекарского об образцово-правильном тексте памятника могло бы привести к необоснованному исправлению или «подчищению» всех «неправильных» слов (в том числе и диалектного порядка), принадлежащих сказителю и точно воспроизведенных в записи, что, несомненно, привело бы к серьезному искажению особенностей языка сказителя. Выше мы заметили и некоторые тенденции Пекарского в этом направлении.

Но, во-первых, Пекарский был очень осторожен в этом отношении и, как мы видели выше, он сам категорически возражал против нивелировки местных говоров. Во всех же случаях исправления, как устанавливалось выше, прав бывал Пекарский.

Во-вторых, неправильно написанные и замененные им слова он, как уже говорилось, давал в сносках, а внесенные в текст новые слова и слоги заключал в квадратные или в обыкновенные скобки. Таким образом, Пекарский *не уничтожал первоначальный текст записи*, его можно легко восстановить и сравнить с исправлением Пекарского. Это одна из наиболее положительных сторон текстологической работы Пекарского.

²⁷ Ср. характерное для его подхода высказывание: «Я нашел в них (речь идет о якутских текстах Миддендорфа.— И. П.) в высшей степени ценный для меня лингвистический материал. Именно я встретил: 1) новые, до сего не зарегистрированные мною слова, 2) новые значения ранее зарегистрированных слов, 3) указания на другое, не подмеченное ранее произношение известных слов, вызываемое заменой одних гласных или согласных другими или смягчением некоторых согласных, 4) подтверждение многих моих догадок и, наконец, 5) разрешение некоторых сомнений» (Э. К. Шеека尔斯кий. Миддендорф и его якутские тексты, стр. 47). Речь идет об отделе VI второй части книги А. Ф. Миддендорфа «Путешествие на Север и Восток Сибири» (СПб., 1878). Стр. 758—833 этой книги посвящены якутам, там же приведены якутские тексты, о которых говорит Пекарский.

О ЗАПИСИ ЭПИЧЕСКИХ НАПЕВОВ

С. Н. КОНДРАТЬЕВА

В эпических жанрах фольклора господствующую роль играет слово. Следовательно, запись эпоса должна со всей полнотой и точностью воспроизводить его словесный текст. Однако специфика большинства образцов эпоса, как известно, состоит в том, что слово неразрывно связано с мелодией, с музыкальной стихией. Это относится ко всем произведениям эпоса, обладающим стихотворной формой и напевной или речитативной мелодией, а также к песенным партиям тех из них, где проза и стих чередуются. Иначе говоря, текстология эпоса и научное исследование его включают в себя весьма существенные элементы музыковедческого анализа.

Музыкальная запись эпоса народов СССР уже имеет свою историю. Выдающимся собранием русских эпических напевов являются «Древние российские стихотворения» Кирши Данилова (XVIII в.)¹. Из числа позднейших публикаций весьма важен сборник А. Григорьева, содержащий материалы, расшифрованные И. Тезавровским по фонограммам собирателя. Мелодии русских былин публиковались также А. Марковым и А. Масловым², Ф. М. Истоминым и Г. О. Дютшем³, А. М. Листопадовым⁴ и другими фольклористами дореволюционного и особенно советского периода⁵.

¹ «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым». Издание подготовили А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1958 (36 эпических напевов). В сборнике Кирши Данилова напевы былин зафиксированы без подтекстовок. Большую исследовательскую работу по гипотетическому их восстановлению проделал В. М. Беляев. Правда, его реконструкция не во всем бесспорна (см. В. М. Беляев. Сборник Кирши Данилова. Опыт реставрации песен. М., 1969).

² «Материалы, собранные в Архангельской губернии летом 1901 г. А. В. Марковым, А. Л. Масловым и Б. Богословским». Ч. I — «Зимний берег Белого моря. Волость Зимняя Золотица»; ч. II — «Терский берег» (17 эпических напевов в первой части, 31 — во второй). — «Тр. Музыкально-этнографической комиссии», т. I—II. М., 1906, 1911.

³ «Песни русского народа». СПб., 1894 (14 напевов); 1899 (11 напевов).

⁴ «Песни донских казаков», т. I. М., 1949.

⁵ «Былины Севера». Т. 1 — «Мезень и Печора» (М.—Л., 1938); т. 2 — «Прионежье, Пинега и Поморье» (М.—Л., 1951). Собиратель и составитель А. М. Астахова. Записи напевов на фонограф А. М. Астаховой, М. Б. Каминской, Н. Н. Тяпиной, С. И. Бернштейна, З. В. Эвальд и Е. В. Гиппиуса. Подготовка мелодий к печати З. В. Эвальд, Е. В. Гиппиуса.

Большую работу выполнил исследователь украинского фольклора Ф. Колесса: он записал на фонограф и затем опубликовал в тщательной расшифровке украинские народные думы. Музыкальные нотации дум даются им в полном объеме, от начала до конца напева, в силу чего публикации Колессы имеют особую ценность. В 1969 г. вышло новое издание материалов Колессы и его музикологического исследования, посвященного думам⁶.

Большой вклад в собирание и изучение эпических жанров музыкального фольклора других народов внесли Комитас (Армения), Аракишвили (Грузия) и другие выдающиеся композиторы и музиковеды, представляющие различные народы нашей страны, а также некоторые русские композиторы (например, одним из первых собирателей эпических напевов Северного Кавказа явился С. И. Таинев⁷).

С 1901 г. при московском Обществе любителей естествознания, антропологии и этнографии работала Музыкально-этнографическая комиссия. Правда, публикации эпических напевов в «Трудах» комиссии единичны⁸.

В советский период записи эпоса в республиках нашей страны осуществляются Московской и Ленинградской консерваториями. В 30-е годы и особенно в послевоенное время начинает развиваться собирательская работа на местах. В ряде случаев она уже дала значительные результаты (например, в Казахстане, Карелии, Осетии, Татарии)⁹.

Однако, если оценивать накопленный материал в целом, то нельзя не заметить, что изученность эпоса народов СССР фольклористами-музыковедами неодинакова и неравномерна. По эпосу ряда народов Сибири, Дальнего Востока, Средней Азии, Кавказа записей напевов и исследовательских работ еще очень мало, а иногда они совсем отсутствуют. К этому надо прибавить, что во-

А. Г. Кудышкиной и Ф. В. Рубцова (12 напевов в первом томе и 24 — во втором); «Былины Печоры и Зимнего берега». М.—Л., 1961. Издание подготовили А. М. Астахова, Э. Г. Бородина-Морозова, Н. П. Колпакова, Н. К. Митропольская, Ф. В. Соколов. Расшифровка и редактирование напевов Ф. В. Соколова, В. В. Коргузалова и Б. М. Добровольского (26 напевов); «Песенный фольклор Мезени». Издание подготовили Н. П. Колпакова, Б. М. Добровольский, В. В. Митрофанова, В. В. Коргузалов. М.—Л., «Наука», 1967 (32 напева).

⁶ Ф. Колесса. Мелодії українських народних дум. Київ, 1969.

⁷ С. И. Таинев. О музыке горских татар.—«Памяти С. И. Таинева». М.—Л., 1947. В статье Таинева, опубликованной посмертно, — 4 эпических напева; см. также: В. Беляев. По поводу записей музыки кавказских горцев С. И. Таинева (там же).

⁸ Один напев якутского олонхо — в т. II (М., 1911), один напев карельской руны — в т. I, т. IV (М., 1913) и один напев грузинского эпоса — в т. I (М., 1906).

⁹ Ценные записи эпических напевов даются, например, в книге Б. Г. Ерзаковича «Песенная культура казахского народа» (Алма-Ата, 1966 — 18 записей); см. также работу К. Г. Цхурбаевой «О напевах осетинских наартовских сказаний», содержащую обзор музыкальных публикаций эпоса о нартах, новые записи и их анализ («Сказания о нартах — эпос народов Кавказа». М., «Наука», 1969).

обще публикация напевов эпоса сильно отстает от тех масштабов, какие приобретает издание текстов. Эта диспропорция наметилась уже давно. Например, фольклорные тома довоенной серии «Academia» (за исключением «Сербского эпоса» Н. И. Кравцова, 1933) не содержали нотных материалов (см. «Кабардинский фольклор», М.—Л., 1936, «Шорский фольклор», М.—Л., 1940). В серии «Литературных памятников» публикации эпоса тоже редко сопровождаются образцами напевов¹⁰. Без нот издается эпос в хрестоматиях по народному поэтическому творчеству.

Существует настоятельная необходимость восполнить указанные пробелы, тем более, что уже имеются примеры успешного решения этой задачи. Можно назвать серии «Памятники русского фольклора» и «Украинское народное поэтическое творчество», которые содержат достаточно полные нотные приложения. Весьма цennыми в методическом отношении представляются издания песен, осуществляемые латышскими, литовскими и эстонскими фольклористами.

✓ Очень важно фиксировать не только тексты, но и напевы эпоса у тех народов, где этот жанр еще бытует, причем делать это необходимо в соответствии с современными научными требованиями.

Но что можно считать действительно современной, научно-ценностной записью эпического напева? Каковы требования к такого рода записи? Отвечая на эти вопросы, мы назовем ряд требований, нормативность которых является бесспорной. Вместе с тем по некоторым пунктам, являющимся предметом дискуссии, мы изложим свое понимание проблемы, не претендуя на окончательность и универсальность выводов.

Анализ эпических напевов показывает, что поэтическая организация эпического слова исторически, по-видимому, складывалась в пении.

Особенно ясно это можно проследить на примерах эпоса древнего типа, каким, например, является ненецкий. Анализируя ненецкие песни «яраби», Б. М. Добровольский отмечает: «Большой интерес представляет наблюдение над поэтической структурой текстов яраби. Они имеют своеобразные формы, где рифмовка, ритмика и строфика существуют только при музыкальном произнесении, вне которого они не могут сохраняться в полном комплексе»¹¹. Речь идет о том, что прозаический или полупропозаический текст в распеве может увеличивать количество слогов. При этом помимо распевания согласных звуков почти в каждой строке появ-

¹⁰ Нотные записи воспроизводятся лишь в отдельных томах этой серии (см. книгу «Илья Муромец» (подготовка текстов, статья и комментарии А. М. Астаховой. М.—Л., 1958), где помещено 28 эпических напевов, и упомянутое ранее издание сборника Кирши Данилова).

¹¹ Б. М. Д об ров о ль с к и й. О напевах ненецких эпических песен.— «Эпические песни ненцев». М., «Наука», 1965, стр. 762. В примерах № 1 и № 2 двойная лига обозначает глиссандо.

ляются дополнительные слоги, которые не имеют смыслового значения и служат исключительно для вокализации. Нередко при этом образуются и рифмы:

* 1 126

В приведенном примере в текст включены дополнительные согласные («в» в первом и втором тактах) и слоги («нэ» и «эй» в первом и третьем тактах). Тем самым увеличивается количество слогов в поэтической строке. Вставные слоги «нэ» (третий от начала) и «эй» наблюдаются не только в первой строке напева, но в последующих строках, являясь рифменным созвучием.

Теперь представим себе, что такая эпическая песня записана схематично, от исполнителя, который не пел, а пересказывал текст. Ясно, что подобная запись не даст подлинного представления ни о структуре данного эпоса, ни о ритмических закономерностях эпических поэм.

В эпосе более позднем стих уже оформлен и может быть воспроизведен независимо от напева. Однако это не значит, что единство текста и напева здесь перестает существовать. Рассмотрим одну из русских «старин» — «Дмитрий и Домна»¹² и проследим, как в мелодии выражается развитие драматического действия.

Начальная музыкальная строка имеет характер лирико-эпического повествования. Во второй строке, которая в основе своей сходна с первой, в то же время появляются отдельные элементы, как бы противостоящие тому, что было ранее. Так, мелодия начинается уже не с самой низкой, первой ступени звукоряда, а с самой высокой здесь — пятой; несколько раз появляется мелодическое движение, по направлению своему обратное тому, что было в первой строке (см. переход от четвертого такта к пятому, вторую и третью четверть пятого такта и середину шестого такта). Наконец, появляется звук «до», диссонирующий с тоническим трезвучием «ре-фа-ля», на основе которого строилась мелодия первой строки. Такое сходство двух музыкальных строк при их частичном контрастировании объединяет строки в единое целое. В дальнейшем музыкальная двухстрочность ясно ощущается в строках 3 и 4, 5 и 6, 11 и 12, а также в окончании песни. Музыкальной структуре старины

* Нотный пример взят из кн.: «Эпические песни неинцев». М., 1965, стр. 766.

¹² Записано в 1959 г. в с. Сухой Наволок Беломорского р-на Карельской АССР, опубликовано в сборнике «Русские народные песни Поморья» (собиратель и составитель С. Н. Кондратьева. М., 1966, стр. 258).

2

♩ = 64 Умеренно

Сва- тал- ся Мит- ре- и-князь по

три го- да, Ва- си- ли- ё- вич-

князь, о_м(ы) по три о... о_ се- ни, да

на чет-вер- ту о- се- н(е)- лишь бы

10 сва... а_д(и). бы быть, лиш(и)бы сва_д(и)_бы

быть, лиц(и) бы к вен- цу ид-ти, да

по- ше- л(ы) Мит- ре- Князь да ко за-

15 у... у_ тре.(ды)_ни, Ва- си- л(и)- ё- вич-

князь даквоскри- сень ски я. да

20 вы- ско- чи- ла Дом- нуш- ка по

плеч в о_к(ы). Но, да О- лек- санд- ров.

25 на- о- на по по- я су: „Хоть

не е- тот ли, ма- ме- н(и)- ка,

Мит- ре- князь, не е- тот ли, су-

30 да- ра- ни, Ва- си- л(и)- ё- вич,

* Нотный пример взят из кн.: «Русские народные песни Поморья». Собиратель и составитель С. Н. Кондратьева. М., 1966, стр. 258.

Ска_ за_ ли про Мит_ ре_ я „Хо_
рош, при_ гож“, да про Ва_ си_ л(и)_ ё_

35
ви_ ча_ „е_ го луч_ ше нет“, да
ОН СУ_ тый, го_ р(ы)_ бат ды на_ пе_

40
-ред по_ кляп, у е_ го но_ ги кри_
-вы_ , ды гла_ за ко_ сы, да

речь, по_ го_ во_ ря у Мит_ ре_ я ка_
-рель_ ска_ я, ру_ сы куд_ ри у

Мит_ ре_ я за_ о_ неж_ ски_ я, да

50
Е_ ты вес_ ти да Мит_ ре_ я вус_
льых до шли, да во_ ро_ тил_ ся

Мит_ ре_ я от за_ у_ тре_ ни, да
55
он при_ шел к сест_ ри... цы кро_
-ди_ мо_ яй, да к мо_ ло_ дой о_ н(ы)

60
к Ма_ ри и Ва_ си... ли_ е_ в(ы)_ ной, да:
„Ты сест_ ра, сест_ ра мо_ я ро_

ди- ма- я, да мо- ло- да... я ты
 65
 ма- ри- я Ва- си- л(и)- ев(ы)- на, да...
 окончание
 Ту- та Мит- рея- князь да взял па- д(ы)
 меч скло- нил, взял(ы) па- д(ы) меч скло-
 нил да го- по- ву сру- бил.

соответствует и поэтическая, основанная на принципе синтаксического параллелизма. Но если в тексте эта структура наблюдается почти во всех строках, то в музыке — лишь в начале, заключении и кое-где в середине песни. Поэтому в музыке можно говорить лишь о тенденции к двухстрочности.

Характер мелодии, вначале уравновешенный, в дальнейшем значительно изменяется. Начиная со второй, третьей строк диапазон мелодии расширяется. Постепенное мелодическое развитие подготавливает напряженную интонацию, появляющуюся в 18 такте, в шестой строке (восходящий ход на септиму, пульсирующий ритм). Следующие несколько строк отличаются единобразием, что соответствует поэтическому тексту: описание реакции Домны составляет единый отрывок. Но здесь же со слов «не етот ли, маменька, Митрей-князь» в мелодии появляются новые драматические элементы. Отметим подчеркнутые, несколько судорожные ритмические фигуры, в сочетании с глиссандо (такты 23, 26—27, 29, 32—33), резкие интонационные ходы (соотнесенность двух квартовых интервалов в той части мелодии, в которой ранее преобладали поступенные и консонирующие терцовые шаги (такт 34).

Центральная часть повествования носит кульминационный характер (такты 36—63 и далее). Мелодия здесь в сравнении с началом старины значительно драматизируется. Музыкальные строки приобретают характер широких, размашистых волн: от седьмой ступени в начале строки — вниз, к основному тону, и снова вверх, к седьмой ступени в конце строки. Диссонирующий тон верхней натуральной седьмой ступени лада возвращается вновь и вновь, становясь основным носителем музыкальной напряженности.

Оборот этот подготавливался постепенно, в ходе развития мелодии и поэтического сюжета. Его начальный момент — звук «ля», пятая ступень, в первом восходящем ходе мелодии (такт 1). Квинтовый ход, с его широтой и законченностью здесь служит выражению эпического духа, «седой старины». Но чем дальше, тем чаще «эпическая квинта» заменяется драматической септимой. Так, данный звук на протяжении второй—пятой строк предстает в разных ладово-мелодических качествах: как нижняя седьмая натуральная ступень, взятая скачком (такт 4), как верхняя седьмая в качестве вспомогательного звука (такты 9 и 12), как аккордовый звук (такт 10). И, наконец, в такте восемнадцатом появляется открытый ход на септиму вверх, который сразу отмечается слухом как переломный момент, приводящий в дальнейшем движении к отмеченным «перекатам» мелодических волн.

Существенно и другое: при переходе от тона квинты к септиме происходит важный сдвиг в динамике лада, так как эти звуки по своей функции противоположны друг другу. Интервал тонической квинты, заключая в себе тоническое трезвучие, концентрирует тем самым ладовоустойчивое начало, а звук септимы является диссонансом, поскольку тон ее обращения находится в секундовом отношении к основному тону. Такое ладовое развитие позволяет заключить, что в стариине происходит постепенное преобразование музыкального образа, которое, по-видимому, находится в связи с раскрытием драматического сюжета.

Синкетическое единство поэтического текста и напева старины представляет собой сложное образование, включающее в себя много разных элементов. К их числу принадлежат паузы (такты 6, 9, 15), добавления дополнительного гласного звука после согласного (такт 4 — «Василиёвич», такт 5 — «оны», вместо «он», такт 8 — «осене» вместо «осень»), произнесение в пении дифтонгов как двух гласных подряд (такт 2 — «Митреи» вместо «Митрей»). Мелодия сглаживает и делает равнозначными звуки, которые в речи различаются по протяженности, это придает слову непрерывность и рельефность звучания. Как неотъемлемая часть музыкального целого воспринимаются особые диалектные формы произнесения слов: «Василиёвич-князь», «воскрисенская» (такты 4, 18). Исправление подобных форм, часто практикуемое при издании сборников, наносит ущерб звучанию текста, разрушая фонетическую, а в результате этого в какой-то мере и образно-смысловую систему языка песни¹³.

¹³ Особенности диалекта (главным образом фонетические) при распевании эпоса фиксировать проще, чем при исполнении собственно песни, так как эпос поется чаще всего одноголосно, в отличие от песен многих народов. В эпосе, следовательно, обычно не имеет места разное произношение одних и тех же слов различными певцами, что нередко можно наблюдать в многоgłosных песнях. Кроме того, слова в эпосе меньше, чем в песне, подвержены музыкальному распеву, при котором нередко происходят значительные изменения гласных и согласных звуков.

Звучание текста в пении составляет сложную, тонкую систему связей. Поэтому особенно важно отразить эту систему во всей ее конкретности и подвижности.

Анализ мелодического строя старины показывает, что существует сквозная музыкальная форма эпических напевов, которая должна учитываться в текстологической работе. Все особенности произнесения слова в пении также заслуживают внимания, равно как и диалектные особенности произношения.

Музыкальное развитие, происходящее параллельно с развитием поэтического текста, можно проследить не только в «старине» «Дмитрий и Домна», но и в других эпических произведениях. Об этом свидетельствуют, например, украинские думы, записанные Ф. Колессой. Так, в думе про «Озівських братів» кобзаря Михайла Кравченко в центральной, кульминационной части рассказа, когда драма уже вполне определилась и становится ясно, что младший брат погибнет, в мелодии подчеркиваются наиболее экспрессивные интонации, как бы оплакивающие младшего брата.

И, вероятно, не случайно при этом в тексте упоминается «эозуля», этот традиционный «горестный» образ фольклора.

Эпический напев многое дополняет и раскрывает в образно-жанровой природе эпоса. В эпических произведениях, с их преимущественно повествовательным характером можно выявить также драматическое и лирическое начала. Так, рассмотренная выше песня «Сватался Митрей-князь» в сравнении с мелодиями севернорусского эпоса выделяется своим лирически-певучим характером. Иногда речитативное и напевное начала могут контрастировать внутри одной мелодии, как, например, в песнях киргизов,

* Нотний пример взят из кн.: Ф. К о л е с с а. Мелодії українських народних дум. — «Матеріали до української етнографії», т. XIII. Львів, 1910.

** Нотный пример взят из кн.: В. Виноградов. 100 киргизских песен и наигрышей. М., 1956, стр. 254—255.

*

а_ ты_ на кам_ чы сал_ га_ ны...
Еще скорее

Так у_ шун_ дай ар жер_ де

тен_ти_ реп жур_ген ка_ на кы_ тай_дын...

Сыр_ ты_ нан тынша дээр эхен,
rit. Начальный темп

бан_бак ка_лаа баш_ кэ_ ты. эн_ чи_си_ не

Ал_ мамбет. э_ бак ал_ ган жер эхен

Первая музыкальная строка содержит обобщающий эпический образ. Дальше начинается речитатив-скороговорка, не содержащий сколько-нибудь выразительных оборотов, но являющийся как бы воплощением движения, действия (две музыкальные строчки). В заключение возвращается первоначальный образ.

Музыкально-интонационные особенности эпического исполнения представляют несомненный интерес с точки зрения теории музыки. В эпосе, с его неоформившейся незакрепленной мелодикой, с характерной для него подвижностью музыкальных проявлений.

5 *)

По_ до_ шол_тогде Бу_ ты_ га под сто_л(и) не

ки_ ев_град. (Как)на тех же на

че_р(ы)нных да бол(и)_ ших ка_ ра_б(ы)_ лях

*) В последующих приведенных автором трех строках напева „соль” в первой половине мелодии и „соль” во второй, сохраняются.

* Нотный пример взят из кн.: «Архангельские былины» т. III (Мезень). Собиратель А. Д. Григорьев. СПб., 1910, стр. 662.

можно ясно проследить природу мажорных и минорных интонаций как «высоких» и «низких», как следствие воодушевления в одном случае и подавленности в другом.

В приведенной мелодии тоны, колеблющиеся по высоте (они изображены то с диезом, то с бекаром), интонируются более высоко в первой половине напева, которая, по-видимому, исполняется с большим подъемом. Наоборот, к концу напева колеблющиеся звуки проявляют тенденцию к понижению, в связи с общим эмоциональным спадом. Фиксация подобных колебаний имеет большое научное значение.

Одну из типических особенностей эпоса, как синкретической формы искусства, нередко составляет инструментальное сопровождение. Собиратели фиксировали его в ряде случаев в самых древних эпических произведениях. Однако публикации такого сопровождения представляют значительную редкость. Тем больший интерес вызывают те из них, которые имеются в нашем распоряжении.

Таковд, например, издание восточнороманского эпоса, в котором фиксируется не только вокальное исполнение, но и сопровождение. Роль аккомпанирующего инструмента здесь весьма значительна (например, она гораздо больше, чем при исполнении украинских дум). Партия инструмента — в цитируемой записи это скрипка — начинается выразительной, богатой в интонационном отношении прелюдией, создающей соответствующее настроение для вступления певца:

6 *Parlando, molto rubato* $\text{L: } 112$
 $\text{J: } 184$

* Скрипка

Голос

Fod ie ver de flori dom nesti

J: 144
J: 184

In o. ras, in Bu cu resti..

Отыгрыши такого же импровизационного склада появляются и по ходу самого изложения. Без фиксации инструментального сопровождения представление об эпосе было бы неполным.

* Нотный пример взят из кн.: В. М. Гацак. Восточнороманский героический эпос. М., 1967, стр. 434.

При отборе фольклорных произведений для записи собиратель может руководствоваться разными соображениями, учитывая научную, художественную ценность песен, мастерство исполнения, редкость данного образца, или, наконец, какие-либо особые задачи целенаправленного изучения. Можно отметить два основных направления в полевой работе фольклористов: научное и эстетически-избирательное. Когда фольклор рассматривают с узко эстетических позиций, произведения берутся лишь выборочно, причем рекомендуется тщательно избегать образцов «дурного вкуса»; если песня многоголосная, то она записывается в ее полифоническом исполнении. Подобный подход получил известное распространение среди музыкантов. По-видимому, эстетический критерий необходим как один из составных элементов критического подхода собирателя, но вряд ли можно согласиться с тем, чтобы он приобрел самодовлеющее значение. Научные интересы в этом последнем случае могут сильно страдать. Стремление к «чистоте стиля» нередко приводит к тому, что целые пласти фольклора выпадают из поля зрения. Многие важные звенья в историческом развитии фольклора (в том числе и эпические), могут не привлечь внимания собирателя, если они исполняются на речитативные, малоразвитые в музыкальном отношении, а иной раз и заимствованные из позднейших жанров мелодии. Стремление к «чистоте стиля» может быть особенно пагубным при изучении смешанных, неустановившихся и развивающихся явлений: например, национальных взаимосвязей. Ведь именно в этом последнем случае особенно типичны «испорченные» тексты и мелодии.

Поясним это на примере. В 1960 г. в Карелии автором данной статьи была зафиксирована финская лирическая песня, для карел не типичная и в очень плохой сохранности. Однако впоследствии выяснилось, что на ее варианте, записанном у венгров, Золтан Кодай построил интересную версию о бытованиях этой песни у финно-угорских народов.

Недостаточность «избирательно-художественного» подхода, проявляющаяся при записи всех жанров музыкального фольклора, особенно ощутимо оказывается в процессе фиксации эпических произведений. В наибольшей мере это относится к народам, имеющим фольклор импровизационного склада с нечетко выраженным процессом кристаллизации мелодии (например, карелы).

В фольклористике не раз дискутировался вопрос о способе записи. В свое время Е. Линева писала, что некоторые члены Московской музыкально-этнографической комиссии «с непонятной твердостью» возражают против применения фонографа. Позднее противниками механической записи выступали А. Листопадов, А. Затаевич и др. В сущности при этом речь шла о роли собирателя, о его восприятии и оценке явлений фольклора. Действительно, при механической записи теряются некоторые преимущества личного контакта собирателя с народным певцом в процессе исполнения. Но эти потери не так значительны. При записи с помощью аппарата

исследователь попадает в несравненно более выгодные условия наблюдения за песней: он имеет неограниченное время для прослушивания и расшифровки песни. Таким образом, звукозаписывающий аппарат стал средством объективного познания фольклора во всей его сложности, сделал возможным изучение народной вариационности, народного многоголосия, взаимоотношений текста и напева.

Одной из острых проблем повседневной работы фольклориста является методика расшифровки фонограмм, с этим тесно связаны и вопросы редактирования. Основные трудности при расшифровке мелодии представляет обозначение звуковысотности и метроритма. Процесс осознания высоты отдельных тонов, благодаря наличию «зон» музыкального восприятия (по Н. А. Гарбузову), допускает известный простор для субъективных толкований смежных интервалов. В этом случае спорные моменты должны определяться общим ладовым контекстом мелодии.

Особую проблему составляет определение метро-ритмики песни. В эпосе особенно наглядно проявляется метрическая роль слова: границы фраз и слов здесь часто служат главным основанием для расстановки музыкальных тактовых черт. Подобная расстановка, например в думах, записанных Ф. Колессой, сразу проясняет метрику напевов.

В редактировании записей, как и в собирании песен, можно также наблюдать две тенденции: объективного и субъективного подхода. Субъективный подход проявляется чаще всего при обработке песни. Длительное время вместо объективной записи песни публиковались именно обработки. Еще и в XX в. эта тенденция подчеркнуть художественно-национальные типические моменты иногда дает о себе знать (А. Кастальский, А. Листопадов). В других же случаях наблюдается обработка для так называемого удобства научного изучения.

В этом отношении характерна практика некоторых зарубежных фольклористов. Показательно, например, типичное для финской школы издание «Напевов карельских рун»¹⁴. Материал в этом большом своде финских и карельских песен расположен без достаточно-го учета его конкретных особенностей, в соответствии с заранее заданной схемой. Тексты даются в отрыве от напевов и печатаются в разных томах. Мелодии для удобства аналитического изучения транспонированы в две тональности, одну — для мажора и одну — для минора. Подобное изложение препятствует правильному восприятию народной музыки: ведь нередко при этом можно наблюдать тысячу напевов в одной ладово-тональной системе параллельного мажора-минора.

Наконец, проявление тенденции к «научной обработке» можно видеть и в расположении напевов в соответствии с каким-либо эле-

¹⁴ «Karjalan runosavelmät», julkaisi A. Launis. Helsinki, 1930.

ментом формы: например, в порядке усложнения стихотворной строки или по степени развития ладовой организации («Мелодии эстонских рун» А. Лауниса) ¹⁵.

Иногда и в советской фольклористике наблюдается стремление к «подправлению» ритмики и ладово-тональной системы народных напевов. В этих случаях песни переводятся в более «простые и удобные для пения» тональности, т. е. в тональности среднего регистра и с небольшим количеством ключевых знаков, а также производится уравнивание ритма посредством фермат.

В современных музыкальных сборниках нередки случаи «исправления» и унификации текста песен, например устраниния особенностей речевого диалекта. Хотя передача этих особенностей сопряжена с немалыми сложностями, связанными, в частности, с колебаниями форм в живом бытовании, унификацию текста в научных изданиях нельзя считать правомерной. В таких изданиях (а напевы эпических песен, конечно, в меньшей мере, чем собственно песни, могут предназначаться для художественной самодеятельности) должны сохраняться лексические, морфологические и в известной мере фонетические диалектные формы. Случай приведения каких-либо морфологических и фонетических форм к литературной норме необходимо оговаривать.

Критического подхода требует применяемый в наших изданиях способ обозначения ключевых знаков. Их обычное написание, расчитанное на единообразные мажор и минор профессиональной музыки, не выражает в должной мере своеобразия народных ладовых систем. По-видимому, больше соответствует положению вешней обозначение реальных знаков напева.

Одним из примеров высокопрофессионального текстологического подхода может служить работа Бела Бартока по расшифровке и редактированию записи сербско-хорватской эпической песни ¹⁶. Примененный здесь способ сокращения нотного изложения позволяет из 1811 строк напева, соответствующих стихотворным строкам песни, привести в нотах лишь 110 (выборочно). Пропущенные строки являются близкими вариантами уже нотированных и снабженных соответствующими отсылками в примечаниях. Нотная запись Бартока отличается стремлением к передаче подлинного звучания, составные элементы которого — слово, напев и инструментальное сопровождение — рассматриваются как равноправные. Эта реалистичность записи проявляется во многом. Так, обозначены подлинная высота напева (без транспонировки), ключевые знаки (только те, которые имеются в мелодии и на их действительной

¹⁵ A. Launis. *Eesti runoviisid*. Tartu, 1930.

¹⁶ Milman Parry, Albert Bates Lord. *Srpsko-hrvatske junacke pjesme*, vol. I. Cambridge i Beograd, 1954 («The captivity of Dulić Ibrahim»); о методе Б. Бартока см. также в кн.: «Serbo-Croatian folk songs», by B. Bartok. New-York, 1951.

высоте), колебания в высоте звуков мелодии, составляющие менее полутона. В обозначении ритмики, при отсутствии регулярных тактов, отмечается тенденция к движению четвертями; такты, чаще всего содержащие четыре или пять четвертей, обозначаются пунктирными чертами. Запись напева сопровождается тщательной подтекстовкой, а также изложением инструментальной партии (гусли), в которой помечены движения смычка вверх и вниз (в этом нельзя не видеть проявления навыков Бартока-композитора). Расшифровщик уделяет внимание и оттенкам вокального исполнения. Так, он делает заметки: *parlando*, *rubato*, «охрипшим голосом», «скакчи фальцетом».

Помимо стремления к реалистичности записи работы Бартока содержит также элементы музыкально-фольклористического анализа. Подход музыканта-аналитика можно видеть в записи вокальной партии. Эта запись подчеркивает особый характер мелодики данной песни: свойственное ей подразделение тонов на основные и опевающие. Не довольствуясь обычным способом изложения, Барток обозначает основные звуки напева нотами нормальной величины, а мелизмы — более мелкими нотными знаками. Тенденция к анализу ощущается и в записи распеваемого текста, в котором различным образом фиксируются слоги, выходящие за пределы регулярного стиха¹⁷. Наконец, в примечаниях имеются критические соображения о том, насколько манера данного исполнителя типична для района записи.

В соответствии с задачами, которые ставил перед собой Барток, сделанная им запись насыщена разного рода обозначениями и подробностями (часть из которых вынесена в примечания). Однако все применяемые знаки являются в достаточной мере обоснованными.

Принципы записи, целесообразные в применении к эпическим напевам, в значительной мере являются общими для фиксации песенного музыкального фольклора вообще. Это касается собирательского подхода, вопросов расшифровки и редактирования фонограмм. Но, как мы видели, запись эпических народных мелодий и текстов имеет свою специфику, связанную с природой данного жанра фольклора. Помимо отмеченной выше особой роли поэтического слова специфика выражается в импровизационной, текучей форме многих разновидностей эпоса. В силу этого особенно важно иметь образцы напевов с текстами, записанными целиком, от начала и до конца исполняемого напева¹⁸.

¹⁷ Например, в квадратные скобки заключаются не прозвучавшие в пении слоги стиха, в круглые — слоги, «лишние» в стихе и притом приходящиеся на конец строки, курсивом — лишние в начале строки; путем подчеркивания выделяются восклицания.

¹⁸ В данной статье мы не стремились осветить проблемы текстологии эпических напевов во всей их полноте. Так, в ней не затронуты вопросы редактирования фольклорных записей, сделанных разными собирателями в раз-

В заключение необходимо подчеркнуть, что при работе с эпическими напевами разных народов общие исходные принципы нотирования должны сочетаться с самым внимательным учетом структурных особенностей, свойственных музыке разных народов и регионов¹⁹.

ное время. Этой проблематике посвящено исследование Е. В. Гипшиуса «Сборники русских народных песен М. А. Балакирева» (в кн.: М. Б а л а к и р е в. Русские народные песни. М., 1957, стр. 229—282), где, в частности, ставится вопрос об изучении исполнительской, традиционной народной и собирательской редакции данного песенного текста.

¹⁹ В этом отношении ценный методический опыт содержат, например, исследования В. М. Беляева, посвященные музыкальному фольклору восточнославянских, кавказских, среднеазиатских народов. См., в частности: В. Б е л я е в. О музыкальном фольклоре и древней письменности. М., 1971.

К ВОПРОСУ О ТИПАХ ИЗДАНИЯ ЭПОСА НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В. М. СИДЕЛЬНИКОВ

Существующие издания эпоса народов СССР на русском языке по своему назначению и характеру подразделяются на художественно-популярные и научные (часто — научно-популярные).

На всесоюзном совещании, посвященном проблемам издания и изучения эпоса, В. М. Жирмунский отмечал, что «для большинства национальных республик дело публикации эпоса началось с популярных адаптированных изданий»¹. Имеются в виду поэтические переводы памятников эпоса, предназначенные для широкого круга читателей. Благодаря труду большого отряда поэтов-переводчиков всесоюзный читатель познакомился со многими выдающимися эпическими памятниками.

В 1939 г. был издан армянский народный эпос «Давид Сасунский»². В то же время появились переводы и некоторых других произведений³.

В послевоенный период выходят в свет художественные переводы осетинского нартского эпоса⁴, узбекского эпоса «Алпамыш»⁵, каракалпакского эпоса «Сорок девушек»⁶, кабардинского эпоса о

¹ «Вопросы изучения эпоса народов СССР». М., 1959, стр. 62.

² «Давид Сасунский». Пер. с армянского В. Брюсова и М. Лозинского. Предисловие В. Кирпотина. М., 1939; «Давид Сасунский. Армянский народный эпос». Пер. В. В. Державина, А. С. Кочеткова, К. А. Липсекерова, С. В. Шервинского. Под редакцией и с предисловием акад. И. А. Орбели. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1939 (изд. 2 — 1958).

³ См., например: «Кобланды батыры. Казахский народный богатырский эпос». Пер. с казахского М. Тарловского. Алма-Ата, 1937; «Антология азербайджанской поэзии». Под редакцией В. А. Луговского и Самеда Бургуна. М., 1939 (сюда вошли переводы народных поэм «Кер-оглы», «Ашуг Гариф»); «Манас» (глава). Пер. Л. Пеньковского. М., 1939 (серия «Огонька»). и др.

⁴ См., в частности: «Нартские сказания. Осетинский народный эпос». Пер.

В. Дынник, под редакцией Н. Тихонова, В. Казина, С. Бритаева. Предисловие С. Битиева. М., 1949.

⁵ «Алпамыш. Узбекский народный эпос. По варианту Фазила Юлдашева». Пер. Л. Пеньковского. М., 1949 (новое изд., под редакцией, с предисловием и примечаниями В. Жирмунского). — М., 1958.

⁶ «Сорок девушек. Каракалпакская народная поэма». Записана со слов скажителя Курбанбая Тажибаева. В переложении А. Тарковского. М., 1951 (изд. 2 — 1956).

нартах⁷, отрывков из грандиозного киргизского эпоса «Манас»⁸, абхазских нартских сказаний⁹, бурятского эпоса «Гэсэр»¹⁰ и др.

В своей лучшей части эти переводы характеризуются несомненными художественными достоинствами и бережной передачей поэтического богатства и своеобразия памятников народного творчества. Но переводы далеко не равнозначны. Нередко сказывается нивелировка художественных особенностей,— в частности, в тех случаях, когда недостаточно учитывается сложная структура стиха в оригинале и изложение втискивается, например, в стандартный рифмованный стих чуждой для него системы¹¹. В ряде случаев практиковалось недопустимо вольное обращение с текстом, «исправление» и «осовременивание» его. Неверно передавалась бытовая обстановка, искались имена и т. д.

Художественный перевод эпоса требует не только поэтического дара, но и серьезной специальной подготовки, знакомства с языком, культурой, историей и бытом народа. Обязанности переводчика прекрасно определил Г. В. Плеханов в своей рецензии на русский перевод книги Г. Лансона «История французской литературы XIX века». Плеханов писал: «...помните, что вы должны знать, во-первых, тот язык, с которого переводите, во-вторых, тот, на который делается ваш перевод, в-третьих, тот предмет, о котором идет речь в переводимом вами сочинении»¹².

Переводы некоторых памятников издавались не раз. Но возьмем такие народы, как башкиры, тувинцы, хакассы, коми, многие народы Крайнего Севера. У них также имеются образцы эпического творчества, однако всесоюзному читателю они еще неизвестны. Например, у тувинцев есть такие произведения эпического жанра, как «Хангавай», «Мёге Шагаан-Тоолай» и др.¹³; у алтайцев — «Алып-Манаш», «Ак-Тойчи», «Ескюс-Уул», «Алтай-Буучай»¹⁴, у башкир — «Алпамыш и Барсым-Хылыу», «Жик-Мэргэн», «Кусяк бий»¹⁵

⁷ «Нарты. Кабардинский эпос». Пер. В. Звягинцевой. М., 1951 (изд. 2 — 1957).

⁸ «Манас. Эпизоды из киргизского народного эпоса». Пер. С. Липкина и Л. Пеньковского. М., 1960.

⁹ «Приключения нарта Сасрыквы и его девяноста девяти братьев. Абхазский народный эпос». Вступ. статья Ш. Д. Инал-Ипа. Пер. Г. Гулиа (проза) и С. Липкина (стихи). М., 1962.

¹⁰ «Гэсэр. Бурятский героический эпос». Сводный текст Л. Балдано. Подстрочный перевод и предисловие А. Уланова. Пер. с бурятского С. Липкина. М., 1968.

¹¹ «Приступая к чтению самих текстов, читатель с удивлением видит перед собой правильные пятистопные ямбы (размер шиллеровских драм), притом в рифму», — писал В. Я. Пропп об одном из переводов нартского эпоса (В. Я. Пропп. Рец. на кн. «Нарты. Эпос осетинского народа». М., Изд-во АН СССР, 1957; «Русский фольклор», т. III. М., 1958, стр. 396).

¹² Г. Плеханов. Искусство и литература. М., 1948, стр. 835.

¹³ Л. Гребнев. Тувинский героический эпос. Опыт историко-этнографического анализа. М., 1960.

¹⁴ С. Суразаков. Героическое сказание о богатыре Алтай-Бууче. Горно-Алтайск, 1961.

¹⁵ А. Креев. Эпические памятники башкирского народа. М., 1963.

и т. д. Правда, некоторые из них издавались на местах, в республиках, в русских переводах, но очень ограниченными тиражами, причем переводы были не всегда удачными. Эти и многие другие образцы эпического творчества разных народов еще ждут своих переводчиков.

К выбору и подготовке текста, а в необходимых случаях — и подстрочного перевода важно привлекать специалистов.

Особенно надо коснуться сводов, составляемых на основе фольклорных записей. К их оценке необходимо подойти исторически. Общеизвестно, что в истории национальной художественной культуры огромную роль сыграли карело-финская «Калевала» Элиаса Леннирота (переведенная на русский язык Л. П. Вельским) и эстонский эпос «Калевипоэг» Фр. Крейцвальда (перевод Вл. Державина и А. Кочеткова). Руны «Калевалы» и сказания о Калевипоэге широко бытовали в народе. Леннирот и Крейцвальд записали их, собрали воедино, используя лучшие фрагменты и варианты, дополняя их за счет других, вводя необходимые связующие строки, добавляя и исключая отдельные слова и т. д.

Элиас Леннирот и Фридрих Крейцвальд авторами «Калевалы» и «Калевипоэга» считали народ, а себя, по меткому выражению Крейцвальда, лишь рудокопами, которые спустились в шахту и вынесли на свет скрытые сокровища¹⁶. И «если во всем этом и есть какая-нибудь моя заслуга, — говорит Крейцвальд в своем письме к А. А. Шифнеру 16 октября 1859 г., — то она заключается лишь в одном: я не щадил сил, чтобы тщательно исследовать доступные мне источники и использовать каждую ценную частицу для моего здания»¹⁷.

На коллективное создание рук «Калевалы» указывал А. М. Горький. «Мощь коллективного народного творчества ярче доказывается тем, что на протяжении сотен веков индивидуальное творчество не создало ничего равного «Илиаде» или «Калевале»¹⁸.

Книги Леннирота и Крейцвальда открыли поэтическое и идеиное богатство народного эпического творчества, способствовали популяризации и укреплению его идеалов в литературе¹⁹.

Широкий общественный резонанс получил и «Лачплесис», выпущенный в 1888 г. латышским писателем А. Пумпуром. Происхождение этой книги другого рода, «Лачплесис» в целом написан самим поэтом. Но автор использует народные образы, опирается

¹⁶ См. Ф. Р. Крейцвальд. Избранные письма. Таллин, 1953, стр. 13.

¹⁷ Там же, стр. 94—96.

¹⁸ М. Горький. Собр. соч. в тридцати томах, т. 24. М., 1953, стр. 27.

¹⁹ В конце 1970 г. в переводе на русский язык в Петрозаводске вышла новая композиция «Калевалы», осуществленная в свое время акад. О. В. Куусиненом на основе текста Леннирота (автор, в частности, стремился с помощью соответствующих перемещений представить в более верном свете историческое соотношение и последовательность рун). Эта работа выдающегося знатока и исследователя народного эпоса заслуживает специального анализа (см. напр. рецензию в журн. «Север», 1971, № 4, стр. 111—114).

на фольклорные традиции и мотивы, а «остальное,— как говорит латышский фольклорист Я. Я. Рудзитис,— взято из хроник, творчески заимствовано из различных литературных источников или создано самим Пумпуром. Из жанров устно-поэтического художественного творчества в «Лачплесисе» больше всего использованы прозаические произведения повествовательного фольклора — сказки и предания»²⁰.

Пумпур создал стихотворный текст «Лачплесиса» по типу карело-финской «Калевалы» точно так же, как и американский поэт Генри Уодсворт Лонгфелло (1807—1882) — свою «Песнь о Гайавате»²¹.

По своему идейному звучанию, по содержанию произведение Пумпуря оказалось близким народу и имело огромное значение в годы антикрепостнического национального движения. Автор «Лачплесиса» горячо «ополчался против распространяемого немецкими крепостниками утверждения, будто бы латышский народ не полноценен, не способен к активной творческой жизни»²². Писатель обратился к истории, «стремясь доказать, что у латышского народа было величественное прошлое, что он развивал свою культуру задолго до нашествия иноземных захватчиков»²³.

В народной памяти сохранились отдельные эпические сказания, песни и сказки. «Но из-за раздробленности латышских племен, которые были порабощены, — так и не успев достичь политического объединения, — как правильно замечает проф. Ю. Б. Виппер, — этим зачаткам эпической поэзии не суждено было развиваться и в результате циклизации слиться в единое целое, в единый национальный эпос»²⁴. Эту задачу и решил выполнить Пумпур, создав свою поэму «Лачплесис». Появление ее было вызвано и другими историческими событиями. Вот что пишет по этому поводу Я. Я. Рудзитис. «В третьей четверти прошлого столетия, — говорит он, — первые прогрессивные латышские литераторы выдвинули проблему латышского народного эпоса. Поиски народного эпоса по времени совпа-

²⁰ «Вопросы изучения эпоса народов СССР». М., 1959, стр. 52—53. Раскрытию народных истоков эпоса Пумпуря посвящена обстоятельная статья Я. Рудзитиса к латышскому изданию «Лачплесиса» (A. R i t t r i g s. Lačplēsis. Rīga, 1961, 1pp. 5—69) и комментарий (1pp. 231—307).

²¹ Генри Лоунгфелло. Избранное. М., 1958 («Песнь о Гайавате» в переводе И. Бунина). На то, что Лонгфелло писал свою «Песнь о Гайавате» под влиянием «Калевалы», указывали в свое время немецкий ученый Кнорц, американский критик Иохельсон и др. Советский литературовед М. Ударцева суммировала все ранее сказанное по этому вопросу, тщательно изучила факты и также пришла к выводу, что Г. Лонгфелло в ритмический размер и поэтическую композицию «Калевалы» облек народные индейские сказания и легенды о богатыре Гайавате («На рубеже», 1947, № 10, стр. 65). Там же есть статья по этому вопросу Л. Ронгопена, см. также статью М. Ударцевой в «Уч. зап. Петрозаводского пед. ин-та», вып. VI, 1959).

²² См. послесловие Ю. Виппера к книге А. Пумпур. Лачплесис. М., 1950, стр. 169.

²³ Там же, стр. 169.

²⁴ Там же.

дают с консолидацией латышской народности в нацию и идеино-связаны с этим процессом. В рассматриваемый период появилась надобность в большом эпическом произведении, в котором отразилось бы героическое прошлое латышского народа и которое перекликалось бы с прогрессивными стремлениями и требованиями своего времени... Поиски материала для эпоса показали, что у латышей нет героических эпических песен. Пришлось остановиться на мысли, что народный эпос можно создать путем соединения и переложения на стихотворный язык прозаических народных преданий»²⁵. И такие попытки появились в 60-х — начале 70-х годов прошлого столетия. Но первое и особое место среди этих эпических поэм занял «Лачплесис» Пумпуре. Поэма Андрея Пумпуре «Лачплесис» по существу выполняет функцию народного эпоса.

Сводные тексты эпоса появлялись и в советское время. Немалое значение имел свод армянского эпоса «Давид Сасунский», подготовленный при участии лучших знатоков армянского народного творчества и выпущенный к празднованию тысячелетнего юбилея этого эпоса. В послевоенные годы выпущены своды осетинского и кабардинского эпоса о нартах, недавно опубликован сводный текст бурятского «Гэсэра».

Думается, однако, что на современном этапе даже при подготовке художественного перевода не следует прибегать к составлению сводных текстов; важно сохранять содержание и форму конкретного варианта, избранного для перевода (что касается научных изданий, то в них сводные тексты совершенно недопустимы).

Как бы ни был прекрасен художественный перевод эпического памятника, однако он не обладает силой научного документа, необходимого исследователю. И естественно, что наряду с художественно-популярными изданиями эпоса осуществлялась и ведется сейчас работа по подготовке научных, документальных публикаций эпоса народов СССР на русском языке. В этой области у нашей фольклористики богатые традиции, накоплен и новый ценный опыт. Остановимся на нескольких изданиях последних десятилетий, чтобы определить, каков их «средний» уровень, в чем состоят достоинства и какие еще имеются нерешенные задачи.

Известный якутский фольклорист Г. У. Эргис выпустил в 1947 г. богатырский эпос своего народа «Нюргун боотур стремительный»²⁶. Запись этого олонхо — одна из самых ранних; в то же время она принадлежит к числу наиболее ярких и содержательных: «...высокой идейности соответствует... художественная сила, сложность и драматичность развития сюжета, эпическая монументальность стиля, фантастика и гиперболизм, возникшие на внутренне глубоко реалистической основе» (стр. 368). К этой оценке

²⁵ Из выступления Я. Я. Рудзитиса на Всесоюзном совещании, посвященном вопросам изучения и публикации эпоса народов СССР (М., 1958) — «Вопросы изучения эпоса народов СССР». М., 1959, стр. 51—52.

²⁶ «Нюргун боотур стремительный». Вступительная статья и перевод Г. У. Эргиса. Якутск, 1947. Далее ссылки на это издание даются в тексте.

данного олонхо присоединяется и И. В. Пухов в своей обстоятельной монографии о якутском эпосе²⁷.

Фольклористами записано 12 вариантов олонхо о Нюргуне (Нюргун-богатырь — защитник и освободитель своего народа). Эргис предпочел вариант сказителя К. Оросина, хотя он «по своей поэтической фактуре оказался неодинаковым от начала до конца». Текст дан на двух языках: слева — якутский подлинник, справа — перевод на русский язык. Весь текст составитель разбил на 16 глав, а внутри глав — на смысловые абзацы. Разбивка эта условна и «нуждается, — как замечает Эргис, — в основательной проверке»²⁸. Строго говоря, разбивка на главы — это уже вмешательство в текст. Однако в данном случае она оправдана теми поэтическими приемами, которые встречаются при передаче олонхо сказителями. Вот что говорит по этому поводу Эргис: «Обычно якуты в олонхо различают описание страны — сирэ-дойдута, завязку олонхо — охсууу торуэтэ (буквально: причину битв), первую битву — мангнайы охсууута, вторую битву — иккис охсууута и т. д. После каждой части олонхосут обычно делает краткую передышку. Вот этому-то народному делению олонхо на части и должна соответствовать наша разбивка текста на главы. Абзацы текста соответствуют отдельным смысловым фрагментам»²⁹. Каждый абзац перевода на русский язык внешне соответствует подлиннику. Поэтому перевод помещается параллельно с оригиналом.

Перевод не дословный, а смысловой. Эргис старался «обеспечить максимальную близость к тексту оригинала, его стилю и композиции в целом и в каждом фрагменте; исчерпать словесный и образно-художественный материал, сохраняя при этом в отдельных случаях и синтаксические особенности оригинала; добиться наибольшей точности в передаче идеологических моментов, системы мировоззрения и взглядов, пронизывающих олонхо»³⁰.

Книга открывается вступительной статьей «Богатырский эпос якутов олонхо» (стр. 5—60). В приложении приводятся схемы сюжетов других вариантов данного эпического произведения. В «Комментариях» помещены: биографические сведения об олонхосуте К. Г. Оросине, справка о варианте данного эпоса в издании Э. К. Пекарского; указатель собственных имен и названий; образцы мелодий песен олонхо в записи композитора М. И. Жиркова с примечаниями, где поясняются не только отдельные якутские слова и выражения, но и некоторые моменты повествования.

Книга имеет резюме на английском языке. Художественное оформление (обложка, форзац, заставки и концовки) выполнено на основе народного орнамента.

²⁷ И. В. Пухов. Якутский героический эпос олонхо. М., Изд-во АН СССР, 1962.

²⁸ «Нюргун боотур стремительный», стр. 269.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же, стр. 370—371.

Издание богатырского эпоса якутов «Нюргун боотур стремительный» является удачной попыткой научной публикации эпоса. В нем почти весь материал отвечает необходимым требованиям, пожалуй, за исключением вводной статьи. В ней автор касается ряда общих проблем якутского эпоса, говорит о бытования олонхо и его исполнении, перечисляет темы олонхо, излагает некоторые сюжеты, делится интересными наблюдениями над языком эпоса и его стилем, приводит сведения из истории сабирания и изучения олонхо и т. д. Все это ценно и уместно, но об *издаваемом варианте* сказано очень мало и не в статье, а в особой справке «О настоящем издании» (стр. 367—371). А в научном издании вступительная статья обязана давать «краткую и точную характеристику исторического и идейно-художественного значения данного эпоса, раскрыть особенности его поэтики, языкового строя и т. д.»³¹. «Схемы вариантов сюжета олонхо о Нюргуне» должны были следовать за основным вариантом, а не после другого справочного материала. Засхемами— «Образцы нотной записи песен олонхо», а затем — весь остальной справочный материал. Это придало бы изданию большую композиционную стройность.

В 1950 г. вышли «Карельские эпические песни» В. Я. Евсеева³².

Предисловие рассказывает об идейно-тематическом богатстве эпических песен, об их образной системе, поэтике, языке.

Двуязычный текст размещен в два столбца на одной странице. Все руны (исторические, балладного характера, шуточные, лиро-эпические и др.) сгруппированы по районам бытования и по сказителям. Составитель объясняет, что он исходил при этом не только из языковых различий, но также из того, что существуют разные версии одних и тех же рун в северной и южной Карелии. При отборе рун учитывались художественная полноценность текста и «пропорциональный охват всех районов бытования рун» (стр. 19). Всего в антологии 225 рун, заключающих в себе 80 сюжетов. Оригинал песен дается на соответствующих диалектах. Перевод является литературно-прозаическим. «Переводчики, — как пишет составитель, — стремились к максимальной точности, но вместе с тем перевод смысловой, а не буквальный. Так, в переводах лишь местами отражены особенности карельского синтаксиса. Язык карельского эпоса изобилует случаями несогласованности в грамматических категориях числа, времени, совершенного и несовершенного видов глаголов и другими подобными же особенностями стиля. В таких случаях перевод не отражает синтаксической картины языка карельского эпоса, так как подобная несогласованность в русском переводе ничем не оправдывается. В переводе допускаются

³¹ «Об основных принципах сабирания и научной публикации эпоса народов СССР. Тезисы (Ин-т мировой литературы)». М., Изд-во АН СССР, 1958, стр. 7.

³² «Карельские эпические песни». Предисловие, подготовка текстов и комментарий В. Я. Евсеева. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте.

и смысловые отклонения... Там, где отдельные мотивы карельского текста в силу фрагментарности песни недостаточно органически связываются, применен принцип расшифровывающего перевода. Таким образом, для достижения художественно-прозаического перевода иногда приходилось отступать от оригинала, но так, что эти отступления коснулись только формы выражения, но не смысла художественных образов» (стр. 21—22).

Заглавия к текстам рун и названия сюжетов даны, в основном составителем.

На наш взгляд, в антологию вряд ли следовало помещать руны лиро-эпического характера и руны современной тематики. Все издание целесообразнее было посвятить традиционным эпическим песням, тематически близким к сюжетам «Калевалы». Распределение эпического материала по сказителям затрудняет изучение вариативности того или иного сюжета. Тексты следовало бы систематизировать по сюжетам, сгруппировав вокруг лучшего варианта все его версии и варианты. За текстами необходимо было бы поместить напевы руп.

В комментариях к тому даются сведения о месте и времени записи и делаются ссылки на параллели к публикуемым рунам в лепиротовской «Калевале», указываются варианты и по другим изданиям, есть ссылки на архивные фольклорные хранилища. В разделе примечаний о каждом певце сообщаются биографические сведения.

Кроме того, в книге помещены: «Список сокращений» использованных печатных и рукописных источников, алфавитный «Указатель сказителей», «Указатель песенных сюжетов» и мотивов и «Указатель собственных имен и географических названий».

В Улан-Удэ во многом удачно издан бурятский героический эпос «Абай Гэсэр»³³, записанный бурятским писателем И. Н. Мадасоном от Пеохона Петрова. Текст в два столбца на одной странице. Повествование расчленено на главы, но дается сквозная нумерация стихов. Русский перевод улигера смысловой, с учетом особенностей синтаксиса.

В вступительной статье говорится об особенностях и значении публикуемого эпического текста, дается его идеино-художественная характеристика, отмечается стилевое своеобразие и языковые особенности улигера и т. д. Остается сожалеть, что все это изложено слишком кратко.

В приложении даны биографические сведения о сказителе, перечислен его репертуар. Прилагается список персонажей, словарь географических названий. В комментариях, относящихся только к переводу, поясняются отдельные бурятские слова и поэтические выражения.

³³ «Абай Гэсэр». Вступительная статья, подготовка текста, перевод и комментарии А. И. Уланова. Улан-Удэ, 1960.

Из других двуязычных изданий эпоса можно отметить «Камбар-батыр» (1959) и «Алпамыс-батыр» (1961), вышедшие в Алма-Ате под редакцией М. О. Аузэрова и Н. С. Смирновой. Примечательными в них являются специальные текстологические разделы (разночтения по другим вариантам) и музыковедческая характеристика напевов. Особенность этих изданий еще и в том, что оригинал и перевод даются не параллельно, а раздельно. Впрочем, такой порядок принят и в некоторых других книгах — например, в хорошо документированном сборнике собственных записей З. Н. Куприяновой «Эпические песни ненцев» (М., 1965), также содержащем нотные записи и статью, посвященную их рассмотрению.

Анализ названных книг дает основание заключить, что в научной публикации эпоса народов СССР на русском языке имеются определенные положительные тенденции. Это проявляется прежде всего в стремлении верно раскрыть содержание народных памятников. Этому служит и научный аппарат.

Но есть и существенные недостатки. Переводы эпических произведений нередко грешат буквализмом, не поднимаются выше подстрочника. Художественное восприятие затрудняется. Более щадительное изучение образцового переводческого опыта таких ученых, как Б. Я. Владимирцов или В. В. Бартольд могло бы многому научить авторов современных научных переводов.

Нельзя считать окончательно сложившимся и тип вступительной статьи научного издания. Порою эти статьи не дают развернутую характеристику памятников. Наиболее уязвимыми являются разделы о поэтике, мало конкретных сравнений разбираемых произведений данного народа с родственными произведениями других народов.

Хотелось бы отметить, что целесообразно более часто практиковать издания-исследования — как, например, вышедшие недавно книги, посвященные грузинскому³⁴ и восточнороманскому эпосу³⁵. Остановимся на книге М. Я. Чиковани о грузинском эпосе.

Исследование, открывающее книгу Чиковани, начинается историографической главой, в которой дается обзор всех существующих записей сказания об Амирани и краткая история изучения этого эпического памятника. Здесь приведен не только богатейший материал, но и даны полезные критические замечания, важные дополнения и пояснения автора. Таким образом, глава содержит подробное научное рецензирование всех предшествующих работ об Амирани.

Вторая глава посвящена генезису сказания об Амирани. В ней подробно рассматриваются этническая среда и общественный строй,

³⁴ М. Я. Чиковани. Народный грузинский эпос о прикованном Амирани. М., «Наука», 1966.

³⁵ В. М. Гацак. Восточнороманский героический эпос. М., «Наука», 1967.

С которыми связано возникновение эпоса об Амирани; рассказывается о памятниках материальной культуры, в которых нашли отражение «древнейшие ступени» сказания об Амирани (ритуальный сюжет охоты на триалетском серебряном кубке, на бронзовом поясе из Самиавро-Мцхета, на памятниках мегалитической культуры и др.); подчеркивается огромное значение данного эпоса в культуре грузинского народа; раскрывается идейное содержание «Амирани». При этом тщательно учитываются различные версии сказаний об Амирани. Далее Чиковани показывает связь эпоса «Амирани» с общественными взглядами, верованиями, мифологией и традициями предков грузин. В специальных главах рассматривается соотношение между Амирани и Прометеем и эпические «двойники» Амирани.

Следующие главы посвящены анализу содержания эпоса, характеристике основных персонажей, раскрытию сюжетных мотивов, топонимике «Амирани», композиционной структуре, поэтическим особенностям эпоса, его стилю, ритмике, словарному богатству и т. д. Интересна восьмая глава, где рассказывается о влиянии эпоса на древнюю грузинскую литературу.

Последняя глава рассматривает параллели к «Амирани» в кавказском фольклоре.

Таким образом, перед нами серьезная работа, написанная не только на богатейшем фольклорном материале, но и на исторических и археологических фактах и сведениях. Они помогают автору при решении очень важных проблем: как и когда оформился героический эпос об Амирани, каковы его исторические корни. Кроме того, исторические и археологические материалы помогли Чиковани осветить вопрос о связи эпоса с древней мифологией. Развитие эпоса «Амирани» рассматривается на фоне общего фольклорного процесса и в связи с жизнью и бытом грузинского народа. В этом большая ценность исследования. Во второй части книги помещены тексты сказаний об Амирани. К ним даются необходимые примечания и разъяснения.

Возвращаясь к вопросу о составе научного издания, мы хотели бы отметить, что в опубликованных книгах научный аппарат содержит ценные разделы. Но все же он еще не всегда всесторонен (часто отсутствуют нотные записи и особенно их характеристика, очень скромно говорится о тех вариантах и произведениях, которые не вошли в книгу, и т. д.). В целом существует настоятельная необходимость значительно увеличить научный аппарат во всех его компонентах. Устранение указанных недостатков и совершенствование типа научного издания эпоса — важная и неотложная задача.

НОВЫЕ ЗАРУБЕЖНЫЕ ИЗДАНИЯ ЭПОСА НАРОДОВ СССР

Н. Е. НИКИПОРЕЦ

В последние годы в Западной Европе и Америке вышел ряд новых изданий эпоса народов СССР, в чем надо видеть проявление растущего интереса к многонациональной культуре Советского Союза.

Остановимся на некоторых из этих изданий, обращая главное внимание на их тип и принципы подготовки.

I

Французское издание армянского эпоса «Давид Сасунский» входит в серию литературных памятников, выпускаемую Международным Советом по философии и гуманитарным наукам при ЮНЕСКО¹.

Издание носит научно-популярный характер и, как говорится в введении, осуществлено с целью «представить образованной публике Запада перевод одного из шедевров армянской литературы» (37)². Подготовлено оно французским ориенталистом Фредериком Фейди, ранее выступавшим в печати по вопросам армянского фольклора. Им написано введение, осуществлен перевод «Давида Сасунского» на французский язык и составлены комментарии к тексту.

Примечательно, что в качестве «Предисловия», открывающего том, дана обширная статья о «Давиде Сасунском» за подписью известного советского ученого академика И. А. Орбели (1887—1962). В книге не сообщается, каково происхождение этой статьи. Можно лишь констатировать, что предисловие воспроизводит в сокращенном виде книгу И. А. Орбели «Армянский героический эпос», изданную на русском языке в Ереване в 1956 г. (143 стр.).

Напомним, что книга Орбели состояла из предисловия и четырех глав, каждая из которых имела название. Во французском издании работа Орбели содержит тоже четыре части, обозначен-

¹ «David De Sassoun, épopée en vers. Collection caucase». Gallimard, 1964. В этой же серии вышли: киргизский эпос («Er-Töshlük. Le géant des steppes, Gallimard, 1965»); нартский эпос («Le livre de héros», Gallimard, 1965), а также некоторые литературные памятники народов СССР и других стран.

² Здесь и далее в скобках указаны страницы цитируемых книг.

ные римскими цифрами. Причем нигде не сказано, что перед нами текст, представленный в свое время самим автором или авторизованный им.

Начало и конец предисловия полностью или почти полностью повторяют соответствующие страницы указанной монографии. Другие части книги представлены по-разному. Из первой главы, «Содержание и образы эпоса», содержащей пятьдесят страниц, во французском переводе сохранены лишь две первые страницы. Остальной материал главы, в которой подробно, с цитированием текста эпоса рассказывается о содержании «Давида Сасунского», раскрываются мужские и женские образы сказания, отсутствует.

Вторая часть предисловия к французскому изданию воспроизводит с купюрами вторую главу книги Орбели — «Историческое ядро и сложение эпоса». Уже в первом абзаце французского текста, который идентичен русскому, отсутствует дата, указывающая время жизни (Х в.) историка Фомы Артруни, описавшего современные ему события, которые близко напоминают события эпоса. Понятно, что пропуск этой даты лишает читателя немаловажного хронологического ориентира.

Между первым и вторым абзацами французского текста предисловия опущено девять страниц из русской книги (61—70). В этой части Орбели приводит исторические сведения о событиях и правителях Армении, сопоставляет исторические факты с событиями, изображенными в эпосе, а также обосновывает свою критику прямолинейного «исторического толкования «Давида Сасунского».

При сличении предисловия с монографией обнаруживается и много других купюр. Пропущены, например, три страницы, в которых объясняется, почему Халиф постоянно называется в эпосе «идолопоклонником». Опущена этимология имени чужедальчего властителя Пап-Френка (71—74). Отсутствуют страницы, указывающие на возможность сопоставления «Давида Сасунского» с византийской эпической поэмой «Сказание о Дигенисе Акрите», которая, по мнению Орбели, «является близкой параллелью к сказанию о Давиде Сасунском» (75—78).

Третья часть предисловия начинается примерно с середины третьей главы «Народность эпоса» книги Орбели. Сюда не включено семь страниц, где доказывается, что «Давид Сасунский» — творение народа. Здесь же подвергается критике теория феодального происхождения армянского эпоса. В дальнейшем тексте обнаруживаются пропуски кавычек, слов и даже предложений, которые искают или деакцентируют теоретические положения автора. Так, например, слово «добыча» в русском тексте взято в кавычки, так как под этим словом подразумевается плененный Давидом его враг Мсра-Мелик, которого Давид ведет в Сасун. Подчеркивая свое всяческое презрение и отвращение к военной добыче, Давид после блестящей победы над врагом отпустил на все четыре стороны побежденные вражеские войска, взяв с собой в Сасун одного Мсра-Мелика. И поэтому справедливо в монографии академика

Орбели говорится: «Эта «добыча» — лишь доказательство постигшего Мсра-Мелика конца». Во французском тексте кавычки опущены; получается, что в лице Мсра-Мелика Давид везет в Сасун настоящую добычу.

Русский абзац «Эпос правдив и тем, как он изображает этих героев, черты которых нам, советским людям, особенно дороги» (106), переведен на французский язык так: «Эпопея правдива также способом, которым она изображает своих героев» (22). Следующие два абзаца монографии изъяты полностью: «Если бы они действительно были бы феодалами, то, вероятно, не прибегли бы к такому способу построения городов — сначала дома для бедных, чтобы бедных не жег летний зной, а потом — крепость. Санасар и Багдасар построили убежище для всех тех, кто с ними пришел заселять страну, потом построили крепость и показали себя не только героями в борьбе с дэвами или вишапами, но и героями в своем великом труде» (106); «Вот это сочетание геройства идущего от труда, и геройства, выраженного на поле брани, — это геройство для нас особенно дорого, потому что мы знаем, что только этим геройством сильны те имена, которые мы с гордостью повторяем, имена тех, кто сегодня держал молот, а завтра разит врага мечом, сегодня был привязан к наковальне не цепью, а любовью к труду, а завтра парит в облаках, чтобы сразить того, кто подойдет к нашим рубежам» (107).

Приведенные примеры показывают, что во французском тексте не отражены многие существенные моменты того толкования «Давида Сасунского», которое дано ему академиком Орбели.

В своем введении Фредерик Фейди характеризует древнюю армянскую культуру и определяет место «Давида Сасунского» в ней. Он сообщает ряд сведений историографического характера (начало публикаций, число вариантов и т. д.), говорит об исполнении эпоса и его особенностях. Французский автор обнаруживает достаточную осведомленность в вопросах изучения и издания эпоса в СССР и говорит о большом внимании советских ученых к народному творчеству.

В целом введение носит научный характер, в нем освещаются многие стороны истории армянской культуры. Во введении имеются и спорные моменты, а порой и неверные положения. Рассматривая, например, историю армянской культуры, автор пытается совершенно неоправданно истолковывать появление народной лирической поэзии, как выражение христианской религиозной мистики. Он пишет: «Результатом этого нововведения (распространение христианства.— *H. H.*) было создание на разговорном народном языке лирической поэзии, которая, даже приобретая направление несколько чувственное, на манер персидской поэзии, всегда сохраняет в своей основе христианскую мистику» (стр. 38).

У Фейди мы встречаем весьма спорное понимание национальной культуры. Говоря о «расчленении» армянского народа на

западную и восточную части, Фейди полагает, что это привело к созданию двух противоположных литератур — восточного и западного типа. «Взятие Константинополя турками завершило изоляцию армян от Запада. Однако заново созданное в Венеции к 1715 году аббатом Мекхитхаром религиозное братство позволило лучшим представителям армян вновь образоваться, и в следующем столетии движение достигло Константинополя. Армянская литература со своими поэтами-романтиками становится вновь составной частью, к сожалению, слишком мало известной западной литературы. Второй центр возрождения образовался в русской Армении к 1850 году. С тех пор армянская литература разделилась на две ветви, каждая из которых имела свой литературный язык: армянская западная литература, составная часть литературы Западной Европы, и армянская восточная литература, с более выраженным национальным характером, временами также воспринимавшая к влиянию русской литературы» (стр. 38).

Получается, что не национальная специфика, психический склад, духовный мир народа определяют его сущность, а лишь местонахождение и окружение — «ориентация», как в примере Ф. Фейди. Литература одного и того же народа, оказывается, может быть одновременно и западной и восточной. По существу Фейди недооценивает внутренние факторы развития армянской литературы, определяя ее лишь как «западную» или «восточную», и заметно преувеличивает роль влияний.

Говоря о выборе источника, по которому дается перевод, французский исследователь пишет, что довоенное советское издание хорошо представляет эпос и поэтому взято им за основу. Однако точного названия и выходных данных изданий, по которому осуществлен перевод, Фейди не называет, но нетрудно установить, что перевод выполнен по сводному изданию 1939 г.

Французский издатель в ряде случаев дополняет свод, так как считает его неполным. Эти дополнения взяты, как он пишет, либо из сборника вариантов, опубликованного в Ереване в 1939 г., либо из «Этнографического обозрения» Лалаяна ³. Дополнения даются в построчных примечаниях.

«Этнографическое обозрение» Лалаяна упоминается только в двух местах (стр. 63, 290). Больше ссылок на указанный сборник вариантов нет.

Значительная часть примечаний представляет объяснения к тексту и принадлежит самому Фейди. Объяснения носят самый

³ По-видимому, речь идет об этнографическом журнале, который издавался на армянском языке с 1895 г. по 1917 г. в Тифлисе («Ազգագրան Անձես»). Начиная с седьмого номера (1901) — всего их вышло 26, — появляется французское написание названия журнала — «Azgagrakan Handess» — и оглавление дается на французском языке. С этого же номера в журнале печатаются тексты и исследования эпоса «Давид Сасунский». Последний номер, помимо армянского названия, получил также и французское: «Revue ethnographique publiée par la société ethnographique arménienne».

разнообразный характер: они относятся к исторические именам, событиям, специфическим понятиям, оборотам, словам, реалиям и т. д. Нередко разъяснения подкрепляются ссылками на работы различных авторов: русских (Marr et Smirnov. *Les vichaps. Leningrad*, 1931), английских («*Murray's handbook for Trevellers in Asia Minor*». London, 1895), армянских (Малхосьянц. *Пояснительный словарь*) и др.

Примечания в целом весьма уместны, так как дают дополнительные сведения по истории и культуре армянского народа и помогают читателю лучше понять содержание эпоса. Например: «Жан-Горлан пошел, чтобы обратиться к Давиду: «Давид, пусть твой дядя умрет за тебя! Скажи: «Все, что доброе,— останься, а все, что злое,— уйди!» (237).

В сноске дано такое пояснение: «*Букв.*: «Законные — останьтесь, незаконные — отделитесь». *Halal* («законный») и *haram* («незаконный») — арабские слова, которые проникли в армянский разговорный народный язык посредством окружающей среды мусульман» (237).

Но есть случаи, когда пояснения не точны, либо не верны: «Исмаил-Хатун увидела, что Мгер собирается уезжать. Она сказала своей прислуге: «Бог пусть разрушит ваши дома. Идите же и посмотрите, нет ли старого семилетнего вина. Он собирается возвратиться домой, скорее, скорее...» (183).

Выражение «Бог пусть разрушит ваши дома!», которое в русском издании звучит как простое безобидное и показное ворчанье госпожи Исмаил-Хатун по отношению к своим служанкам («Нет пропасти на вас! Где семилетнее вино?» — 146), во французском издании толкуется зловеще серьезно: «1. Проклятие раздраженной и раздосадованной госпожи в адрес своих слуг, которые не совершили ни малейшего проступка». И дальше явно надуманное дополнение: «2. Речь идет не о хорошем старом вине, которое семь лет выдерживалось в подвалах, а о вине плохо приготовленном и которое держали в течение семи лет, ничего не сделав для того, что обеспечить его хорошее качество. Мы уже видели, что Халиф багдадский напоил прокисшим вином Балтасара, который также совершенно не имел тонкого вкуса» (183).

Встречаются и ненужные пояснения. Так, например, фразу: «если мы скроем от тебя правду, то как мы скроем ее от бога» (223), французский исследователь считает необходимым специально прокомментировать: это «обычная формула для обозначения того, что собираются говорить всю правду».

Число таких примеров легко умножить.

Из двух ссылок на «Этнографическое обозрение» Лалаяна возьмем первую, более краткую — в пояснении к стихам:

Священник Меликсет⁷ пришел
И их крестил на тонире (63).

В примечании разъясняется слово «тонир»: «Тониром называют домашнюю печь, иногда обыкновенную. От древнего культа огня она сохранила священный характер, и в уединенных и отделенных от церквей деревнях именно на тонире еще в конце прошлого столетия справлялись некоторые обряды религиозной жизни, как, например, крещение и т. д. (Лалаян. Этногр. обозр., 1897, т. II, 148 стр.)» (63).

Мы уже упоминали, что французский издатель не указал с необходимой точностью, по какому именно изданию сделан перевод. Между тем свод, как известно, вышел в свое время не только на армянском языке, но и в русском переводе. Проведенное нами выборочное сличение текста французского издания с русским, а также комментарии самого Фейди заставляют предполагать, что перевод на французский язык осуществлялся по русскому изданию, но с постоянным сличением сюжета с армянским оригиналом свода, а также со «Сборником вариантов», изданным в Армении в 1939 г. Поэтому в повествовании встречаются отдельные, очень небольшие отрывки (два — четыре стиха), которых нет в русском переводе. Кроме этих маленьких и очень немногочисленных вставок-дополнений весь остальной текст эпоса соответствует русскому своду.

В сцене на мосту, где Давид разоблачает посланных против него Мсра-Меликом заговорщиков, которые просят у Давида пощады и исповедуются перед ним, по сравнению с русским текстом есть два новых стиха. Французский издатель вставляет их, заключая в квадратные скобки ⁴, и в примечании на этой же странице объясняет происхождение вставки: «Эти два стиха, засвидетельствованные вариантом № 5 первого тома сборника (речь идет о Сборнике вариантов.— И. Н.), отсутствуют в нашем издании» (223).

В разбираемом французском издании они имеются. Значит, под словом «наш» Ф. Фейди имеет в виду либо русское, либо армянское издание. Следующее пояснение уже определенное указывает, что в основу перевода был положен русский текст свода. К трем строчкам текста: «Тогда Исмаил-Хатун позвала своих конюхов и сказала им: «ведите Жеребенка Джалали, чтобы он покрыл моих кобыл». Конюхи привели Жеребенка Джалали к кобылам» — в сноске на этой же странице находим следующее объяснение: «Эти три стиха также перемещены в армянском тексте» (183). Действительно, в русском тексте эти строки даны несколько ниже и объединены с двумя другими.

Из этого примечания ясно, что французский переводчик внимательно следил за всеми различиями между русским и армянским текстами и старался внести соответствующие уточнения.

⁴ [А другой сказал: «Что касается меня, я араб, я был слугою отца Мсра-Мелика»].

Есть и другие примечания, из которых явствует, что перевод не дается по армянскому тексту, но связан с ним. Так, во французском издании читаем:

Давид семь диких быков убил,
Жан взвалил быков на спину и возвратился в город.

В сноске примечание: «В армянском тексте «шесть» (261).

В другом месте к стиху: «Они зарезали сорок епископов в святынище»— в сноске уточняется: «В оригинальном тексте упоминание о епископах отсутствует» (267). «Семь диких быков», «сорок епископов»— это детали, имеющиеся именно в тексте свода.

Отрывки и эпизоды, взятые из «Сборника вариантов», вынесены в примечания к соответствующим страницам. Так, например, в заключительной главе «Женитьба и конец Мгера» после двустишния:

Был полдень. Чем больше он заставлял коня двигаться
вперед,
Тем больше конь погружался. И это продолжалось
до вечера...

дается сноска:

«Здесь находится, согласно некоторым вариантам, мольба Мгера к богу, чтобы он оградил Мгера от этого мира.

Вот мольба, которую нам предоставил Сборн. вар. I, стр. 50:

О, Господь Бог!
Проклятие моего отца поразило меня:
Оно вытянуло жилы из почек моих,
Никакого наследника не выпало мне на долю
в этом мире,
И нет больше смерти для меня
До времени пришествия Христа на Суд,
О, Господь Бог!
Я тебя молю,
Чтобы ты сделал так,
Чтобы ты бросил меня в пещеру Ван
До тех пор, пока придет Христос на Суд
И сделал бы так, чтобы пригласили мою душу» (394).

Перевод Фредерика Фейди выполнен, как и в русском варианте, белым ритмизованным стихом, который читается легко и свободно. Лексика текста разговорная, текст не «олитературен». «Мы постарались дать установленному тексту точный перевод,— говорит Ф. Фейди,— насколько это только возможно, сохраняя при этом своеобразие народной речи. Образные выражения и метафоры, которые присутствуют во французском переводе, в основном являются точными кальками народных выражений оригинала. В тех случаях, когда было невозможно сделать точную транслюцию текста, армянские метафоры поясняются в сносках.

Основное отличие между французским переводом и оригиналом сводится только к двум моментам:

1. Мы должны были, во избежание неприятного впечатления от частых повторов одного и того же, нетерпимых в письменном тексте, уменьшить по возможности повторы одних и тех же слов.

2. Армянский текст излагается на разных диалектах стилем очень сжатым, иногда лаконичным, и нам необходимо было передать глубину его содержания в соответствии с нормами нашего языка» (50).

Действительно, переводчик выполнил свою задачу, перевод достаточно точный, но усечение текста («уменьшить... повторы»), даже небольшое, несколько ослабило документальность издания, и самое главное — привело к художественным потерям. Так, например, если в русском тексте мы имеем четверостишие:

Мечом-молнией Мгер махал —
Меч ангелов не задевал,
Мечом-молнией Мгер махал —
Сквозь ангелов — меч пролетал (375),

то во французском переводе оно сведено к первому двустишию:

Mehèr frappait de son épée fulgarante;
Ses coups n'atteignaient pas les anges (394).

Как видно даже из единичного примера, это опущение «тягостного» повтора, о котором говорит Фредерик Фейди, привело к обеднению текста, утрате художественной детали («сквозь ангелов — меч пролетал»).

Могут быть отмечены и другие недочеты французского издания. Но в целом оно дает западному читателю во многом верное представление об армянском народном эпосе «Давид Сасунский».

II

Американское издание «Давида Сасунского»⁵ выполнено поэтом и писателем, профессором английской филологии и знатоком армянского эпического наследия Леоном Сурмеляном, проживающим в США. Представляя Леона Сурмеляна читателю, издательство указывает (цитируя аннотацию, помещенную на обложке): «Леон Сурмелян занимает видное место в армянской литературе как поэт, пишущий на своем родном языке и в то же время он мастер американской прозы. Вот почему стали возможными эти замечательные картины прошлого бурного времени с его огненными мужчинами, огненными женщинами, огненными конями и огненными мечами, написанные волнующей прозой».

⁵ «Dareddevils of Sassoun». Allan Swallow, Denver, 1964.

Довольно интересна для нас оценка эпоса «Давид Сасунский»: «Вот одно из великих повествований всех времен, которое одним только возбуждением и красотой может легко выдержать сравнение с эпосом Гомера: повествованию тысячелетней давности суждено стать современной классикой».

Издание состоит из введения, текста эпоса и комментариев. В введении автор излагает свое понимание эпоса и говорит о принципах, положенных в основу издания. Указывается, что рукопись обсуждалась в Институте литературы АН Армянской ССР, и выражается признательность советским специалистам «за критическое чтение рукописи и за многие ценные предложения» (15).

Леон Сурмелян обнаруживает несомненную заинтересованность и информированность в вопросах изучения эпоса вообще и в Советском Союзе в частности. Он видит в эпосе «Давид Сасунский» выдающийся художественный памятник, который пользуется широким признанием. «Сказание было переведено на русский язык к 1881 году. Начиная с того времени слава о сасунских воинах постепенно распространилась в России, и сегодня он читается во всех пятнадцати республиках Советского Союза. А русские, украинцы, белорусы, грузины, азербайджанские тюрки, узбеки, казахи и другие могут читать эпос на своих языках. В Армянской ССР каждый знает «Давида Сасунского», он является национальным героем. Недавно переводы эпоса были сделаны на китайский и французский языки» (9).

Происхождение эпоса Сурмелян связывает с бурной историей народа в далеком прошлом. Так, ссылаясь на первого собирателя и исследователя армянского фольклора священника Гарегина Сырвандзяна, он пишет: «Жизнь Давида и его подвиги принадлежат средним векам...» (8). Впрочем, в дальнейшем Сурмелян характеризует содержание эпоса не во всей его полноте; при этом явно «размывается» историческая определенность идеалов эпоса: «Все сказание есть летопись храбрости, домашней добродетели, благочестия и простых чистосердечных отношений Давида с его любимой женщиной, а также с его врагами» (8—9).

В введении Леон Сурмелян останавливается на существующих изданиях армянского народного эпоса и говорит о своей работе над текстом. Американский профессор высоко оценивает заслуги советских ученых в собирании и публикации «Давида Сасунского», особенно выделяя трехтомник текстов, выпущенный в 1936—1951 гг. «Если Гарегин Сырвандзян спас армянский эпос от забвения, то шестьдесят лет спустя доктор Манук Абегян из Армянской Академии наук совместно со своими сотрудниками оказал почти столь же ценную услугу. Они собрали почти все эти варианты и опубликовали в трех научных томах в государственном издательстве в Ереване в 1936, 1944, 1951 гг. под общим заглавием «Храбрые Сасунцы» («Сасна Дзурер»). В этих трех томах (третий том является второй частью второго тома), изданных доктором Абе-

гяном совместно с профессором Карапетом Мелик-Оганджаняном, насчитывается более 2500 страниц текста» (12).

Говорит Сурмелян и о своде «Давида Сасунского», вобравшем в себя, по его признанию, «большинство важных эпизодов» и предназначенному «для популярного чтения» (13). Он признает, что составители свода «хотели популяризировать это героическое сказание и достигли своей цели» (13). «Сводный текст для популярного чтения был в своем роде первой и в сущности несколько экспериментальной попыткой» (13), — заключает американский автор. Вполне оправданным он находит, например, стремление сделать общепонятным тексты, изложенные на диалектах.

В то же время Сурмелян высказывает критические суждения в адрес свода. В «Давиде Сасунском» «отсутствуют некоторые чрезвычайно важные эпизоды. Раздел, повествующий о Мгере Младшем, например, четвертый цикл или ветвь является фрагментарным и неадекватным. Он не делает чести оригинальным текстам и по объему мог бы быть вдвое больше. Некоторые тонкие тематические обертоны просмотрены. Религиозный мотив заглушен. Много грубых, неловких переходов. Имеются определенные отклонения от оригинального текста, которые, на мой взгляд, представляют сомнительную ценность. Не принят во внимание значимые элементы повествования. Наблюдается общее принижение поэтического тона и содержания эпоса по сравнению с оригинальными текстами, собранными в трех томах, о которых я упоминал» (14).

Однако суждения Сурмеляна субъективны и непоследовательны. Казалось бы, автор отстаивает преимущество исчерпывающих, документально достоверных изданий эпоса. (Заметим кстати, что эти преимущества вполне ясны и советским эпосоведам. Выпуск — помимо свода — трех томов записей «Давида Сасунского» показывает, что работа по изданию армянского эпоса вовсе не ограничивалась подготовкой свода.) Однако, критикуя свод, Леон Сурмелян противопоставляет ему — в качестве наиболее актуального и даже единственно необходимого (!) — такой принцип работы над текстом, который одновременно резко противостоит документальным изданиям. В введении читаем: «...я верю, что наступило время «исторической» школе уступить место школе художественной. Теперь, когда лингвистические и критические основания выяснены (хотя некоторые проблемы еще остаются), поэты должны взять верх. Обобщающее видение поэта может организовать этот огромный материал в более ясное целое. Выбор и расположение эпизодов, если употребить термин Аристотеля, являются «душой» этой трагедии. И сюжет и язык так тесно связаны между собой, что в каждом из них действует та же чувствительность и то же видение» (13).

К характеристике работы Леона Сурмеляна над текстом мы еще вернемся. А пока необходимо отметить, что выдвигаемый им принцип вытекает из определенного толкования эпоса, на наш

взгляд, более чем спорного. Сурмелян пишет: «Литературные достоинства Сасунской саги превосходят ее значение как исторического или лингвистического документа. Сегодня нужно исследовать поэтику эпоса — как он сделан, как он собран воедино, исследовать расположение частей, искусство создания характеров, диалог, стиль, опознавание и порядок сцен, пропорцию сценического и повествовательного, драматическую непосредственность, точку зрения эпоса или залоговую структуру и т. д.» (13–14).

Нельзя не согласиться с такой очевидностью, как необходимость изучения поэтики эпоса. Но важно учитывать, что анализ поэтики вне связи с историческим и идеяным содержанием эпоса не способен раскрыть «Давида Сасунского» во всей полноте. Подход, намечаемый Сурмеляном, является односторонним, так как если эпическое произведение лишить исторической определенности, то это значит лишить его и подлинной художественности. Речь, по-видимому, должна идти не о том, кто кому обязан уступить («историческая школа» художественной или наоборот), но о разумном сочетании различных подходов и всестороннем учете специфики народного эпического повествования. И трудно признать правомерным тенденциозное противопоставление, являющееся для автора опорным: «...литературные достоинства Сасунской саги превосходят ее значение как исторического или лингвистического документа» (13). На деле эти стороны едины и нерасторжимы.

«Сегодня мы не читаем поэм Гомера ради их исторического интереса, хотя он и велик. Мы читаем их потому, что мы наслаждаемся ими, это хорошие сказания. Так и в Сасунской саге мы имеем дело с повествовательной поэмой, которой армяне наслаждались в течение веков» (15), — акцентирует автор. Конечно, нельзя приравнивать поэмы Гомера к трудам по истории Греции. Но верно ли считать, что народ веками слушал эпос только ради «литературного» наслаждения? Разве не упускаются при этом из виду все те устремления, которые побудили народ создать этот эпос и бережно хранить его?

Неоднократно выступая против соотнесения эпоса с историей, Сурмелян, как ни странно, практикует его сам, причем порою делает это не лучшим образом. Например, он пишет: «Подобно другим народным эпическим сказаниям у этого эпоса был большой период созревания и развития, а настоящей формы он, вероятно, достиг в двенадцатом столетии, но некоторые части еще старше и уходят в библейские времена. В Санасаре и Балтасаре мы узнаем Сарасара и Адрамелека, а Сеннакериб, король ассирийцев, отождествлен с Халифом багдадским. В варианте Гурбо Валтасар именуется Абамеликом, а в других вариантах Халиф багдадский выступает под именем Сеннакериб или чем-то близким к этому имени:

«И Сеннакериб, король ассирийцев, уезжая, уехал: и возвратился он и поселился в Ниневии.

«И когда он молился своему богу в храме Несрока, Адрамелек

и Сарасар, его сыновья, убили его мечом. И бежали они в землю армян» (Библия, 4-я книга царств, глава 19)» (28).

Как мы видим, упоминание земли армян в Библии в сочетании с отдельным созвучием (Санасара с Сарасаром, Балтасара с Адрамелеком) кажутся американскому издателю достаточными фактами для весьма рискованной исторической идентификации и увязывания эпоса с религиозным источником.

В другом случае Сурмелян отмечает лишь чисто внешнее сходство: «И современный читатель также заметит определенное сходство между армянским Давидом и Давидом библейским, а битва с Мсра-Меликом напоминает нам борьбу Давида с Голиафом» (16).

Не приближают, а удаляют читателя от понимания исторической художественной сущности эпических образов и другие аналогии, как, например: «Эти армянские супермены с их «сумбурными» желаниями могут быть названы битниками средних веков» (18). Нельзя считать удачным и сравнение Давида Сасунского с Робин Гудом.

О тексте, предлагаемом читателю, Леон Сурмелян говорит, что «это первая попытка создать не только английский, но также поэтический вариант Сасунского эпоса в его целостности» (14).

Принцип подготовки текста он раскрывает следующим образом: «Полные повествования относительно немногочисленны и приходится стегать их воедино, чтобы получить полную картину. Это именно то, что я сделал в «Храбрых Сасунцах», заботясь, чтобы не упустить ни единой важной детали или значительного эпизода и в то же время ничего не добавить» (20). В дополнение укажем, что «стыки» между соединенными частями в тексте не обозначены; не называются и конкретные источники каждого из объединяемых повествований.

Перевод является литературным по своему характеру. Выполнен он прозой. Следует признать, что текст Леона Сурмеляна отличается логичностью и последовательностью изложения. В нем нет пропусков и недоговоренности. Читается он легко и с интересом. В этом смысле надо отдать должное работе Леона Сурмеляна, несомненно отразившей в себе его богатый литературно-творческий опыт. Но целостность его текста — искусственная. Это компоновка и «мозаика», осуществленная литератором из текстов (и отдельных деталей!), зафиксированных от разных исполнителей и в разное время. Иначе говоря, издание Леона Сурмеляна, представляя новый опыт свода армянского эпоса, не решает задачи документальной публикации армянских героических сказаний в том «автономном» и аутентичном виде, в котором они бытовали в народе и записаны собирателями.

Отличия текста Леона Сурмеляна от советского сводного издания значительны и разнообразны. Есть небольшая ретушь, когда в общую канву сюжета вплетены небольшие фрагменты. Налицо несовпадения некоторых имен и географических названий. Добав-

лены целые эпизоды, а другие эпизоды и сцены переставлены, и т. д.

Следует отметить, что содержание свода и текста американского издания почти всегда совпадают в начале и в конце глав, а отличия и всевозможные отклонения, замечаемые у Леона Сурмеляна, наблюдаются главным образом в самом повествовании. Дополнения порой откровенно тенденциозны и подобраны так, что акцентируются, например, религиозные моменты в повествовании.

В своде дочь армянского царя Гагика Цовинар ставит перед Халифом условие, чтобы он после свадьбы не входил к ней в спальню целый год, в американском издании — сорок дней. В тексте свода возраст Халифа и Цовинар не указан, в американском говорится, что Халифу — 90 лет, а Цовинар 10—11. В своде Халиф никого конкретно не подозревает, когда узнает, что Цовинар ждет ребенка; в американском — дано уточнение: «...он подозревает монаха. Это был заговор с целью осквернить его династию христианской кровью» (38).

Из свода узнаем, что Халиф багдадский, забыв обещание не ходить войной на армян, вновь собрал войско и заявил Цовинар: «Пойду я войной, соберу свою дань!» — и действительно отправился в поход против армян в Сасун, где вел войну семь лет. В тексте американского издания Халиф (именуемый, кстати, Сеннакерибом) идет воевать не в Сасун против армян, а в Иерусалим против неверных: «Несколько позднее Халиф сказал госпоже Цовинар: «Я собираюсь отнять Иерусалим у неверных». Он собрал свои войска и обеспечил армию всем необходимым для долгой осады. Она сказала: «Долгих лет жизни тебе, мой король, но не ходи войной против христиан». Он сказал: «А почему бы и нет?» Она сказала: «Прошлой ночью я видела сон... Он сказал: «Эх Цовинар, так ты спиши для себя, а сны видишь для других? Я решил уничтожить неверных. Я сотру их породу с лица земли».

И он собрался и отправился на войну. Халиф Сеннакериб направился в Иерусалим со всеми своими войсками и после семи лет войны разбил христиан» (41—42).

Судя по своду, старшинство троих сыновей Санасара следующее: Верго, Горлан-Ован, Мгер; в тексте, изданном Леоном Сурмеляном: Мгер, Верго, Горлан-Ован.

Если принять к сведению свидетельство Сурмеляна о том, что он «стегал» «разрозненные» части, стремясь «не упустить ни одной важной детали», то следует предположить, что специфические элементы текста американского издания появились отнюдь не только в результате восстановления по оригиналу исконных для данного варианта деталей (которые могли вытащить при составлении свода), но и в итоге внесения их из других вариантов.

Критикуя довоенный свод «Давида Сасунского», Леон Сурмелян считает, как уже отмечалось, что в нем «отсутствуют некоторые чрезвычайно важные эпизоды», в частности «раздел о Мгере Младшем», который «по объему мог бы быть вдвое больше». Между

тем в его собственном издании раздел о Мгере Младшем вдвое больше по объему не стал.

Текст эпоса снабжен примечаниями, которые в отличие от французского издания приведен не постранично, а в конце каждой главы. Общее количество пояснений значительно меньше, чем во французском издании. Автор объясняет, что он стремился сосредоточить внимание читателя целиком на художественной стороне эпоса, а многочисленные ссылки, пояснения, толкования материала могли бы только отвлечь от художественного восприятия текстов. На наш взгляд, описание не вполне оправдано, и в ряде случаев пояснения могли быть, конечно, значительно богаче.

Приводимые объяснения неодинаковы по своему характеру: есть пояснения, едва ли нужные: «Живой Бог: в противоположность мертвым или неодушевленным идолам язычников» (54).

Более оправданы объяснения специфических народных выражений, понятий быта, религиозных представлений и т. д. (однако нельзя сказать, что они всегда удачны).

Ряд примечаний относятся к упоминаемым в повествовании событиям. Например, в тексте: «Мсра-Мелик сказал: Давид должен пройти под моим мечом, прежде чем я отпущу его назад в Сасун. Я также являюсь королем Сасуна» (115). В сноске: «В некоторых вариантах есть небольшой эпизод о захвате Сасуна Мсра Меликом. Пока Давид в Египте, Ован находится в плену» (135).

Кроме того, в сносках даются пояснения, толкования национальных, этнографических, социальных и других явлений и понятий. Например, о причине отказа Мгера Младшего стать королем у просящего его народа, мы узнаем из сноски: «Несспособность Мгера иметь своих детей делает для него невозможным стать королем. Этим объясняется его неоднократный отказ стать королем. Как король он должен иметь наследника» (279).

В заключение можно сказать, что, имея несомненное литературное значение, работа Сурмеляна все же во многих отношениях не является достаточно основательной.

III

Исследователи тюркской литературы Пертев Наили Боратав и Луи Базен издали на французском языке киргизский эпос «Эр-Тоштюк»⁶, озаглавив его: «Чудесные приключения под землей и в других местах Эр-Тоштюка, великана степей (Эпопея из цикла «Манас»)».

Издание входит в серию ЮНЕСКО. В программе изданий ЮНЕСКО⁷ указывается, что перевод текста сделан Перте-

⁶ «Aventures merveilleuses sous terre et ailleurs de Er-Töshkü le géant des steppes. Épopée du cycle de Manas». Gallimard, 1965, 308 p.

⁷ «Programme UNESCO de traductions d'œuvres littéraires». UNESCO, Paris, 1966, 31 p.

вом Боратавом, а введение и комментарий принадлежат Боратаву и Базену.

В книге имеются: введение, справка о публикуемом памятнике, пояснительные заметки о подготовке текста, текст эпоса, комментарий и библиография.

В сравнительно небольшом введении авторы информируют о бытованиях данного эпоса среди многих тюркоязычных народов, приводят сведения историографического характера, дают краткий пересказ сюжетов разных вариантов «Эр-Тоштюка», высказывают ряд теоретических положений по данному эпосу. В пояснительных заметках они объясняют принятые ими к французской графике некоторые условные обозначения для удобства чтения киргизских слов, буквосочетаний, отдельных звуков⁸.

В пояснительных заметках объясняется также способ подачи и комментирования текста. Большой научный комментарий касается не только данного эпоса, но и явлений общетюркского и общевосточного характера. Небольшая библиография включает в основном работы русских и советских авторов, заглавия которых переведены на французский язык.

В основу своего перевода французские издатели положили киргизский оригинал поэтической поэмы «Эр-Тоштюк»⁹. Однако они считают, что киргизское издание не достаточно полно представляет бытующий среди тюркских народов эпос «Эр-Тоштюк». Тем не менее они пишут, что «это одновременно самый распространенный и самый лучший «Эр-Тоштюк» из всех известных вариантов. Он, очевидно, восходит к превосходному преданию» (10). Говоря же об эпическом наследии киргизского народа, французские издатели констатируют, что «киргизы... обладают тем редким преимуществом, что до настоящего времени в полной жизненной силе сохранили устную передачу эпических сказаний, объем и богатство которых в высшей степени замечательны» (9).

Объясняются причины, побудившие исследователей из всех киргизских эпических произведений сделать перевод именно данной эпической поэмы. «Нас побудило к переводу то, что средние размеры поэмы были удобны для публикации. Другим обстоятель-

⁸ Так, например, киргизское «бай» пишется не как предполагаемый французский эквивалент *baille*, но как *bay*; киргизский звук *ə* передается не соответствующим французским буквосочетанием *eu* (как в слове *leur*), а как немецкое *ö* (*Umlaut*); киргизское *у* транскрибируется немецким *ü* (*Umlaut*), а не французским *u* (как в слове *but*); киргизский звук *ш* оформляется не посредством французского устойчивого *ch* (как в слове *chat*), но через *sh* (ср. *Töshlük*). Носовые *m*, *n* — всегда звуки согласные и не образуют, как во французском, гласных носовых, и поэтому киргизское имя Элеман пишется не как предполагаемый французский эквивалент *Elémène*, но как *Eleman*; *e* всегда произносится как открытое *e*. Немого французского *ə* в тексте нет. И потому киргизское имя Кенжеке читается, как пишется: *Кенже*, и др.

⁹ «Эр Төштүк». Айтуучу С. Карадаев, Кыргызстан мамлекеттик Басмасы. Фрунзе, 1956.

ством, склонившим нас к этому выбору, было то, что из всех киргизских эпических поэм именно «Эр-Тоштюк» была по времени первой поэмой, напечатанной на языке оригинала (издания 1938 г., затем — 1956), первой, во всяком случае, текст которой мы смогли достать» (10).

В связи с тем, что настоящий эпос в разных вариантах бытует у трех тюркских народов: у киргизов — «Эр-Тоштюк»; у казахов — «Эр-Тоштик» («Ир-Тоштюк»); у тюменских татар — «Ир-Тюшлюк», французские издатели в введении дают краткие сведения о публикациях и прозаический пересказ записанных вариантов: «Киргизские варианты — «Поэма, напетая Саякбаем Карапаевым», «Поэма, напетая Джолоем и записанная В. Радловым»; казахские — «Эпическая сказка с признаками стихотворной формы, записанная Диваевым», «Первая сказка, собранная Потаниным»; «Вторая сказка, записанная Потаниным», вариант тюменских татар: «Сказка в прозе, опубликованная В. Радловым».

Составители детально знакомы с источниками, их работа свидетельствует о понимании проблем, возникающих при изучении данного эпоса. «Некоторые киргизские варианты известны в стихах, некоторые в прозе. Казахские варианты и вариант тюменских татар — в прозе (один казахский вариант, однако, сохраняет признаки стиха) стихотворные формы кажутся более древними» (10).

Касаясь прозаических вариантов «Эр-Тоштика» у киргизов, французские издатели ссылаются на указанное киргизское советское издание: «В своем предисловии к вышеупомянутому изданию «Эр-Тоштика» (Фрунзе, 1956) Дж. Таштемиров сообщает о существовании двух неопубликованных киргизских вариантов в прозе этого эпоса, недавно записанных из уст эпических сказителей Сурначиева Калчи и Джамгырчиева Джумы; но он не дает их анализа» (13).

Помимо упомянутых трех казахских вариантов авторы французского издания называют другие казахские варианты, также со ссылкой на публикации фольклористов советского Казахстана.

Характеризуя цельность, связность, последовательность событий в каждом из вариантов, они выделяют казахский вариант Диваева: «Этот вариант несомненно является самым связным из всех; он по сравнению с другими позволяет объяснить неясные места киргизского текста, который мы переводим. Вот почему мы провели детальный анализ этого варианта» (16) (заметим, однако, что внимание к выделяемому тексту выражалось лишь в кратком пересказе его содержания). О втором казахском эпическом повествовании, записанном Потаниным, авторы книги пишут, что «этот вариант кажется укороченным в конце». Вариант тюменских татар, по их мнению, «больше других расходится со всеми другими вариантами эпоса как по своему содержанию, так и по географическому распространению» (21). Пересказа киргизского

варианта французские издатели не приводят; они пишут: «Вариант Каалаева полностью представлен в нашем переводе и было бы излишним здесь давать его анализ» (10–11).

Текст, взятый за основу, изредка дополняется небольшими отрывками из другого варианта. Но важно отметить, что в книге обозначается происхождение каждой части повествования: «Одна звездочка указывает, что отрывок, который за ней следует, принадлежит варианту Каалаева (больше 93% нашего перевода)», «Две звездочки указывают, что отрывок, который за ними следует, взят из варианта Джолоя (немногим больше 6%)». Кроме того, «три звездочки предшествуют немногочисленным и коротким фразам, которые переводчик должен был добавлять, заключая их в скобки, для понимания текста» (29). Таким образом, вставки занимают самое небольшое место и всегда оговариваются.

Исследователи считают, что присутствие сносок на каждой странице неудобно для читателя и потому весь комментарий они поместили в конце текста, снабдив его сквозной нумерацией (470 сносок).

Деление эпоса по главам во французском издании не совпадает с делением его в оригинале (в киргизском тексте основного варианта — 43 главы, во французском — 56).

Сличение киргизского и французского текстов показало, что некоторые большие главы оригинала в переводе на французский разделены на две части, причем каждая часть становится самостоятельной главой. Первая сохраняет название киргизского текста, а вторая озаглавлена французскими составителями. Так, глава 28 оригинала «Два зяя перед народом» составила две французских — главу 37: «Два зяя перед народом» и главу 38: «Первое испытание: «Железный чурбан».

Такое дробление текста не всегда оспоримо, так как выделение отдельных больших или нескольких связанных между собою малых эпизодов в самостоятельные главы диктуется логикой их содержания.

По мнению французских составителей, «можно легко представить и другие деления эпоса».

Главы во французском тексте не совпадают с оригиналом не только по количеству, но подчас и по самим заглавиям. Иногда отдельные эпизоды оригинала выделяются в самостоятельные главы в переводе (например, глава 17: «Как Чалкуйрук разговаривал с Тоштиюком»). В тех случаях, когда к основному содержанию главы варианта, взятого за основу, даны добавления, название главы видоизменяется. Так, киргизская глава «Тоштиюк в Подземельи» стала называться: «Первые встречи Тоштиюка в подземном мире».

В главах, состоящих только из записей В. Радлова, название не меняется, например: «Как Тоштиюк поехал к Кырым-Хану», «Как Тоштиюк поехал к Урум-Хану», «Рождение и смерть Бир-Билека».

Компонуя текст, издатели удалили из него несколько стихов для лучшего по их мнению сочетания последующих событий; перевод удаленного восьмистишия они приводят в комментарии.

Говоря о варианте Каалаева, который взят за основу при составлении связного французского текста, они пишут: «Он включает (в издании 1956 г.) 12 316 стихов, перевод которых мы даем полностью. Мы изъяли только восемь последних стихов на странице 248, в конце нашей 52 главы, которые мы переводим в сноске. Эти стихи не могут и в самом деле согласовываться с содержанием нашей 53 главы, заимствованной из текста Радлова» (10).

Киргизскому оригиналу свойствен полурифмованный белый стих. Французский перевод эпоса выполнен в прозе.

Сличение киргизского стихотворного текста варианта Каалаева с французским прозаическим текстом показывает, что перевод сделан на достаточно высоком художественном уровне. Стилистические расхождения неизбежны и объясняются различием очень далеких друг от друга языков. Есть также некоторые отклонения в описаниях деталей. Но в целом оба текста равнозначны по содержанию.

Для подтверждения приведем отрывки из обоих текстов, описывающих одни и те же сцены.

Первая глава французского текста эпоса составлена из текстов Радлова и Каалаева. Так случилось потому, что составители сочли неправильным начинать эпос, как это сделано в киргизском издании, сразу с детства героя, минуя его рождение.

И если киргизский текст начинается главой: «Детство Тоштука», то французский — «Рождением и детством Тоштука». Самые первые строки, в которых описывается предыстория и рождение героя, взяты из записей Радлова. Затем следует небольшая вставка из текста Каалаева, которую мы приведем в оригинале и в переводе:

Киргизский текст

Ал Кемпирдин баласы
Тогуз айга толуптур.
Тогуз айга толгондо,
Толгоо пайда болуптур.
Төрөлгөндө ал бала,
Тоюона токсон сойду дейт,
Ат чаптырып, той қылым (15).
(Мальчику той старухи
Исполнилось девять месяцев,
Когда девять месяцев исполнилось,
Схватки родовые начались.
Когда родился мальчик,
На пир зарезали девяносто
(голов скота), (говорят),
Конные скачки устроили, пир устроили) (15).

Французский текст

«Et quand neuf mois furent écoulés, la vieille eut des douleurs et accoucha d'un enfant mâle. Lorsque le garçon vint au monde, son père sacrifia quatre-vingt-dix bêtes pour célébrer sa naissance. Il organisa des courses de chevaux et offrit un festin» (33). («И когда прошло девять месяцев, у старухи начались родовые схватки, родила она ребенка мужского пола. Поскольку появился на свет мальчик, его отец принес в жертву девяносто животных, чтобы отпраздновать рождение. Он устроил кошные скачки и устроил пиршество») (33).

Далее идет большая вставка из записи Радлова, а затем вновь продолжается текст С. Карапаева, переданный во французском издании также почти дословно.

Киргизский текст:

Элемандын эркеси
Мойнун тумар тактырып,
Кылдаткерге бактырып,
Эртен менен болгоңдо
Элүү кара торпокту
Садагага кактырып,
Бирөөнүн козу болду деп,
Калк ырымын кылдырып.
Кермесин кенен кердирип,
Кермедеги туллардан
Садагага бердирип (15).
(Любимцу Элемана
На шею повесили амулет;
Мудрому наставнику дали на воспитание.
Утром
Пятьдесят черных бычков
В жертву резали,
Чтобы кто-то не сглазил,
Велели совершать народный обряд.
Веревочную коновязь сделали еще шире,
Из привязанных к коновязи скакунов
В жертву приносили.) (15).

Французский текст

«Eleman fit suspendre des amulettes au cou de son fils bienaimé. Il le confia aux soins du Maître-Devin. Au matin, il fit sacrifier cinquante taurillons noirs, pour offrir en aumône. Pour détourner le Mauvais-œil, il fit réciter sur lui d'innombrables incantations.

Ses cordées de chevaux étaient longues. Parmi ces longues cordées, il fit choisir le meilleur des coursiers pour le consacrer à son fils» (34). («Элеман повесил амулеты на шею своему любимому сыну. Он его поручил заботам Мудрого Наставника. Утром он велел убить пятьдесят черных молодых быков, чтобы предложить их на пожертвование. Чтобы отвратить дурной глаз, он велел прочитать над ним бесчисленные заклинания.

Веревочные коновязи лошадей были длинными. Из этих длинных коновязей он велел выбрать самого лучшего скакуна, чтобы подарить его своему сыну» (34).

Французский текст первой главы почему-то включает только три четверти киргизского текста этой же главы. Оставшаяся часть киргизской первой главы начинает четвертую главу французского текста.

Вторая и третья главы во французском издании полностью состоят из текста, записанного Радловым, а четвертая — также полностью из текста С. Каракаева, но из разных его глав.

Расчленение первой главы оригинала на две неравные части и присоединение второго отрывка к началу четвертой главы в переводе несколько удивляет, тем более что рассечение оригинала произошло внутри фразы, после запятой.

К и р г и з с к и й т е к с т

«Эр Тоштүк тентек экен» — деп,
Калайыкка жайылды.
Жалпы балдар коркушуш,
Бакалашты айылды.
Элемандын Төштүгү,
Он экиге келгенде,
Урупарга тоо ташпай,
Урушарга жоо таппай (16).
(«Эр Тоштюк оказался драчуном» — (говорят),
В народе распространился слух такой.
Все дети боятся,
С опаской просматривают аил.
Элеманову Тоштюку,
Когда исполнилось двенадцать лет,
Не находил горы, с которой можно было бы столкнуться,
Не находил врага, с которым можно было бы сразиться)
(16).

В этом месте французский текст обрывается и глава заканчивается, в то время как в киргизском издании она имеет продолжение:

К и р г и з с к и й т е к с т

Эртен, менен энтелен,
Баатыр Төштүк келатса,
Коңулу кетти бөлүнүп,
Уй сааган бир кемпирдин
Жанында әркек баласы
Ойнот турат көрүнүп.
Балага Төштүк басканы,
Көре салып ал бала

Атасын айтып айкырып,
Энесин айтып бакырып,
Энесин көздөп качканы.
Элемандин Тоштүгү
Балалы кармап алууга,
Валакетти салууга
Жакын кирип барганы.
«Токто, Төштүк, сөз ук!» — деп,
Кемпир тосуп калганы (16).
(Утром послешая,
Герой Толптик идет,
Его внимание привлек
Мальчик, игравший возле старухи,
Которая доила корову,
К мальчику подошел Толптик.
Увидев это, мальчик
С громким криком позвав отца,
С громким криком позвав мать, закричал,
И к матери побежал.
Элеманов Тоштюк,
Чтобы поймать мальчика,
Чтобы наделать бед
Близко к нему подскочил.
— «Стой, Тоштюк, послушай слово!» — сказав,
Старуха вышла наперевез (16).

Французский текст всего отрывка

«Sur toute la terre se répandit la renommée de son courage. Les garçons du campement, de peur, n'osaient quitter leur tente. Töshtük, fils d'Eleman, atteignant sa dousième année, ne pouvait plus trouver nulle montagne à affronter, nul ennemi avec qui se mesurer» (35).

«Un beau matin, comme elle trayait sa vache, une bonne femme vit arriver le Vaillant Töshtük, pleine de fougue. Non loin d'elle, son jeune garçon s'occupait à ses jeux. L'enfant, voyant Töshtük foncer sur lui, cria vers son père, appela sa mère, et s'enfuit vers elle. Töshtük, fils d'Eleman, était déjà sur le garçon, il allait le saisir, le frapper, et plonger la pauvre femme dans le malheur.

— Attends, Töshtük! Écoute-moi! crie-t-elle, en lui barrant la route» (41).
«По всей земле распространилась молва о его храбости. Мальчики кочевья боялись покидать свои юрты. Тоштюк, сын Элемана, к двенадцати годам не мог найти ни одной горы, которую бы он не одолел, никакого врага, с которым он мог бы помериться силами. В одно прекрасное утро, когда она доила корову, женщина увидела приближающегося храброго Тоштюка, полного запальчивой отваги. Недалеко от нее играл ее маленький мальчик. Ребенок, увидев Тоштюка, устремившегося к нему, крикнул своему отцу, позвал мать и убежал к ней. Тоштюк, сын Элемана, был уже возле мальчика, готов был схватить его и сразить и тем самым повергнуть бедную женщину в беду.

— Подожди, Тоштюк! Послушай меня! — закричала она, преграждая ему путь» (41).

Соединительные фразы, внесенные составителями, в основном связывают между собою главы. Есть также случаи, когда соединительные предложения (84) и даже целый абзац (116) стоят внутри глав. В данном примере они связывают текст С. Карадаева с записями В. Радлова.

Комментарии к тексту призваны глубже раскрыть духовный мир данного эпоса. Однако часто пояснения относятся не только к быту и мировоззрению киргизов или даже тюрков вообще, но также к эпическому миру других, более древних восточных народов.

Приведем несколько примеров примечаний с сохранением их порядкового номера.

«4. *Той* — название обрядовой еды у многих тюркских народов. Такие пиршества даются в честь торжественных или радостных случаев (еда поминальная называется *аш*).

«5. Киргизский обычай (и тюркский вообще) состоял в том, чтобы не давать ребенку имени при его рождении. Одной из причин этого обычая является защита ребенка от «дурного глаза», который больше всего опасен для того ребенка, у которого есть имя (произнесение этого имени в различных обстоятельствах навлекает несчастье): смотри нашу ссылку № 439, а наиболее полно об этом говорится в эпизоде «Бир-Билека» нашей 53 главы.

«21. В эпических повествованиях о прославленных скакунах обычно говорится — *о шести, о семи или о восьми ногах*: выражение следует понимать figurально. Воображаемая быстрота увеличивается вместе с количеством ног животных».

Известно, какое большое значение в эпосе придается выбору имени героя. Важно, однако, не только имя, но кто, когда и при каких обстоятельствах его дает. Французский комментарий приводит толкование многих женских и мужских имен, а также все, что связано с ритуалом наречения имени. Таково, например, объяснение мужского имени Бокмурун.

«73. Из киргизского *бок* («кал») и *мурун* («нос»). Этот вид уничтожительного имени предназначен для борьбы с «дурным глазом» (см. ссылку 5), по-всюду нападающим на детей, которых расхваливают (как *Бир — Билека*, глава 53). Поэтому, чтобы избежать несчастья, которое приносит «дурной глаз» ребенку, можно либо не давать имени (как в случае с *Тоштюком*) до прихода Старца, который дает имя, либо давать ему какое-нибудь уничтожительное, отталкивающее, как в данном случае».

Мы представили лишь несколько примеров, однако и они показывают, что сам принцип издания эпических произведений с комментариями оправдан.

Обзор вариантов поэмы у разных тюркских народов, упоминание о прозаических вариантах и, наконец, сведение воедино двух разных записей с добавлением соединительных вставок от себя все это в той или иной степени связано с определенным пониманием эпоса.

Теоретические положения зарубежных тюркологов порой довольно противоречивы. Они утверждают, что поэма «Эр-Тоштюк» является не собственно киргизской, а общетюркской. Более того, она не самостоятельное творение народа, но «конгломерат», переделка многочисленных мотивов и эпизодов, взятых из фольклорных глубин киргизов, казахов, их соседей, а также других тюркских народов как в Центральной Азии, так и в Турции. Разрозненные эпизоды, думают они, превратились в эпос лишь благодаря деятельности сказителей и певцов, которые по своему умению и разумению соединили известные им эпизоды, всякий раз добавляя к ним материал собственного воображения.

Таким образом, французские авторы явно преувеличивают роль индивидуального начала в создании разбираемых произведений. Роль певца прежде всего мыслится как роль единоличного творца, создающего эпос на основе «различных источников» и «новых элементов», «извлекаемых из своего собственного воображения» (24).

Отметим и неправильность включения французскими издателями эпоса «Эр-Тоштюк» в цикл «Манаса». Эта поэма не «центрируется», не тяготеет к «Манасу», как пишут авторы, а является самостоятельной и, возможно, более древней, чем «Манас».

Поскольку версии «Эр-Тоштюка» у разных тюркских народов близки между собой, французские авторы говорят о наличии общей схемы эпоса. Замеченные ими значительные сюжетные расхождения в варианте тюменских татар они считают возможными пропусками. Отсутствие поэмы «Эр-Тоштюк» у казанских татар они объясняют тем, что «она могла исчезнуть из их обихода» (24).

«Эр-Тоштюк» принадлежит не одному, а многим тюркским народам, некогда жившим на огромной территории, — полагают авторы, и это, вероятно, справедливо. Но сдва ли правы они, когда утверждают, что сложение древних эпизодов в единое повествование произошло поздно, в середине XIX в.

«Все, что можно утверждать, так это то, что легенда о Тоштюке появилась в середине XIX века как общее достояние... народов тюркских языков, которые занимали сплошную географическую зону, включающую Киргизию, Казахстан и Тюменскую область, и что легенда, должно быть, раньше входила в эпическую поэму, развитие которой следовало приблизительно по общей схеме, довольно детальной, которую мы выше воспроизвели. Киргизский эпос «Тоштюк» является ее современным завершающим вариантом» (24).

Здесь налицо противоречие: вначале говорится о том, что легенда предшествовала эпосу, который как бы вышел из этой общетюркской легенды, а затем утверждается, что еще раньше легенда входила в эпос.

Утверждение о том, что «Эр-Тоштюк» — «современная» киргизская поэма — не случайно и основывается на такой мысли авторов: «Несмотря на ее необычный характер, действия в поэме по-

стоянно переносятся в атмосферу повседневной жизни: общество героев чем-то близко напоминает то самое общество, в котором жили киргизы немногим больше сорока лет назад, до великих преобразований советской эпохи. Это прежнее общество старые манасчи, такие как Карадаев, хорошо знали» (25).

Справедливое замечание о великих преобразованиях в жизни тюркских народов в советское время надо отграничить от ошибочного утверждения, будто до самой революции киргизы жили только той жизнью, которая отражена в «Эр-Тоштюке».

Одно противоречие не может не породить другое. Так, например, если «Эр-Тоштюк» — повествование «современное», которое, как пишут издатели, примирает к самым последним дням дореволюционной эпической жизни киргизов, то каким образом оно «осталось вполне языческим»? Между тем именно таково заключение авторов, исходящих из реального содержания эпоса: «...религиозная идеология ислама лишь поверхностно повлияла на создание эпоса: даже там, где его проявления наиболее очевидны..., они производят впечатление внешней художественной «фанеровки». Таким образом, ссылки на Бога Единого, слугу которого называет себя Тоштюк, или употребление слов «неверный», «неверующий» (*капыр*=арабскому *кафир*), относящихся к отрицательным персонажам, никоим образом не сопровождаются глубокой исламинацией атмосферы эпоса, который в сущности, несмотря на формальные уступки, сделанные религии, остается вполне языческим» (25). В свете этих наблюдений верным был бы только один вывод, что «Эр-Тоштюк» сложился еще до принятия ислама.

Справедливости ради отметим, что авторы французского издания высказывают немало серьезных мыслей и интересных наблюдений. Так, например, заслуживает внимания мысль о привнесении поздними певцами реалистичности в эпос, о сочетании вымысла и «естественней правдивости психологии персонажей» и др. Однако в целом в их концепции ощущается нечеткое понимание и разграничение мифа, легенды и эпоса и даже смешение легенды с эпосом.

Пертев Боратав и Луи Базен дают высокую оценку рассматриваемому эпосу. Но и эта оценка порой отражает противоречивость их теоретических взглядов. «Киргизский эпос «Эр-Тоштюк» в варианте Саякбая Карадаева, так справедливо оцененный самим киргизским народом, пронизан действенным гуманизмом, который придает ему универсальную ценность. В то же самое время своим изображением жизни прежних киргизских кочевников, реже радостной — на охоте и на праздниках, — чем тоскливой — в бескрайних степях и пустынях или среди величия ледяных горных вершин, — он является подлинным памятником тысячелетнего национального предания» (26). Между тем вначале, как мы видели, исследователи утверждали, что «Эр-Тоштюк» — произведение, современное предреволюционной жизни.

В введении затронуты и другие немаловажные проблемы эпоса: соотношение вариантов у различных тюркских народов,

трудности установления ядра эпоса и др. Приводится краткая характеристика главных героев и характеристика стиля поэмы.

Исполнитель эпоса оценивается как «великий актер» и «истинный поэт». Смысл, содержание деятельности сказителя как актера и поэта раскрываются подробно.

В заключение своей теоретической работы Боратав и Базен высоко отзываются о народном сказителе Саякбае Каалаеве. «Мы должны в заключение отдать должное Саякбаю Каалаеву, старому киргизскому манасчи, вариант которого, полный таланта и силы, позволяет нам судить о высокой ценности эпоса «Эр-Тоштюк». Мы считаем, что Саякбай Каалаев вполне заслуживает титула эпического поэта и он несомненно по праву прозван киргизским Гомером» (28).

Оценивая издание в целом, надо сказать, что главное достоинство его — в довольно точном переводе эпоса. Имеющиеся отклонения, как уже отмечалось, неизбежны в силу большой структурной отдаленности языков. Авторы стремились представить читателю эпос прежде всего как подлинный документ художественного творчества: «Чтобы сделать наш перевод более «литературным», мы могли бы выбросить из текста значительную часть, но мы не хотели этого делать, желая прежде всего представить читателю подлинный документ» (27).

Недостатком работы можно считать теоретические противоречия, о которых говорилось выше.

Краткий анализ зарубежных изданий армянского и киргизского эпоса показывает, что их авторы избирают собственные пути представления эпоса читателям.

Успехи различных авторов, как и способы перевода, научный уровень комментирования, принципы издания эпоса неодинаковы. Наибольшей близостью к оригиналу и филологической основательностью отличается издание киргизского эпоса «Эр-Тоштюк» (при всем том, что отчасти это также свод эпического текста). Определенный художественный интерес представляют и переводы Фредерика Фейди и Леона Сурмеляна. Что касается интерпретации эпоса, то она (особенно у Сурмеляна) зачастую является весьма спорной и требует критической оценки.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
От редакции	5
 Раздел первый	
В. М. Гацак.	7
Б. П. Кирдан.	47
Н. В. Кидайши- Покровская,	
А. С. Мирбада- лева.	
А. И. Чудояков.	64
Традиционные элементы стиля в эпическом тексте	64
Единство эпического повествования в шорских героических поэмах	97
 Раздел второй	
В. М. Гацак.	109
Героические песни собрания Александри и проб- лема их основного текста	109
А. И. Алиева.	148
Б. П. Кирдан.	161
И. В. Пухов.	170
С. Н. Кондратьева.	180
В. М. Сидельников.	196
Н. Е. Никифорец.	206

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЭПОСА

Утверждено к печати
Институтом мировой литературы им. А. М. Горького
Академии наук СССР

Редактор издательства *В. Ф. Журавлева*

Художник *Л. С. Эрман*

Художественный редактор *С. А. Литвак*

Технические редакторы *В. И. Зудина, Р. Г. Грузинова*

Сдано в набор 9/VI 1971. Подписано к печати 7/X-1871 г.
Формат 60×90 $\frac{1}{16}$. Бумага № 2. Усл. печ. л. Уч.-изд. л. 14,5
Тираж 1.400 экз. А-04152. Тип. зак. 2542. Цена 1 р. 70 к.

Издательство «Наука». Москва К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука». Москва Г-49, Шубинский пер. 10

1100-00]